

Мария К



Шелковые Нити

18+

# Мария К

# Шелковые нити

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70272244](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70272244)*

*SelfPub; 2024*

## Аннотация

Вся жизнь Хлои меняется, когда она встречается его. Богатый, обаятельный и загадочный Ричард Стерлинг открывает перед ней двери в мир роскоши и всепоглощающей любви. Мир, в который она даже не мечтала попасть. Однако, когда яркие краски угасают, а непрекращающаяся музыка начинает резать уши, Хлоя замечает, что этот мир не так безупречен, как казалось на первый взгляд. За сверкающим фасадом скрываются грязные секреты элит, и темнота, которую они пытаются спрятать за ослепляющим блеском. Сможет ли любовь Хлои и Ричарда преодолеть эту тьму? Или у них нет другого выбора, кроме как сдаться ей?

# Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	76
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	108
ГЛАВА ПЯТАЯ.	127
ГЛАВА ШЕСТАЯ.	159
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	180
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.	287
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.	356
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.	396
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.	419
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.	439
ЭПИЛОГ	452

**Мария К**  
**Шелковые нити**

# ГЛАВА ПЕРВАЯ.

## 1.

Белые стены, украшенные позолоченной оборкой, обрамляли произведения искусства и артефакты внутри. Мягкая, приглушенная элегантность этого места создавала безмятежный фон, холст, на котором сияли экспонаты.

Мраморный пол под ногами посетителей придавал ощущение неподвластного времени величия. Его прохладная полированная поверхность резко контрастировала с теплотой окружающих шедевров. Когда посетители прогуливались по просторам музея, мягкое эхо их шагов усиливало общую атмосферу благоговения.

В этом священном пространстве экспонаты занимали центральное место. На фоне девственно белых стен каждая картина и скульптура, казалось, отражали собственную значимость. Контраст между спокойной обстановкой и яркими историями, рассказанными экспонатами погружал посетителей в мир созерцания.

По этим безмятежным залам Ричард Стерлинг, человек богатый и утонченный, прогуливался с видом спокойной

уверенности. Его безупречно сшитый костюм, такой же строгий, как и его манеры, привлекали внимание. Когда он проходил мимо бесценных произведений искусства, его взгляд перебегал с одного шедевра на другой, его знание каждого произведения было заметно по изгибу его губ.

Рядом с одной особенно яркой картиной Ричард заметил молодую девушку, ее внимание было приковано к холсту. Ее волосы цвета блестящей пшеницы каскадом ниспадали на плечи, обрамляя лицо, которое светилось восторгом. Она была незаметным существом в этом мире величия. Его привлекла ее невинность, разительный контраст с цинизмом, который был так ему привычен.

С озорным блеском в глазах он подошел к ней и встал рядом, являя собой воплощение сдержанной элегантности. Его голос, пронизанный нотками обаяния, перед которыми невозможно было устоять, нарушил тишину.

– Что вы думаете по поводу этой картины?

Трагичный сюжет картины не был лишен мистики, которую оба ощущали. Этот завораживающий шедевр запечатлел мифическую сказку, в которой Сирена, известная своей чарующей красотой и пленительным голосом, пала жертвой самых темных человеческих эмоций – ревности и одержимости.

На холсте доминировал залитый лунным светом морской пейзаж, его мерцающие воды ласкали зазубренные скалы. В центре сцены находилась каменная арка, украшенная замыс-

ловатой резьбой с неземными символами, образующая зловещие врата. В арочном проеме стояла Сирена, ее длинные обсидиановые волосы мокрыми прядями прилипли к телу, а глаза горели опьяняющим очарованием, которое когда-то пленило ее возлюбленного.

Избранник, суровый и красивый моряк, стоял в нескольких шагах от нее. Он был изображен с выражением преданности – эмоцией, которая когда-то была присуща исключительно Сирене. Теперь, сжав в своей изящной руке сверкающий кинжал, она сделала свой трагический выбор в пользу оружия.

Сцена была напряженной, пронзительные зеленые глаза Сирены, запятнанные сводящей с ума ревностью, были устремлены на ее любовника. Чувство собственности разрасталась в ее сердце подобно буре, доводя ее до грани одержимости. Кинжал зловеще блестел, готовый погасить любовь, которую она больше не могла разделять.

Сцена была богата символизмом; лунный свет олицетворял непостоянную природу эмоций, скалы – метафору пропасти отчаяния. Каменная арка была вратами между мирами, символизирующими важное решение, которое Сирена собиралась принять и которое навсегда изменит ход ее судьбы.

– Она захватывает дух, – прошептала девушка

– Захватывает дух? Но разве это не банальный способ описать искусство? – язвительно заметил он у нее за спиной.

Вздрогнув, Хлоя повернулась к нему лицом, ее щеки вспыхнули.

– Я просто имела в виду, что это... чувственно, – пробормотала она, ее взгляд снова метнулся к произведению искусства.

Ричард ухмыльнулся, в его голосе слышался оттенок игривого скептицизма.

– И что же, могу я спросить, в ней такого чувственного?

Хлоя глубоко вздохнула, полная решимости отстаивать свою точку зрения.

– Эта уязвимость, то, как художник запечатлевает их внутреннее смятение, выставленные напоказ необузданные эмоции... Мы будто можем почувствовать их боль, их страстное желание, – объяснила она, и ее голос обрел уверенность.

Дразнящий фасад Ричарда на мгновение дал трещину, когда он наблюдал за ней с неподдельным интересом.

– Хорошо сказано. Однако это не совсем так. Картина является собой отражение глубины человеческих эмоций, демонстрируя, как даже самые очаровательные и мифические существа могут быть охвачены безумием и помешанностью. Эта трагическая история служит напоминанием о разрушительной силе подобных переживаний и неизбежности их последствий.

Взгляд девушки еще мгновение оставался прикованным к картине, на ее губах появилась слабая улыбка, когда она переваривала слова Ричарда. Ее голос, мягкий и задумчивый,



наконец нарушил тишину:

– Да, это и правда завораживающее. То, как художник использует свет и тень для передачи эмоций персонажей, просто невероятно

Ричард приподнял бровь, приятно удивленный ее ответом:

– А, я вижу, вы тоже любитель искусства. У вас пронзительный взгляд, моя дорогая. Не все по достоинству оценивают тонкости этого шедевра. – Он снова обратил свое внимание на картину, задержав взгляд на несчастном выражении лица главного героя. – Говорят, эта история была вдохновлена трагической историей любви самой художницы, Изабель Монклер.

Глаза девушки расширились от любопытства, и она повернулась к нему с вновь обретенной заинтересованностью.

– Правда? Это ведь придает картине совершенно новый уровень глубины!

Он кивнул, не сводя с нее глаз.

– Это так. Идея этой картины родилась после того, как она пережила болезненную измену своего любовника. Любовь, ненависть, одержимость. Как будто каждый мазок кисти – это отражение её страстного желания, запечатленное навечно.

Хлоя застенчиво улыбнулась, ее восхищение картиной теперь разделялось с очаровательным незнакомцем, стоявшим рядом с ней.

– Я не расслышала вашего имени, – рискнула она.

– Ричард Стерлинг, – ответил он, протягивая руку, его поведение было любезным, но сохраняло таинственный вид. – А Вы, моя дорогая?

Ее лицо покраснело, когда она пожала ему руку.

– Хлоя. Я учусь на факультете искусств.

Заинтригованный ее страстью к искусству, Ричард сохранял видимость галантности, но в глубине души не мог удержаться от тонкого, снисходительного поддразнивания.

– Хлоя, студентка факультета искусств, – повторил он легким, но с оттенком насмешки тоном. – Должен сказать, Хлоя, Вы обладаете энтузиазмом, который редко встречается среди ваших сверстников.

Она нахмурила лоб, уловив снисходительность в его словах.

– Ну, мистер Стерлинг, не всем из нас выпала честь родиться в мире богатства и культуры. Кроме того, Вы не немного старше меня.

Он выгнул бровь, отвечая на колкость слабой улыбкой: “Туше, моя дорогая. Но давайте не будем забывать, что богатство не гарантирует высокой оценки искусства. Для этого нужен проницательный взгляд и утонченный вкус, которым, я не сомневаюсь, Вы обладаете”.

Гордость Хлои промелькнули в ее взгляде.

– Я ценю ваше доверие, мистер Стерлинг. Однако я верю, что у каждого есть способность оценить искусство. Это не

ограничивается немногими привилегированными.

Глаза Ричарда весело заблестели, когда он принял вызов: “Достойный ответ. Возможно, Вы могли бы просветить меня, как мир искусства должен быть более доступен массам”.

– Искусство является выражением души, – парировала де-вушка. – Не только сильные мира сего способны это постичь.

Ричард с лукавой усмешкой наклонил голову: “Вам не кажется, что это своего рода клише – рассматривать искусство как средство выражения души, моя дорогая?”

Хлоя приподняла бровь, заглядывая наживку: “Возможно, так оно и есть, но в клише часто содержатся крупинцы правды. Искусство способно раскрыть то, чего не могут раскрыть слова”.

Ричард тихо рассмеялся: “Ах, так мы романтики в душе, не так ли? Скажите же, что Вы видите на этой картине? Говорит ли она с Вашей душой?”

Хлоя помолчала, не отрывая взгляда от картины, прежде чем повернуться к нему с огоньком в глазах: “Ну, мистер Стерлинг, по-настоящему меня интригует не картина, а разговоры, которые она вызывает”.

Их диалог продолжался, пронизанный завуалированным сарказмом и безобидным подшучиванием, пока они вдвоем продолжали исследовать художественную галерею, их миры сталкивались в танце интеллекта и остроумия, и ни один из них не желал отступить.

– Хлоя, Ваше понимание этих картин поистине заворажи-

вает. У Вас уникальный взгляд на искусство, – заинтригованно ухмыльнулся Ричард.

Хлоя улыбнулась в ответ. Обаяние Ричарда пробудило в ней интерес, но в то же время в нем чувствовалось скрытое высокомерие, которое она не могла игнорировать.

– Знаете, Ричард, искусство – отличный мост между людьми. Оно объединяет все слои общества, напоминая нам о нашей человечности.

Очаровательный фасад Ричарда начал сползать, когда он ответил, его тон стал снисходительным.

– Да, Хлоя, но некоторые люди просто не понимают его глубины. С другой стороны, у меня, как и у Вас, есть врожденная способность видеть его истинную ценность.

Выражение лица Хлои сменилось с заинтригованного на раздраженное. Она приподняла бровь, в ее голосе слышались нотки сарказма.

– Истинная оценка искусства, Ричард, предполагает открытость разума и готовность исследовать различные жанры и перспективы. Дело не в том, чтобы заявлять о своем превосходстве. – Ее слова прозвучали как упрек, и атмосфера в галерее стала напряженной. – У Вас может быть свое видение, но я предпочитаю общаться с теми, кто понимает, что искусство – это связь и сопереживание, а не элитарность.

Не сказав больше ни слова, она повернулась на каблуках и покинула галерею.

Когда шаги Хлои затихли в коридоре музея, Ричард остал-

ся стоять один, на его губах играла кривая улыбка. Он всегда считал себя коллекционером впечатлений, и оживленный обмен мнениями с Хлоей заинтриговал его, но не так, как можно было бы ожидать. Он рассматривал ее как интересный объект, жертву своей неутолимой жажды эмоций и интеллектуальных завоеваний.

Для человека, который привык, что последнее слово остается за ним, такая убежденность и напористость застала его врасплох. Он смотрел на картины и скульптуры, но его мысли были заняты девушкой, которая произвела на него неожиданное впечатление.

Разглядывая произведение искусства, он поймал себя на том, что размышляет о человеческой способности к страсти и убежденности. Хлоя была прекрасным примером этих качеств, и он намеревался исследовать глубины ее разума. В его глазах она была еще одной увлекательной главой в его продолжающемся исследовании человеческих эмоций, головоломкой, которую нужно разгадать и проанализировать.

## 2.

Ричард сидел в своем роскошном кабинете, отделанном темным красным деревом, Чарли, его друг детства, удобно развалился в мягком кресле и раз за разом подбрасывал и ловил яблоко, пытаясь привлечь внимание Ричарда.

– Итак, Рич, у тебя снова этот взгляд, – съязвил Чарли, и понимающая ухмылка расплылась по его лицу. – Ты нашел в музее еще одно увлекательное произведение искусства, которое теперь возжелал?

Ледяные глаза Ричарда метнулись к его другу, в них плясало что-то похожее на веселье:

– Можно и так сказать.

– О, неужели Пикассо ожил и сбил тебя с ног?

Губы Ричарда дрогнули в подобии улыбки, но его глаза оставались холодными. – На этот раз это была девушка. – Он откинулся на спинку кожаного кресла, сцепив пальцы домиком, излучая свою обычную отстраненность.

Брови Чарли удивленно взлетели вверх: “Еще одна? Но то, как ты о ней говоришь, уже интригует. Я думал, у тебя иммунитет ко всему этому”.

Ричард на мгновение задумался над своим ответом, наблюдая, как в глазах Чарли вспыхнул интерес. “Она другая.”

Чарли наклонился, его любопытство было задето: “В чем разница?”

Улыбка озарила лицо Ричарда, хотя в ней и не было теплоты. “Она – вызов. Она умна, независима и не поддается моей обычной тактике.”

Чарли нахмурился. “Вызов? Всезнающему Ричарду? – Он задорно засмеялся. – Обычно ты не идешь на поводу у тех, кто бросает тебе вызов, Рич”.

Ричард пожал плечами, к нему вернулось безразличие.

“Верно. Но она не похожа ни на кого из тех, кого я встречал раньше. У нее хватило наглости усомниться в моей перспективе.”

Чарли наклонился вперед, его веселое поведение приобрело более серьезный оттенок: “Итак, в какую игру ты играешь? Она тебе не интересна, но ты хочешь завоевать ее, да?”

– Я не знаю, очарование ли это, но я хочу... – он задумался, подбирая слова, – поймать ее в свою паутину, как ненасытный паук.

– Знаешь, – Чарли вздохнул, качая головой, – большинство людей здесь не только для того, чтобы тебя развлечь. Но ты не ведь привык к отказам, да? Всегда получаешь то, что хочешь.

– Точно, – признал Ричард, его взгляд был прикован к невидимой точке вдаль. – И именно поэтому я нахожу ее такой... любопытной.

Чарли закатил глаза.

– Просто помни, Рич, она не твоя собственность. Она человек с мыслями и чувствами.

Взгляд Ричарда по-прежнему был прикован к незримому объекту: “Я знаю. Но, как ты и сказал, к отказам я не привык.”

Чарли вздохнул, понимая, что это стремление было направлено не на любовь или привязанность, а на удовлетворение ненасытной потребности Ричарда покорять, утверждать свое господство и быть уверенным, что ему никогда не будет

отказано в том, чего он желает. Он нуждается в контроле и завоеваниях того, что ему никогда не принадлежало: “Осторожней с этим. Не все можно поймать в паутину.”

Их разговор повис в воздухе, как облако дыма, выходящего из сигареты Ричарда.

После долгого молчания, Чарли откинулся на спинку стула, размышляя.

– Знаешь, Ричи, однажды ты сказал мне, что Моника тоже "другая". И где мы сейчас? – усмехнулся он.

Выражение лица Ричарда не изменилось, оно превратилось в непроницаемую маску.

– Моника действительно была другой, но и ситуация, и время, и обстоятельства тоже. Я не ищу любви, просто нового романа, – возразил он, и в его голосе послышались нотки раздражения.

Смех Чарли продолжался, от него исходило неподдельное веселье: “Ты всегда был мастером находить в людях уникальные качества. Это твой особый талант – использовать их для собственного удовлетворения.” Он помолчал, а затем добавил с усмешкой: “Ты эгоистичный придурок, Ричи, в этом нет сомнений. Но, эй, жизнь – это сцена, и ты играешь свою роль. Посмотрим, чем это закончится”.

Ричард не мог не ухмыльнуться откровенности Чарли.

– Ну, говорят, что паук не может изменить свою природу.

С этими словами они оба рассмеялись, и напряжение в комнате на мгновение рассеялось. И все же в глубине души



они оба знали, что стремление Ричарда к этой девушке станет еще одной захватывающей главой в продолжающейся саге о его сложных и просчитанных желаниях.

### 3.

Кафе представляло собой маленькую гавань, окутанную тонкой мелодией приятной музыки lofi. На террасе посетителей встречали столики, увитые плющом, создавая очаровательную и причудливую атмосферу. Небольшие горшки с нежными цветами были расставлены по столам, придавая пространству утонченную легкость.

Теплое сияние мягко освещало помещение, воздух был насыщен приятными ароматами свежесваренного кофе и восхитительной выпечки. Преобладающие цвета зеленого, коричневого и бежевого доминировали в интерьере, придавая месту уют. Это было пространство, где время, казалось, замедлялось, побуждая посетителей задержаться и насладиться простыми радостями кофе, выпечки и безмятежной атмосферой.

Джонни сидел за маленьким столиком, рассеянно крутя соломинку своего полупустого молочного коктейля, и не сводил глаз с Хлои через стол. Его влажные вьющиеся волосы, в которых сочетались темно-каштановые и светлые оттенки, намекали на недавний дождь. Тонкая синяя толстов-

ка с капюшоном мало защищала его от зябкого холода, но он, казалось, чувствовал себя совершенно непринужденно.

Хлоя, контрастируя с ним, выглядела готовой к грозе, ее пальто и зонтик свидетельствовали о прагматичном подходе. Лукавая улыбка играла на ее губах, когда она накручивала локон на палец.

– В итоге, Нейтан просто устроил драму из ничего, – заметила она.

– Я всегда говорил, что странный вкус лучше, чем отсутствие вкуса, но, очевидно, это правило не распространяется на Нейтана.

Их смех эхом разнесся по кафе.

Джонни игриво подпер голову кулаком и внимательно посмотрел на Хлою.

– Что? – спросила она, посмеиваясь.

– Я вижу этот огонек в твоих глазах. Итак, мы продолжим препарировать твоих неинтересных одноклассников или перейдем к основному блюду? – С озорной улыбкой сказал он.

Ее губы изогнулись в слабой улыбке. "Ничего особенного", – сказала она, стараясь говорить спокойным тоном.

Джонни, откинувшись на спинку стула, удивленно приподнял бровь. "Серьезно? Потому что по телефону ты мне все уши прожужжала про этого Эдварда Каллена".

Хлоя издала негромкий смешок: "Ну, к сожалению, клыков я не заметила. Но от него исходит какая-то аура таинственности и загадочности. – Она сделала паузу, ее глаза бле-

стели от скрытого волнения. – Он интересный".

– Что в нем такого особенного? – Джонни скептически посмотрел на Хлою.

Хлоя, пытаясь скрыть свой энтузиазм, небрежно пожала плечами. "Конечно, он высокомерный и раздражающий, но в нем есть какая-то харизма, что-то чарующее", – объяснила она.

Джонни приподнял бровь. "Больше звучит, как клишированная история про плохого парня", – заметил он, его глаза сузились в сомнении. Хлоя отмахнулась от его комментария. Джонни нахмурил брови. "Хлоя, ты уверена, что этот Ричард не просто какой-то высокомерный урод, которого ты романтизируешь?"

Хлоя, наклонившись, встретила его взгляд с непоколебимой уверенностью. "Нет. Он не такой, как ты думаешь. В нем есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд", – настаивала она, отстаивая свою точку зрения.

Джонни поднял руки в жесте капитуляции.

– Слушай, вся эта ситуация кажется слишком странной и нереалистичной, не думаешь? – заметил он, выражая свои сомнения.

– Да ладно, ты драматизируешь. Иногда жизнь удивляет нас неожиданными поворотами, – ответила Хлоя с игривой улыбкой.

– Сложный, загадочный и, вероятно, проблемный. Я видел достаточно фильмов, чтобы знать, к чему это ведет. Та-

кого рода истории обычно заканчиваются разбитым сердцем. – Джонни откинулся назад, скрестив руки на груди.

– О, да ладно. Ты слишком много думаешь. Жизни нужно немного пикантности, тебе не кажется?

– Надеюсь, ты права. Но если от него будут неприятности, я буду здесь, чтобы сказать, что я тебя предупреждал.

Они оба рассмеялись, оживленный разговор добавил нотку теплоты в столь холодный слякотный день.

#### 4.

Прошла неделя с момента интригующей встречи Хлои с Ричардом Стерлингом в художественной галерее. Сегодня она вернулась в свой университет, и когда она сидела в лекционном зале, внимательно вслушиваясь в слова профессора, ее внезапно потрясло неожиданное объявление.

Голос лектора приобрел более торжественный оттенок, когда он обратился к классу. "Дамы и господа, сегодня я принес вам захватывающую новость, которой хочу поделиться со всеми вами. Как вы знаете, в этом году мы столкнулись с нехваткой бюджета, что затрудняло организацию вернисажа. – Он выдержал драматическую паузу. – Но наш университет был удостоен щедрости выдающегося филантропа, который подарил нам возможность все-таки провести столь важную для нашего университета выставку".

Все внимание Хлои сосредоточилось на словах профессо-

ра, и она наклонилась вперед на своем сиденье, желая услышать больше.

Лектор продолжил: "С огромной благодарностью я представляю вам благотворителя, который сделал возможным этот подарок, мистера Ричарда Стерлинга".

Глаза Хлои расширились от шока. Она не могла поверить своим ушам. Она перевела взгляд в переднюю часть лекционного зала, где стоял Ричард Стерлинг, встреченный аплодисментами аудитории.

Хлоя со смесью удивления и любопытства наблюдала, как он выходит на сцену. В ее голове роились вопросы об этом загадочном мужчине, который привлек ее внимание в галерее. Какое отношение он имел к ее университету и почему решил пожертвовать им средства?

Когда Ричард начал говорить, в его словах звучали то же обаяние и уверенность, которые она помнила. Когда Ричард в своей холодной, но харизматичной манере говорил о доступности искусства, Хлоя поежилась, вспомнив их разговор в музее. В то время он упрямо отрицал то мнение, которое выражал сейчас. Это противоречие заставило Хлою задуматься об истинной природе этого загадочного человека.

Его слова были красноречивы, но контраст между его действиями и речью был разительным. Какова была мотивация его действий и что было у него на уме, когда он стоял там, выступая за доступность искусства, в то время как всего неделю назад он излучал высокомерие и элитарность?

Хлоя была полна решимости раскрыть все слои этой интригующей фигуры, понять сложного человека, который разжег в ней как любопытство, так и раздражение.

После лекции Хлоя подошла к Ричарду, когда он закончил свой разговор со студентом. Она не смогла удержаться от кривой улыбки, когда начала разговор: "Ух ты, мистер Стерлинг. Какая неожиданная встреча. Я не знала, что вы филантроп."

Ричард, со свойственным ему шармом, ответил: "Умоляю, моя дорогая. Вы многого обо мне не знаете. И, пожалуйста, зовите меня Ричардом."

Хлоя была заинтригована его ответом, ее любопытство стало еще сильнее. "Ну что ж, Ричард, ваши слова здесь сильно отличаются от нашего разговора в галерее, разве нет? Сегодня вы страстно говорили о доступности искусства, но тогда, казалось, у вас была другая точка зрения".

– Ах, ну что ж, у искусства есть способ изменить точку зрения. Я потратил некоторое время на размышления. – Он слегка улыбнулся и задумчиво посмотрел на нее. – А вы?

– Я? – Вопрос застал ее врасплох. – Я... я все еще придерживаюсь своего мнения

– Я не сомневаюсь, – тихо рассмеялся он. – И я уважаю это. Однако это делает меня более гибким, не так ли?

Хлоя не ожидала такого ответа и ступешалась. Она не знала, что сказать, чувствуя себя нелепо перед этим статным и излучающим уверенность человеком. Ее взгляд на секунду

затуманился, и она сказала первое, что пришло ей в голову: “Вы и правда пожертвовали такую сумму нашему университету?”

– О, пожалуйста, не портите мне впечатление такими нелепыми вопросами, – разочарованно вздохнул Ричард.

Хлоя, смущенная ответом Ричарда, не могла удержаться от желания перевести разговор в русло его философских размышлений. Она наклонилась, искренне заинтересованная, и спросила: “То есть, вы верите, что люди могут полностью изменить свои взгляды?”

– Безусловно, – его глаза заблестели. – Наши взгляды, как и искусство, подвержены трансформациям. Точно так же, как одна картина может выглядеть по-разному, если смотреть на нее под разными углами или при разном освещении, точка зрения человека может меняться с течением времени. В этом прелесть эволюции, вам не кажется?

– Это благородная мысль, – кивнула Хлоя, заинтригованная его искренностью. – Я полагаю, мы все, подобно шедеврам в процессе создания, постоянно меняемся. – Она помолчала. – Вы сейчас так отличаетесь от человека, которого я встретила в галерее.

– Ах, как я уже сказал, у искусства есть способ изменить свою точку зрения. Как и у людей. – На губах Ричарда заиграла легкая загадочная улыбка.

– Это интересная интерпретация нашего взаимодействия. – Она слегка покраснела.

– Наше взаимодействие само по себе интересно, моя дорогая. – Ричард тепло усмехнулся, его глаза весело блеснули. – Возможно, нам следует сменить тему, пока все не стало слишком личным. – Он помолчал, прежде чем добавить с оттенком озорства: – А может, и нет.

Она засмушалась, и перевела взгляд на коридор университета.

– Кхм, – она прочистила горло, – Итак... после того, как вы изменили свою точку зрения, что вы видите, когда смотрите на картину сейчас? – Она попыталась сменить тему, что не осталось незамеченным для Ричарда.

Ричард проследил за ее взглядом по коридору, в его глазах отразилась смесь любопытства и желания, когда они остановились на ее лице: "Когда я смотрю на нее, я вижу слои сложности, очень похожие на человеческие. Слои, которые могут быть таинственными и в то же время манящими. Прямо как вы."

Она улыбнулась, немного взволнованная. "Язык у вас подвешен".

– Я делаю все возможное, чтобы ясно выражать свои мысли, моя дорогая. Это подарок, которым я очень горжусь. Кроме того, истина часто проявляется в простоте, – сказал он тихим голосом.

– Ваша манера говорить – это что угодно, только не простота.

Смех Ричарда наполнил зал, глубокий и звучный: "Ах, что



ж, тогда, возможно, мне следует поработать и над этим аспектом моего обаяния. А пока давайте просто скажем, что ваш настрой меня очень заинтриговал." Она покраснела и улыбнулась, а он наблюдал за ее реакцией.

– Хлоя, – начал Ричард ровным, как полированный мрамор, голосом, – я предоставлю свою личную коллекцию картин моих любимых художников для вашей выставки. Я бы хотел, чтобы вы были моим особым гостем.

– Особым гостем? – заинтригованно переспросила она.

– О, я превращу эту выставку в нечто большее, чем просто сборище картин, моя дорогая.

Сердце Хлои затрепетало от неожиданного предложения. Она почувствовала себя польщенной приглашением, но следующие слова Ричарда разрушили ее иллюзию о свидании. "Вы можете привести с собой друга, если желаете".

Ее улыбка дрогнула, когда она быстро скрыла свое разочарование: "О, это так любезно с вашей стороны. Так и сделаю. Спасибо, Ричард."

Ричард внимательно наблюдал за ее реакцией, отметив легкую перемену в ее поведении: "Что ж, я надеюсь, вы найдете кого-нибудь подходящего для сопровождения." Он ответил на ее улыбку своей и, слегка поклонившись, медленно пошел прочь.

Хлоя смотрела, как он уходит, испытывая смешанные чувства. Она задалась вопросом, было ли что-то еще за стоическим фасадом Ричарда, скрытое в штрихах его личной кол-

## 5.

Хлоя и Джонни прогуливались по ярко освещенной художественной выставке, тихий шепот разговоров и случайный звон бокалов с вином наполняли воздух. Глаза Хлои были прикованы к ярким полотнам, ее спокойная уверенность сквозила в том, как она рассматривала каждое произведение.

Эмпатичная натура Джонни была заметна в том, как он смотрел на произведения искусства, эмоции бурлили под его скромным видом. Он был тронут красками и мазками, которыми были написаны истории на стенах галереи.

Хлоя глазами искала Ричарда, ее влечение к нему было неоспоримым, но его отчужденность ставила ее в тупик. И все же ей не терпелось встретиться с ним, понять то очарование, которое привлекало ее.

Они задержались перед поразительным абстрактным произведением, пытаясь понять чувство, которое хотел передать автор.

– Хлоя, ты пришла, – услышала она ровный, отстраненный голос за своей спиной.

Хлоя повернулась, чтобы поприветствовать его теплой улыбкой.

– Я бы такое не пропустила. Спасибо за то, что сделал эту

выставку возможной.

Джонни, впервые увидев Ричарда, не смог скрыть своего дискомфорта. Его высокомерную ауру было трудно игнорировать, что только усиливало раздражение Джонни. Он коротко кивнул в знак приветствия.

Ричард смерил Джонни взглядом, на его губах заиграла снисходительная улыбка.

– Это твой друг-ценитель искусства? – спросил он, и в его тоне сквозила едва уловимая издевка.

– Это Джонни, мой лучший друг, – представила Хлоя. – Он не ценитель, но он умеет им наслаждаться.

Взгляды Ричарда и Джонни встретились между ними промелькнуло напряжение. Ричард отмахнулся от Джонни, слегка пожав плечами, сочтя его неинтересной посредственностью.

– Должен сказать, у тебя интересный вкус, – бросил он.

Комментарий Ричарда на мгновение повис в воздухе, хитрая усмешка искривила его губы. Джонни уже собирался ответить, но прежде чем он успел это сделать, появился Чарли, вихрь непринужденности и юмора. Его ярко рыжие волосы будто были частью его личности, привлекающей всеобщее внимание. Его беззаботное, игривое поведение резко контрастировало с холодной сдержанностью Ричарда.

Чарли галантно наклонился, чтобы поцеловать руку Хлои, его озорная ухмылка заставила ее улыбнуться. "Вы, должно быть, Хлоя".

Веселое вступление Чарли сразу же разрядило возникшее напряжение. Губы Хлои изогнулись в облегченной улыбке, в то время как Джонни не мог не поддаться его заразительно- энтузиазму.

Ричард хотел было его представить, но Чарли перебил его. «Меня зовут Чарли. Я, можно сказать, протеже этого чудного господина.» Он повернулся к Джонни, у которого было озадаченное выражение лица. – «А кто этот светловолосый юноша?»»

– Джонни, – представила Хлоя, и Джонни протянул руку для дружеского пожатия.

– Очень рад познакомиться, – Чарли крепко пожал руку Джонни.

– Взаимно, – ответил он, все еще несколько ошеломленный таким внезапным знакомством.

Чарли наклонился ближе, в его глазах появился игривый блеск. “Не позволяй этому парню задеть тебя”. Он подмигнул, затем повернулся к Ричарду. “Я надеюсь, вино достаточно хорошее, да, Ричи?” Чарли усмехнулся. “Любая выставка без вина – это катастрофа, верно? Трезвые люди не могут до конца понять искусство”.

Ричард едва заметно кивнул, его сдержанное поведение слегка дрогнуло, когда легкая улыбка тронула его губы: “Именно. И вино здесь и правда отменное”.

По мере того как они продвигались по выставке, становилось ясно, что Ричард и Чарли действительно представляли

собой союз противоположностей. В то время как Ричард был воплощением загадочности и холодного очарования, Чарли был маяком теплоты и непредсказуемости. Вместе они образовали дуэт, который, казалось, предлагал Хлое и Джонни интригующий взгляд на мир, где сосуществуют контрасты.

Все время их блуждания по коридорам, Чарли постоянно заводил беседы, не позволяя никому перехватить внимание.

– Честно говоря, я не очень разбираюсь в искусстве, – признался он со смешком, его голос был оживленным. – Но Рич – настоящий фанат, если так можно выразиться. Его мозг для меня как хранилище абсолютно случайных вещей.

– А что хранит твой мозг? – спросил Джонни с искренней улыбкой, находивший открытость Чарли освежающей.

– Вещи в моем мозгу более захватывающие, я гарантирую, – ответил с искренним смехом.

Джонни не мог не проникнуться живым характером Чарли, чувствуя себя с ним более непринужденно, чем с Ричардом. Хлоя, напротив, оставалась очарованной загадочным обаянием Ричарда, заинтригованная глубинами, скрытыми под его холодной внешностью.

Пока Чарли и Джонни разговаривали, Хлоя слушала их с теплой улыбкой.

– В то время я понятия не имел, что многие люди могут по-настоящему верить в то, что они полностью контролируют свою жизнь, – сказал Чарли с задумчивым видом.

– Если ты можешь контролировать свои эмоции и дей-

ствия, все сферы твоей жизни находятся в твоих руках, – вставил Ричард и со свойственной ему уверенностью, закатив глаза.

– Но ты не можешь предсказать, что может внезапно произойти, – вмешался Джонни, чувствуя внезапное желание защитить точку зрения Чарли.

– В том-то и дело, Ричи, – сказал Чарли, кивнув в знак согласия, – иногда жизнь подкидывает тебе неожиданные повороты, которые ты никак не можешь предсказать, каким бы логичным ты ни был.

– Речь идет о непредсказуемости, а не о логике. Если ты достаточно умен, чтобы предсказывать, то подобные проблемы не возникнут, – Ричард взглянул на Джонни с оттенком высокомерия, всегда непреклонный в своей точке зрения.

– Дело не только в том, чтобы быть умным, – ответил Джонни, которого все больше раздражало высокомерие Ричарда. – Речь идет о способности адаптироваться, о том, как справляться с неожиданной и эмоциональной стороной жизни. Логика – не универсальный спасательный круг.

– Прогибаемость можно рассматривать как слабость, Джонни. Логика и контроль – вот ключи к успеху, – возразил Ричард, его глаза сузились.

– И эмоции, и логика играют важную роль в нашей жизни. Мы не можем разделить их, – Хлоя вступила в разговор, пытаясь успокоить их обоих.

Попытка Хлои выступить посредником в дискуссии при-

вела к кратковременной паузе в споре. Джонни кивнул в знак согласия с ней, надеясь найти какой-нибудь общий язык. "Да", – сказал он. "Эмоции и логика переплетены; одно не исключает другое".

На Ричарда, однако, попытка найти общий язык не произвела впечатления, и он бросил холодный взгляд на Джонни. "Ты меняешь тему, соглашаясь с утверждением, которое не обсуждалась", – возразил он с ноткой превосходства.

Джонни стиснул зубы, пытаясь сохранить самообладание. "Я не пытаюсь сменить тему", – возразил он с оттенком обиды в голосе. "Я просто подчеркиваю, что нам нужно и то, и другое в нашей жизни. Они дополняют друг друга".

Хлоя наблюдала за их перепалкой со смесью беспокойства и интриги, надеясь преодолеть пропасть между этими двумя и сохранить спокойный настрой вечера.

Чувствуя, как ситуация накаляется, Чарли решил вмешаться в попытке разрядить обстановку. Он ободряюще положил руку Ричарду на плечо и сказал: "Ты слишком страстный, Ричи". Прежде чем Ричард успел возразить, Чарли с теплой улыбкой обратил свое внимание на Джонни: "Джонни, позволь показать тебе мою любимую работу на этой выставке. Тебе понравится".

Этот предлог позволил Чарли увести Джонни в сторону от назревающего конфликта, предоставив им небольшую передышку. Беззаботный подход Чарли стал долгожданным облегчением после дебатов и позволил на мгновение рассла-

биться.

Ричард и Хлоя остались одни.

– Ну, ты действительно страстный, – сказала она, пытаясь разрядить ситуацию.

Ричард не смог удержаться от слабой улыбки в ответ на попытку Хлои смягчить обстановку. Он ухмыльнулся, качая головой. – Страсть может быть прекрасной вещью, Ричард. Это то, что делает тебя таким уникальным. Просто не забывай направлять ее в нужное русло, как это делает Чарли.

Тем временем Чарли и Джонни были поглощены потрясающей импрессионистской картиной, которая пестрила яркими красками и замысловатыми деталями. Первоначальное напряжение Джонни растаяло, когда он слушал восторженные описания Чарли.

– Страсть и желание доказать свою правоту – это две разные вещи, – сказал Ричард с натянутой улыбкой. – Но спасибо за понимание.

Она посмотрела на него. Красивый, с острым лицом и карими, глубокими глазами, он пленил ее. Его длинные темные волосы и безупречный костюм завораживали ее. И все же она не смогла удержаться, чтобы не поддразнить его: "Первое исходит от сердца, а второе – из детства богатого мальчика, у которого было все".

Кривая улыбка Ричарда стала еще шире: "Ах, ты меня раскусила", – ответил он, его глаза искрились весельем.

Хлоя пожала плечами. "Ну, ты правда похож на человека,



который привык добиваться своего".

– Может быть, – усмехнулся он, – но в этом заслуга не только моего происхождения. Позволь мне кое-что тебе показать. – Он указал на дверь.

Хлоя последовала за Ричардом в тускло освещенную зону за кулисами выставки, которая была скрыта за дверью, резко контрастируя с элегантностью основных залов.

Когда они прогуливались по закулисию, Хлоя чувствовала, что ее захватывает бархатистый голос Ричарда, отражающийся от стен.

– То, что находится снаружи, – это лицевая сторона души, которая вписывается в социальные рамки и ожидания многих людей. Однако здесь, в тени, раскрывается настоящая часть души. Скрытые желания, которые человек не может удовлетворить. Страхи, преследующие его. Тайные уголки, которые никто не должен видеть.

Хлоя внимательно вслушивалась в слова Ричарда, ее шаги были медленными и неторопливыми. Она не могла не думать о своей собственной жизни и о том фасаде, который иногда напускала на себя.

– Ричард, – наконец заговорила она, ее голос звучал мягко в тишине, – как ты думаешь, возможно ли для кого-то полностью принять свое внутреннее "я", избавиться от необходимости соответствовать ожиданиям общества?

– Это редкий и смелый шаг, – Ричард повернулся к ней, в его глазах отразился тусклый свет. – Чтобы принять свою

истинную суть и сбросить маски, которые мы носим, требуется глубокий уровень самоосознания. Это означает признание этих скрытых желаний и страхов, противостояние им и принятие решений, которые соответствуют твоей истинной сущности, а не ожиданиям других.

Слова Ричарда эхом разнеслись по тускло освещенному коридору, проникнув в мысли Хлои. Она начала видеть ценность этого скрытого мира, резко контрастирующего с отполированным фасадом общества, где уязвимость и подлинность часто упускались из виду.

– В чем... – начал он после долгой паузы, – заключается твое скрытое желание, Хлоя? – он посмотрел на нее хищным, жаждающим взглядом, под которым она смутилась и ступавалась.

– Мое скрытое желание, – начала она слегка дрожащим голосом, – жить по-настоящему своей жизнью, не обремененной суждениями других, творить и выражать себя без страха и колебаний.

Он подошел ближе.

– И почему бы тебе не попробовать? – он пристально посмотрел на нее. – Почему бы тебе не уступить своим желаниям?

Хлоя слегка отступила назад, ее щеки покраснели под пристальным взглядом Ричарда.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Он ухмыльнулся.

– О, брось, Хлоя, – он подошел ближе. – Мы оба знаем, что это ложь.

Сердце Хлои учащенно забилось, когда Ричард сократил расстояние между ними, и его слова повисли в воздухе, как факт, который она не могла отрицать. Она прислонилась спиной к стене и отвела взгляд

– О, Хлоя, – прошептал он низким и соблазнительным голосом. – Ты все еще боишься отдаться своим желаниям. Но разве не в этом суть? Чтобы жить полноценно, мы должны принять как свет, так и тьму внутри себя.

Она смотрела на него, не в силах что-либо сказать, ее сердце бешено колотилось.

– Скажи мне отойти, и я обещаю, что буду держаться на расстоянии, – он ухмыльнулся и посмотрел на нее собственническим взглядом.

Ураган эмоций бушевал в ее груди. Страх, желание, вина, неловкость. Все это накатило на нее в одно мгновение, и она была ошеломлена, не в состоянии пошевелиться. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука.

– Или, – продолжил он, его голос слегка смягчился, – скажи мне, чтобы я остался. – Его глаза впились в нее, выискивая любой признак подчинения или сопротивления.

В ее глазах плясали огоньки, а дыхание было таким учащенным, что Ричард мог видеть, как поднимается и опускается ее грудь. Напряжение между ними ощущалось физически. Кисло-соленое и наэлектризованное, оно витало в воз-

духе.

Он дьявольски ухмыльнулся: "Так я и думал", – он начал медленно наклоняться ближе, все еще давая ей шанс остановить его.

Она стояла неподвижно, когда его губы накрыли ее в горячем поцелуе. У нее перехватило дыхание, а глаза, казалось, застлала пелена. Она испытывала совершенно противоположные чувства, и это было для нее слишком. Она застенчиво ответила на поцелуй, но в следующую секунду оттолкнула его.

– Я... прости. Мне нужно идти, – и выбежала из здания, оставив его в одиночестве.

Ричард молча наблюдал за ней, пока она не исчезла за дверью пожарного выхода. Он вышел в освещенный главный выставочный зал, вытирая рот рукавом.

Чарли выскочил из толпы, привлекая его внимание: "Куда ты пропал, Рич? Вообще-то это, по сути, твоя выставка".

– Поэтому я могу делать то, что хочу.

– А где Хлоя? – Подошел к ним Джонни.

– Вероятно, вышла подышать, – пожал плечами Ричард.

Джонни кивнул и юркнул в соседний коридор в поисках Хлои.

– Это что был за жест, м? – ухмыльнулся Чарли. Ричард ответил загадочной улыбкой. Чарли хмыкнул и последовал за Джонни.

Ричард болтал с гостем, когда Чарли и Джонни снова по-

дошли к нему.

– Я не могу ее найти, и она не отвечает на звонки. Не знаешь, где она может быть? – спросил Джонни.

– Я ей не надзиратель, – презрительно посмотрел на него Ричард.

Джонни начал было отвечать на грубость Ричарда, но Чарли быстро развернул его к себе.

– Может быть, она ушла пораньше. Ричи, вы о чем-то разговаривали. Она что-нибудь упоминала об этом?

– Нет, – честно ответил Ричард. – Но она сказала, что устала, и я оставил ее.

– Похоже на нее... – Джонни сжал губы в тонкую линию, размышляя. – Но, блин, у нее же моя карта. И как мне теперь добираться домой...

– Нет проблем, – весело вмешался Чарли. – Я тебя подвезу, – предложил он с энтузиазмом.

– Пусть берет такси, – неодобрительно проворчал Ричард.

– Да ладно, Рич, не будь занудой, – сказал Чарли с озорной улыбкой, протягивая раскрытую ладонь. Ричард закатил глаза и неохотно отдал ключи от машины с недовольным видом.

Когда они вдвоем ушли, Ричард обнаружил, что стоит в гуще толпы, но все же чувствует себя несколько изолированным. Хитрая ухмылка появилась на его губах, когда он обдумал эту странную ситуацию. Эта девушка – она не могла устоять перед его обаянием, но по-прежнему опасалась полностью погрузиться в него. "Посмотрим, чем это кончит-

ся", – подумал он про себя.

## 6.

Чарли, пребывающий в необычно шутливом настроении, неторопливо зашел на кухню и заметил Ричарда, поглощенного своим телефоном. С озорной ухмылкой он запрыгнул на столешницу, болтая ногами и игриво подталкивая Ричарда локтем.

– Итак, мистер Загадочник, – поддразнил Чарли, в его глазах плясало любопытство. – Что же произошло за закрытыми дверями, а?

Ричард, который был погружен в свои мысли, моргнул, когда его вывели из задумчивости. Он посмотрел на Чарли, черты его лица были удивительно спокойными и беспечными. Небрежно пожав плечами, он ответил: "Все как обычно, Чарли."

Чарли, почувствовав, что за этими словами скрывается нечто большее, приподнял бровь, и на его губах заиграла лукавая улыбка. "Ой, да ладно! К чему такая секретность?"

– Секретность? Может, мне нравится образ загадочности, – нахмурился Ричард, его поведение по-прежнему осталось беспечным.

– Или, возможно... – Он принял притворно-задумчивое

выражение лица, театрально потирая подбородок. – Все дело в том, что Хлоя не купилась на твое обаяние.

В глазах Ричарда промелькнуло удивление, но он быстро взял себя в руки. “С чего ты взял?”

– Она сбежала с выставки. Очевидные выводы, Ватсон, – усмехнулся Чарли.

Ричард наклонил голову, на его губах заиграла загадочная улыбка. “О, ты ее недооцениваешь. Она вернется. Вот увидишь”.

Ухмылка появилась на губах Чарли, когда он наклонился ближе к Ричарду.

– Знаешь, Ричи, говорят, никто не может устоять перед обаянием Ричарда Стерлинга, – заметил он с ноткой озорства в голосе.

– Ох, да ладно. Ты просто завидуешь, – закатил глаза Ричард.

Улыбка Чарли стала шире, и он игриво ответил: “Завидую? Я? Да нет, я и сам не так уж плох”.

– У тебя есть обаяние, без сомнения. Но это другой уровень, – Ричард прислонился к стене и рассмеялся, в его глазах отразилось веселье.

– Насколько другой?

Ричард на мгновение задумался, затем ухмыльнулся. “Ну, моя энергия – это загадочность и очарование. Твоя? Это вечная суета”.

Чарли закатил глаза в притворном раздражении. “Ой,

Ричи... Просто заткнись."

– Однако на одном обаянии далеко не уедешь... – Ричард не смог удержаться от улыбки.

– О, пожалуйста, избавьте меня от вашей загадочности, мистер Стерлинг, – вздохнул Чарли, затем он наклонился ближе к Ричарду, в его глазах блеснуло озорство. – Но знаешь, Рич, не только ты можешь завораживать людей.

– О, правда? На кого ты намекаешь? – приподнял бровь Ричард.

Чарли откинулся к стене с самоуверенной улыбкой на лице. "Что ж, пример навскидку, Джонни".

Выражение лица Ричарда омрачилось при упоминании Джонни. "Кстати, об этом", – сказал он с оттенком неудовольствия. "С какой стати ты используешь мою машину, чтобы подвозить всякий... сброд?"

Чарли, казалось, был озадачен раздражением Ричарда. "Я всегда беру твою машину, Рич, и у нас не было никаких проблем".

– Я не против, чтобы ты пользовался машиной, но подвозить таких людей, как Джонни... давай больше так не делать, – глубоко вздохнув, ответил Ричард.

Чарли посмотрел на него, в его глазах смешались удивление и замешательство. Было ясно, что он не ожидал такой бурной реакции Ричарда на Джонни.

– Откуда такие неприязненные чувства к Джонни? Он вполне нормальный парень, если хочешь знать мое мнение.



Ричард выглядел не менее удивленным тем, что Чарли встал на защиту Джонни. "Ты правда не видишь? Джонни же просто мямля, который пытается выставить себя важнее, чем он есть, и это действует мне на нервы", – заявил он с недовольным видом.

– Ой, да ладно, не будь таким категоричным, – махнул рукой Чарли. – Джонни – душка. Может быть, ты просто недостаточно хорошо его знаешь.

– Ты серьезно?

– Иногда ты слишком придирчив, – беззаботно пожал плечами Чарли.

– Не понимаю, что ты в нем нашел, – сказал Ричард с оттенком раздражения, – но сделай одолжение, избавь меня от компании Джонни, ладно?

Чарли игриво толкнул Ричарда в плечо. "Ты такой грубиян, мой милый друг", – поддразнил он.

– *Va te faire foutre*, – усмехнулся Ричард.

Чарли рассмеялся, качая головой. "Изысканный грубиян, вот кто ты", – заявил он, подмигнув.

## 7.

Джонни приветствовал Хлою взмахом руки, на его губах играла ухмылка. "Вау, женщина, которая не знает, как поль-

зоваться телефоном, во плоти", – поддразнил он.

Хлоя хихикнула, коротко обняла его и извинилась за то, что не брала трубку.

– Мне нужно было все обдумать, – объяснила она.

– Обдумать что? И почему, черт возьми, ты просто взяла и сбежала? – Джонни озадаченно нахмурил брови.

На тихой, утопающей в зелени лондонской улице Хлоя поделилась своим восхищением Ричардом, описав его как галантного и очаровательного. Джонни с озадаченным выражением лица резко перебил: "Ричард – придурок".

– Ты не знаешь его так, как я.

– Ты тоже его не знаешь, – выпалил в ответ не убежденный Джонни.

– Я чувствую связь, – настаивала Хлоя.

– Ты вообще слышала Ричарда, или все в твоей голове заглушает романтическая музыка?

– Ты ошибаешься насчет него.

– Тогда почему ты убежала? – не унимался он.

Шелест листьев и отдаленные городские звуки звучали, как шепот, придавая обстановке умиротворяющий настрой. Ветви деревьев образовывали естественный навес над головой, слова Хлои витали в свежем воздухе. Она призналась: "Я боюсь своих чувств. Все происходит слишком быстро".

– Звучит не очень хорошо, – наклонил голову Джонни.

– Я заметила, что вы подружились с Чарли, – внезапно сказала Хлоя.

– Меняем тему, да? – усмехнулся он.

– Но Чарли ведь милый?

– У Чарли нет ауры мистического придурка. Он забавный и дружелюбный.

Хлоя, взяв его под руку, заметила: "Не думаю, что он дружил бы с Ричардом, если бы он был таким плохим, каким ты его себе представляешь".

Джонни приподнял бровь, бросив на нее скептический взгляд. "Ты правда думаешь, что я ошибаюсь насчет Ричарда?"

Хлоя серьезно кивнула, в ее глазах отразилась смесь убежденности и решительности. "Я чувствую, что нем есть нечто большее."

Джонни вздохнул, взглянув на окружающую их зелень. "Ну, если ты так говоришь. Но не говори, что я тебя не предупреждал."

Хлоя нежно сжала его руку, заверяя: "Я ценю твою заботу. Но иногда нам нужно доверять своим инстинктам".

# ГЛАВА ВТОРАЯ.

## 1.

Хлоя сидела одна в своей тускло освещенной комнате, единственным источником света был мягкий свет луны, просачивающийся сквозь занавески. Она прислонилась спиной к холодной стене, кусая пальцы, ее мысли были поглощены загадочным мужчиной, которого она встретила всего несколько дней назад. Его обаяние обладало способностью накладывать чары, от которых у нее перехватывало дыхание.

Она закрыла глаза, вспоминая их встречу, то, как его завораживающие глаза, темные, как безлунная ночь, встретились с ее глазами, вводя ее в транс. Его губы были горячими, и разжигали в ней огонь, которого она никогда раньше не знала.

Но при этом сила ее эмоций, глубина ее влечения к нему приводили ее в ужас. Она не могла полностью отдаться этой страсти, как бы сильно ни стремилось к этому ее сердце.

И все же, когда она вновь переживала тот момент, замешательство оставалось. Что было такого в этом мужчине, что одновременно притягивало ее ближе и держало на расстоянии? Казалось, ее сердце танцевало на краю пропасти, раз-

рываясь между трепетом неизвестности и страхом отдаться этой непреодолимой страсти.

Пальцы Хлои слегка коснулись ее собственных губ, прослеживая призрачное ощущение от его поцелуя. Она прикусила нижнюю губу, ее внутреннее смятение эхом отдавалось в голове. С каждой мыслью о нем ее эмоции закручивались в вихрь желаний, любопытства и неуверенности.

Воспоминание об этом поцелуе, таком дразнящем, заставило ее желать большего. Но что-то удерживало ее, мучительное сомнение, которое нашептывало ей на ухо. Она никогда раньше не испытывала ничего подобного, такого вихря эмоций, который грозил сбить ее с ног. Все происходило слишком быстро, и она чувствовала себя кораблем, попавшим в бурю.

Ее сердце болело от смятения, разрываясь между страстным желанием его прикосновений и необходимостью защитить себя от интенсивности чувств, которые он пробуждал в ней. Хлоя знала, что ей нужно разобраться в своих эмоциях, обрести ясность среди хаоса, царящего в ее сердце. Но сейчас все, что она могла делать, это сидеть в своей комнате, преследуемая воспоминаниями о его горячих губах и смятении, бушевавшем в ее душе.

Она колебалась, как ей показалось, целую вечность, ее пальцы зависли над сенсорным экраном телефона. В конце концов, она больше не могла сопротивляться этому желанию и набрала номер Джонни.

Когда звонок соединился, ее поприветствовал теплый, знакомый голос: “Хлоя, собственной персоной! Как дела?”

Хлоя глубоко вздохнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. “Привет. Мне нужна твоя помощь. У тебя есть номер Чарли?”

На другом конце провода повисла короткая пауза. Джонни понизил голос: “Чарли? Тебе нужен номер Чарли? Зачем? Что случилось?”

Хлоя прикусила губу, изо всех сил пытаясь подобрать нужные слова: “Ничего. Я просто... Мне нужно с ним поговорить. Это важно.”

– Это из-за Ричарда, да? – Она хранила молчание. Джонни вздохнул. – Что ты в нем нашла?

Она закрыла лицо руками. “Джонни, пожалуйста”

– Да, у меня есть номер Чарли, – глубоко вздохнул он. – Я пришлю его тебе. Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Голос Хлои дрогнул, когда она ответила: “Да, все хорошо. Спасибо за помощь”.

Она повесила трубку, ее дыхание сбилось от смеси предвкушения и тревоги.

Как только она получила сообщение от Джонни, она позвонила Чарли. Через некоторое время она услышала в трубке его задорное “С кем я имею честь?”.

Хлоя улыбнулась. В этом парне было что-то такое, отчего у нее потеплело на сердце. “Привет, Чарли. Это Хлоя. Ричард познакомил нас.”

– Конечно, я тебя помню! Как твои дела? Ты так внезапно исчезла в тот день.

– Да, извини за это. Я просто устала. – Она остановилась, сделав глубокий вдох. – Можешь оказать мне услугу?

– Все, что угодно.

– Не знаешь, где сейчас может быть Ричард?

– О, – протянул Чарли, довольно улыбаясь. – Значит, таинственный интеллеktуал очаровал тебя?

– Ну, не совсем, – нервно хихикнула она, пытаясь защититься.

Смех Чарли эхом отдавался в трубке, заставляя ее чувствовать себя более непринужденно.

– Я сейчас поступлю очень неправильно, но да, я знаю, где он. Я скину адрес. Повеселитесь там! – Его слова сопровождались озорной улыбкой, прежде чем он резко повесил трубку.

Хлоя держала телефон в руке, гадая, какие эмоции принесет следующая встреча с Ричардом. В ее сердце все еще бушевали чувства, но любопытство и желание разгадать загадку, которой был Ричард, притягивали ее, как мотылька к огню.

## 2.

Чарли тихонько толкнул дверь в кабинет Ричарда и вошел,

наблюдая за ним в разгар делового разговора. Ричард говорил в своей обычной спокойной и сдержанной манере, в его голосе звучала властность.

– Аманита, я понимаю твою точку зрения, но тебе нужно взглянуть на ситуацию шире. Англия – это не Италия.

Голос на другом конце провода звучал по-своему авторитетно. Ричард вздохнул, его терпение подходило к концу, но он оставался невозмутимым.

– Да, я согласен, – сказал он, сделав короткую паузу, – но я-то в Англии. Но подумай об этом: это игра на опережение, иногда нужно...

Чарли, прислонившись к дверному косяку, наблюдал за происходящим. Эти обсуждения были частью повседневной рутины Ричарда. Вес каждого произнесенного слова был тяжел, и было очевидно, что принимаются важные решения.

Ричард помолчал мгновение, словно размышляя о чем-то, а затем продолжил: "Я знаю, что поставлено на карту, но..."

Голос Ричарда резко оборвался, после паузы он ответил: "Хорошо, поговорим об этом позже", – неохотно сказал он собеседнику. "Удачи в вашем деле".

Повесив трубку, Ричард раздраженно вздохнул и пробормотал: "Высокомерный ублюдок".

Чарли, скрестив руки на груди, не смог удержаться от улыбки. "Проблемы в раю, Ричи?"

– Ты же знаешь, как это бывает, – отмахнулся Ричард с намеком на улыбку.



– Вот почему говорят, что у рыжих нет души.

– Ты рыжий, Чарли.

Чарли шмыгнул носом и спросил: "Итак, мистер, как продвигаются дела в мире нелегалщины?"

– О, как обычно, – хмыкнул Ричард. – Скандалы, предательства, и интриги.

Однако огонек в глазах Чарли наводил на мысль, что у него что-то припрятано в рукаве. Слегка наклонившись, Чарли сказал: "Кстати об интриге, я только что получил довольно интересный звонок".

– Да ну? Расскажи, – выгнув бровь, Ричард обратил на Чарли все свое внимание.

– Что ж, Ричард, ты снова оказался прав, – Чарли отвесил шуточный поклон.

– Приятно слышать.

– Не хочешь узнать, в чем именно?

– Я привык быть правым, – усмехнулся Ричард.

Чарли рассмеялся. Он продолжил: "Так вот, эта девушка, Хлоя, кажется, очень хочет встретиться с тобой снова".

– Как я и говорил, это был лишь вопрос времени, – довольная улыбка расплылась по лицу Ричарда.

Чарли прислонился к краю стола: "Она вышла на меня через Джонни".

Ричард, откинувшись на спинку стула, с интересом разглядывал Чарли. "Есть какая-то особая причина ее настойчивости?"

– Это ты мне скажи, босс. Может, она просто не может устоять перед твоей харизмой, – пожал плечами Чарли.

Самодовольная улыбка украсила губы Ричарда. "Возможно, она осознала, чего ей не хватало".

– Я так и думал, что ты это скажешь, – хихикнул Чарли.

Они непринужденно болтали на отвлеченные темы, как вдруг, в разгар их разговора, Чарли внезапно почесал в затылке с задумчивым выражением лица.

– Что такое? – спросил Ричард.

Чарли на мгновение заколебался, нахмутив брови. "Знаешь, по-моему, с Хлоей что-то не так".

– В плане? – поднял бровь Ричард.

Чарли изо всех сил старался сформулировать свои мысли, пытаясь понять, что его беспокоило. "Я не могу точно выразить это словами, но она просто кажется... странной, что ли?"

– Что ж, иногда перемены могут быть к лучшему.

– Наверное, – нахмурился Чарли. – Хотя твоя жизнь и так достаточно хаотична, без подобных изменений.

– Перемены – единственная константа, Чарли, – улыбнулся Ричард. – Это то, что мы все должны принять.

Чарли ухмыльнулся и небрежно сказал: "Как скажешь, капитан". Он отсалютовал Ричарду и упомянул, что отправляется на вечеринку, о которой они говорили ранее.

Однако, когда Чарли направился к выходу, Ричард протянул руку и крепко схватил его за запястье, останавливая на

полпути. "Ты помнишь, что произошло в прошлый раз?"

– Да ладно, Ричи, я обещаю, что на этот раз буду держать себя в руках, – с улыбкой сказал Чарли.

– Чарли, я серьезно. Это вообще не весело.

– Ты всегда такой драматичный, – закатил глаза Чарли.

Ричард начал раздражаться: "В один прекрасный день твоя халатность настигнет тебя. И в итоге ты серьезно пострадаешь, а то и того хуже."

Чарли, сохраняя свой беззаботный тон, насмешливо ответил: "Ну, будь что будет. Живи быстро, умри молодым, разве нет?"

– Не относись легкомысленно к своей жизни, – буркнул Ричард.

Ничуть не смутившись, Чарли продолжал: "Я обещаю, что однажды, когда я буду готов остепениться, я обращусь за помощью".

Хотя его терпение иссякало, Ричард неохотно отпустил его запястье, все еще недовольный. Он пробормотал: "Тебе следует отнестись к этому серьезней".

– Я подумаю над этим, капитан! – сказал Чарли. Затем он направился на вечеринку, оставив Ричарда с чувством затянувшегося беспокойства и злости.

Когда Чарли вышел из кабинета, его шаги эхом отдавались в коридоре, Ричард остался один среди полированной мебели и приглушенного освещения. Он не мог не почувствовать укола беспокойства за своего друга, беспокойства, которое

цеплялось за него, как назойливая мысль.

Вздыхнув, он прислонился к своему столу, рассеянно постукивая по поверхности одной рукой. Безрассудное отношение Чарли иногда заставляло Ричарда чувствовать себя единственным ответственным глашатаем разума.

Однако сейчас у него на уме было кое-что другое. Имя Хлои эхом отдавалось в его мыслях, как навязчивая мелодия. Интригующий звонок вызвал у него любопытство.

Там он и стоял, зажатый между двумя мирами: одним – заботой о друге, а другим – любопытством и интригой.

### 3.

Приехав по адресу, который дал Чарли, Хлоя оказалась перед внушительной роскошной виллой.

Её сердце бешено колотилось в груди. Здесь она будто была лишней. Огромный дом будто заставлял чувствовать себя меньше чем ты есть на самом деле и сомнения закружились в ее голове: "Неужели это действительно дом Ричарда?"

Она вновь подняла голову чтобы осмотреть исполина перед ней.

Сделав глубокий вдох чтобы успокоиться, Хлоя на мгновение заколебалась, разрываясь между тягой и волнением от предстоящей встречи. Сейчас она уже зашла так далеко...

Собравшись с духом, она приблизилась ко входу, на сердце у нее все еще было тяжело от неуверенности в том,

что скрывается за этими величественными дверями. Но она всё ещё не торопилась нажимать на звонок. Хлоя перевела взгляд на предместье виллы.

С ее места можно было рассмотреть кусочек внутреннего дворика – тщательно озелененный рай. Перед ней простирались ухоженные лужайки, окаймленные множеством ярких цветов и хорошо подстриженных кустов. Каменная дорожка, украшенная декоративными фонарями, вела к входной двери. Высокие деревья давали тень и ощущение уединения, их ветви тянулись к небу, лаская его.

Этот островок жизни ярко контрастировал с каменным строением перед ней – непоколебимым и даже устрашающим.

Хлоя отряхнулась от навязчивых мыслей.

Она нервно нажала на кнопку... пара гудков, и кто-то поднял трубку. Хлоя посмотрела в глазок камеры, собираясь рассказать всё как есть, немного сбивчиво и неловко, но искренне. Она беспокойно поправила волосы, открыла рот и... ворота перед ней открылись. Домофон уже был отключен.

Секунду девушка смотрела в пустоту в недоумении, рука всё ещё была прижата к волосам у уха.

Все еще пребывая в негодовании, она прошла вперед, поднимаясь по каменной дорожке к особняку.

Когда Хлоя приблизилась к входной двери, она заметила отдельное здание, примыкающее к вилле. Она предположила, что в этом здании мог бы разместиться персонал. Это бы-

ло небольшое, хорошо обставленное строение с отдельным входом и окнами.

Хлоя уверенно занесла кулак перед входной дверью, напроочь игнорируя медный молоток и дверь почти тут же открылась. Ее встречал сам Ричард, его рубашка была частично расстегнута, а волосы небрежно собраны сзади в конский хвост, отчего ее сердце затрепетало. Соблазнительная улыбка украсила его губы, когда он заметил: "Чарли упомянул о твоём приезде. Пожалуйста", жестом приглашая ее войти внутрь.

Войдя, Хлоя обнаружила, что ее окружает тщательно подобранная коллекция завораживающих картин, украшающих стены, каждая из которых сама по себе является шедевром. Эти очаровательные произведения искусства четко говорили об утонченном эстетическом вкусе хозяина.

Она вздернула подбородок выше и прошла дальше внутрь мимо Ричарда. Продвигаясь вглубь виллы, Хлоя заметила ещё больше предметов роскоши: Элегантные скульптуры, заботливо расставленные повсюду, плюшевые диваны, столы с замысловатым дизайном и резные стулья.

Они вошли в одну из комнат, и Ричард жестом пригласил ее присесть.

– Ты предпочитаешь чай или вино? – вежливо осведомился он.

– Не нужно, спасибо, – скромно ответила Хлоя.

– И что привело тебя сюда, моя дорогая? Ты так внезапно

оставила меня на выставке, – усмехнулся он.

Теперь оказавшись лицом к лицу с предметом своих самых больших страхов и желаний, дрожь пробежала у нее по спине. Могла ли она дать четкий ответ? Хлоя не могла даже до конца сформулировать себе, что именно в этом мужчине вызывает у нее такие противоречивые эмоции. Сейчас Ричард казался ей и палачом и спасителем.

Она поколебалась, но решила признаться: "Я не могла перестать думать о нашей встрече на выставке. В тебе есть что-то такое, Ричард, что-то, что привлекло меня. Я почувствовала что должна увидеть тебя снова"

– Позволь мне сформулировать что именно ты чувствуешь, – Ричард ухмыльнулся. – От меня ты чувствуешь то, чего у тебя никогда раньше не было. Ты знаешь, что я могу делать все, что захочу. Я могу взять то, что хочу. Я... – он сделал паузу. – Я сдаюсь своей внутренней тьме, а не борюсь с ней. Ты хочешь почувствовать, на что это похоже.

Несмотря на свое влечение к Ричарду, Хлоя пыталась не принимать так просто его слова. Она колебалась, ее внутренний конфликт был заметен по выражению ее лица.

– Я не знаю, – прошептала она с ноткой сомнения в голосе. – Все это так... запутанно. Мне нужно больше времени, чтобы разобраться в этом. Для меня это не так просто.

Он отпрянул и посмотрел на нее со смесью удивления и веселья, его взгляд задержался на ней на несколько секунд. "Если это так, то почему ты вернулась ко мне?" Он подошел

на шаг ближе, не сводя с нее глаз. “Что-то тянет тебя сюда, что-то, что превосходит разум, что-то, что ты не можешь отрицать, независимо от того, как сильно ты пытаешься с этим бороться”. Его голос был низкий, но настойчивый, выражение лица серьезное. “Я тебе не враг, Хлоя. Мы – две стороны одной медали”

Пока они стояли там, напряжение между ними росло, их связь становилась все более неоспоримой, сложная паутина притяжения и интриг вплеталась в их жизни.

Хлоя встретила его пристальный взгляд, решимость поколебалась от слов Ричарда. Она снова покачала головой, больше для того, чтобы убедить себя, чем для чего-либо еще.

– Я знаю себя, Ричард. У меня нет скрытой тьмы или скрытых желаний. Я всегда контролировала свою жизнь.

Он наклоняет голову набок, с любопытством глядя на нее. “В самом деле? Я в этом не уверен. Я думаю, ты настолько зациклена на том, чего, по твоему мнению, ты должна хотеть, кем, по твоему мнению, ты должна быть, что ты не знаешь, чего ты на самом деле хочешь. Ты слишком боишься заглянуть внутрь себя, слишком боишься увидеть, что там на самом деле. И вот почему ты так боишься меня, но в то же время так очарована. Потому что я заставляю тебя взглянуть правде в глаза”.

Хлоя просто сидела и смотрела на него. “Я не знаю. Теперь я лишь чувствую себя... сбитой с толку.”

Он наклонился вперед, пристально изучая ее взглядом.



– Ты чувствуешь то, что все мы чувствуем в какой-то момент своей жизни, моя дорогая. Путаница. Сомнение. Неуверенность. – Он тепло улыбнулся. – Но ведь именно это делает жизнь интересной, не так ли? Неопределенность всего этого. Непредсказуемость. Тот факт, что мы не можем контролировать все, что попадает на пути. – Он подошел на шаг ближе. – Прими хаос, Хлоя. Наслаждайся им. Ты никогда не знаешь, куда это может тебя завести.

Он стоял там, задумчиво изучая выражение ее лица, продолжая разглядывать Хлою. Он увидел нерешительность в ее глазах.

– Ты такая противоречивая. Это то внутреннее смятение, которое я нахожу таким завораживающим. То, как ты борешься с тем, чего на самом деле хочешь, то, как ты так боишься сдаться. – Он снова наклонился вперед, его голос понизился до шепота. – Но какой смысл отказывать себе в том, чего ты действительно жаждешь?

Она не могла отрицать правды в его словах. Она знала, что Ричард вызывает у неё жажду. Но она всё равно была в противоречии, разрывалась между своими желаниями и опасениями. Она понимала Ричарда и она обнаружила, что очарована его способностью читать ее самые сокровенные мысли.

– Чего же я на самом деле жажду? – спросила она, ее голос был едва громче шепота.

– Свободы, Хлоя, – пробормотал он, его теплое дыхание коснулось ее уха. – Свободы от ограничений, которые ты на

себя наложила. Экстаз от отдачи своим самым сокровенным желаниям. Те самые вещи, которым ты боишься поддаться. Твоя зацикленность на том, что подумают другие, довела до того что ты даже не знаешь, чего ты на самом деле хочешь. Но это нельзя искоренить... в глубине души ты знаешь себя. И я могу помочь тебе обнаружить это. Ты просто должна быть готова рискнуть, отпустить свои страхи и принять свои истинные желания.

Хлоя поймала себя на том, что заморожена пронзительными темными глазами Ричарда, его умение проникать в чужие души заставило ее почувствовать себя незащищенной, и все же это странное чувство уязвимости породило любопытство.

Воздух между ними был наэлектризован, Хлоя не могла отрицать правды в словах Ричарда; внутри нее бушевала битва, конфликт между конформизмом и потребностями, которые она не могла закрыть.

– Я... – начала Хлоя дрожащим голосом. – Я всегда перестраховывалась, беспокоясь о том, что могут подумать другие. Но ты заставляешь меня сомневаться во всем. – Она поколебалась, затем добавила: – Я хочу понять, что скрывается за моими собственными запретами, даже если это пугает меня.

Комната, казалось, пульсировала от напряжения, когда они разделили этот момент откровения на пороге путешествия в неизвестность.

– Тогда позволь мне освободить тебя, – он галантно про-

тянул ей руку. – Следуй за мной, и я обещаю, ты увидишь мир по-другому. Взгляни на мой мир, моя дорогая.

Со смесью трепета и предвкушения Хлоя взяла предложенную Ричардом руку. Когда она позволила увлечь себя в неизвестность, она испытала чувство освобождения, освобождения от ограничений, которые так долго сдерживали ее.

Гладкий и элегантный автомобиль, кузов которого отливал глубоким полуночно-синим цветом, был символом роскоши и изысканности. Дизайн его представлял собой смесь искусства и инженерии, слияние красоты и функциональности. Его аэродинамическая форма подчеркивалась игрой света на полированной поверхности.

Салон представлял собой комфорт с оттенком люксовости. Мягкие кожаные сиденья располагали к себе, в то время как приборная панель, украшенная матовым алюминием и отделкой из ценных пород дерева, излучала ощущение богатства.

Хлоя села внутрь, ее пульс учащался с каждым мгновением. Ричард присоединился к ней, и двигатель автомобиля взревел, высвобождая симфонию мощности.

– Куда мы едем?

– Терпение, моя дорогая, – ответил он с таинственной улыбкой. – Все откроется со временем.

Пока они ехали в молчании, внимание Хлои переключилось на точные и умелые маневры водителя за рулем. Любопытство взяло верх над ней, и она нарушила молчание во-

просом: "Ты умеешь водить машину?"

– Никогда не приходилось, – Ричард небрежно пожал плечами, его тон был беспечным. – Я предпочитаю сосредотачивать свою энергию на навыках, которые для меня более важны.

– Расскажи мне больше, – продолжила Хлоя, окутанная любопытством. – Каково это – иметь весь мир под ногами, жить без ограничений?

Ричард откинулся назад и тихо рассмеялся. "В этом есть свои преимущества, – ответил он, – Но излишество может быть палкой о двух концах."

– Легко сказать, ты же никогда не испытывал нужды.

– А ты никогда не испытывала избытка, моя дорогая, – Ричард улыбнулся.

– В чем минусы избытка? За исключением ответственности, наверное?

Он тщательно обдумал ее слова, прежде чем ответить.

– Они выходят за рамки ответственности. Такая жизнь может привести к ощущению пустоты, которую не сможет заполнить никакое количество материальных благ. Что, в свою очередь, может привести к изоляции, чувству оторванности от реалий повседневной жизни и потере искренности в отношениях. Это тоже бремя, скрытое под маской роскоши.

– Кто-нибудь когда-нибудь был с тобой только из-за денег?

– Чарли, – хихикнул он. – Но если серьезно, то конечно.

Мы все живем в одном мире, который далек от сказки.

– Он очень далек от сказок, – эхом повторила она. – Нас формирует наше окружение, и мы подвижны потребностями, иногда менее благородными, чем мы готовы признать.

– Действительно, – Ричард кивнул в знак согласия. – Мир – сложное и суровое место, но он делает нас теми, кто мы есть.

Когда они остановились перед величественным особняком, Хлою охватило любопытство. Она восхитилась резиденцией и не смогла удержаться, чтобы не спросить: "Чей это дом?"

Ответ Ричарда был характерно загадочным. "Друга", – сказал он без эмоций.

– И что мы здесь делаем? – спросила она.

– Зашли поздороваться, – ухмыльнулся Ричард, оставив Хлою с большим количеством вопросов, чем ответов.

Особняк отражал современную роскошь и достаток. Его внешний вид представлял собой изящное сочетание архитектурной элегантности и модернистского дизайна, оставляя неизгладимое впечатление.

Его стены были украшены изящными большими окнами, которые отражали дневной свет, добавляя ему величия. Эти окна демонстрировали помпезный интерьер внутри, давая представление об образе жизни, заключенном в стенах.

Вход сам по себе был грандиозным, с широкой подъездной дорожкой, ведущей к внушительным двойным дверям,

рядом расстилались ухоженные газоны, нетронутые сады и фонтан, который украшал передний двор, еще больше усиливая общее ощущение экстравагантности.

Когда они подошли ко входу в особняк, взгляд Хлои упал на дворецкого. Это был высокий мужчина средних лет, безупречно одетый в темный костюм, подчеркивавший его подтянутую фигуру. Его теплая и приветливая улыбка резко контрастировала с его в остальном стоическим поведением.

– Мистер Стерлинг, – поприветствовал дворецкий, открывая перед ними дверь.

Ричард поприветствовал его кивком, а затем дворецкий переключил свое внимание на Хлою, отвесив полупоклон.

– Мисс, – сказал он вежливым тоном.

Когда Хлоя вошла в особняк, ее встретило зрелище пышного убранства. Стены были украшены произведениями изобразительного искусства, а полы были покрыты плюшевыми коврами. Осветительные приборы, от люстр до настольных ламп, придавали помещениям теплое и располагающее сияние, отбрасывая мягкий золотистый свет. Цветовая палитра была богатой и утонченной, с глубокими оттенками и тонкими акцентами.

Когда Хлоя и Ричард вошли в комнату, их встретила шокирующая и сюрреалистическая сцена. Воздух был наполнен гипнотическим ритмом психоделической музыки, и комната была погружена в какофонию излишеств и потворства своим желанием. Группа людей, явно состоятельных, была погру-

жена в свой собственный мир разврата.

Общее ощущение эксклюзивности и шика было омрачено хаосом, царившим в комнатах. Гости были пьяны, другие находились под воздействием каких-то веществ, и смех раздавался со всех сторон.

На их лицах застыло выражение веселья, а в глазах читалась пресыщенная скука, которая проистекала из жизни, полной излишеств. Это был мир, где каждое желание было удовлетворено, но удовлетворение оставалось неуловимым. Комната представляла собой причудливую и тревожащую картину гедонизма и декаданса.

Хлоя была ошеломлена открывшейся перед ней сценой, резко контрастирующей с внешним видом особняка.

Ричард усмехнулся, увидев замешательство на лице Хлои. Он наклонился к ее уху и прошептал: "Моя дорогая, это всего лишь вход".

Глаза Хлои встретились с глазами Ричарда, в ее взгляде была смесь замешательства и восхищения. Она наклонилась к нему ближе, ее голос был едва громче шепота, и спросила: "Вход куда?"

– Ты хотела узнать о недостатках избытка? Узри, – он жестом указал на все происходящее. – Ненасытность, скука, чувство безнаказанности. Все это скрыто за фасадом успешных бизнесменов и влиятельных людей. Им всегда недостаточно. Они не могут найти цель в жизни. Им... нам всегда невыносимо скучно.

Слушая слова Ричарда, Хлоя впитывала в себя происходящее вокруг нее. За фасадом успеха и экстравагантности скрывалась горькая правда.

Глядя на это сборище, она испытывала смесь сочувствия и печали к тем, кто попал в круговорот нереализованности, несмотря на их материальное благополучие.

Хлоя была очарована словами и жестами Ричарда. Его заявление нарисовало завораживающую картину его мира, и она не могла отвести взгляда от его пронизательного взгляда.

– Это мой мир, Хлоя. Во всей красе, – он посмотрел ей в глаза, заправляя прядь волос ей за ухо. – Позволь мне отвести тебя к десертам.

Когда он подвел ее к столу с восхитительными сладостями, ее предвкушение росло. Она наблюдала со смесью возбуждения и желания, как он выбирал конфету, его прикосновение было одновременно нежным и интимным, когда он положил ее ей в рот. Насыщенный вкус шоколада и ликера растаял у нее на языке, и она закрыла глаза в блаженном удовольствии.

– Это божественно, – выдохнула она, наслаждаясь изысканным вкусом и остротой момента. В этом мире контрастов каждое чувство было особенным, усиленным стократ.

Он удовлетворенно улыбнулся ее реакции. Он начал что-то говорить, но его взгляд остановился на чем-то за ее спиной. "Прошу меня простить", – сказал он и исчез.



Прежде чем Хлоя успела спросить его, он растворился в толпе, оставив ее одну посреди этого сюрреалистического собрания. Она чувствовала себя дезориентированной и не в своей тарелке без присутствия Ричарда. Она искала убежища в десертах, полностью сосредоточившись на сладких кондитерских изделиях. Однако ее дискомфорт был недолгим, так как Ричард внезапно снова появился у нее за спиной.

– Изысканный вкус, не правда ли?

– Да, – ответила она с улыбкой, ее чувство неловкости на мгновение было забыто в пленительном присутствии Ричарда.

– Позволь мне угостить тебя чем-нибудь гораздо более насыщенным, – с дьявольской улыбкой он вывел ее за дверь.

Комната была заполнена разнообразными таблетками, порошками и курительными приборами, вызывая чувство искушения и тревоги.

Глядя на множество вариантов, открывшихся перед ней, Хлоя не могла отрицать очарования этого нового опыта, который обещал быть гораздо более захватывающим и загадочным, чем все, с чем она сталкивалась раньше.

Она посмотрела на наркотики, а затем на Ричарда. "Это необходимо?"

Он ухмыльнулся, качая головой, и подошел ближе. "Необходимо ли дышать полной грудью? Нет, но гораздо приятнее, когда ты это делаешь, – соблазнительно прошептал он. – Но позволь мне выбрать, моя милая. Я хочу, чтобы ты рассла-

билась, не чувствуя слабости, – он положил таблетку в рот, открывая его для поцелуя.

Напряжение во взгляде Хлои между таблеткой и Ричардом говорило о колебании, но ее выбор был сделан. Она глубоко вздохнула, затем наклонилась ближе к Ричарду для пылкого, страстного поцелуя. Она вынула таблетку у него изо рта и проглотила, отдаваясь очарованию загадочного опыта, который ждал ее впереди.

– Умница, – горячо прошептал он ей в губы. Затем он сам достал три таблетки и проглотил их все сразу.

– Почему я получила только одну? – спросила Хлоя

Ричард рассмеялся, глотая еще одну. “Уже ревнуешь? Я сижу на них годами. Теперь мне нужно несколько, чтобы хотя бы что-то почувствовать”, – он притянул ее ближе, положив руку ей на талию. “Доверься мне”.

Она растаяла в его объятиях и улыбнулась: “Хорошо”.

Хлоя, казалось, никак не могла насытиться опьяняющей связью с Ричардом. Их губы снова встретились в очередном пылком поцелуе, но этот момент был недолгим. Он прервал поцелуй, в его глазах застыл вопрос.

– Не хочешь потанцевать, дорогая?

Ее сердце бешено колотилось, и Хлое не терпелось насладиться каждым моментом этого вечера. С мягкой улыбкой она кивнула в знак согласия. “С удовольствием”.

Когда Ричард повел Хлою в более просторную комнату, мир вокруг нее, казалось, перешел в совершенно новое из-

мерение. Танец был похож на опьяняющий вихрь, от движений у нее кружилась голова, а музыка звучала на более глубоком, соблазнительном уровне.

Они оба, захваченные пьянящим сочетанием танца и своих обостренных чувств, были захвачены моментом.

Хлоя наблюдала, как к Ричарду подошла женщина, и его приветливая улыбка, когда они поприветствовали друг друга, вызвала в ней неожиданный укол ревности. Испытывая неловкость от этого чувства, она решила дистанцироваться от ситуации.

Направляясь к столику с закусками, она попыталась уединиться среди толпы, чтобы разобраться в своих эмоциях и восстановить самообладание. Стоя там, она созерцала загадочный мир, в который попала, и боролась с возникшими сложными эмоциями.

Через некоторое время Ричард появился снова, и Хлоя почувствовала облегчения от его возвращения. Он поприветствовал ее теплой улыбкой и спросил: "А вот и ты, моя сладкая. Устала от танцев?"

Хлоя, чувствуя себя немного затуманенной из-за действия наркотика, пожалала плечами в ответ. "Вроде того".

С понимающей ухмылкой Ричард сделал знак Хлое следовать за ним в бар.

– Джин-тоник для меня и что-нибудь, чтобы разбудить эту красавицу, – заказал Ричард, после чего повернулся к Хлое, его рука нежно взяла ее за подбородок, когда он взглянул в ее

глаза. – После первого раза всегда чувствуется сонливость. Но не волнуйся, ты не отключишься. Не при мне.

Его слова вызывали чувство заботы и защищенности, Хлоя находила утешение в его присутствии и в том пути, на который они зашли вместе.

– Хочешь воды? – спросил Ричард, щелкая пальцами бармену и выкладывая деньги.

Хлоя, все еще ощущавшая затяжной эффект от таблетки, покачала головой.

– Спасибо, – сказала она с мягкой улыбкой, принимая коктейль, протянутый ей барменом, и поднесла бокал к губам, сделав освежающий глоток предложенного напитка.

Когда они сидели в баре, загадочная атмосфера, казалось, еще больше окутала их. Комната пульсировала от музыки, болтовни толпы и обилия эмоций. Хлоя обнаружила, что была готовая принять все, что уготовила ей ночь под руководством Ричарда.

Ричард ласково ухмыльнулся, наклоняясь, чтобы слегка поцеловать ее. "Мне нравится, когда ты ревнуешь", – признался он. Оглянувшись назад на подошедшего человека, он заверил Хлою: "Позволь мне быстро поговорить с этим идиотом, и я вернусь к тебе, дорогая".

Пристальный взгляд Хлои был прикован к Ричарду, пока он пробирался сквозь толпу с грацией и обаянием, которые были его второй натурой. Он непринужденно беседовал, вызывая смех и улыбки у окружающих, воплощая манерность

в каждом жесте.

Несмотря на его харизму, чувство лицемерия не покидало ее мыслей. Она усомнилась в двойственности его характера, в контрасте между очаровательным фасадом и глубинами, скрытыми под поверхностью.

Возвращение Ричарда принесло с собой ощущение веселья, его смех был слегка невнятным из-за воздействия алкоголя. Он взял Хлою за руку и отвел ее в более уединенный уголок, подальше от толпы. В тускло освещенном углу их близость, казалось, усилилась.

– Мне нравится, как ты на меня смотришь, – прошептал он, и в его словах было столько страсти, что у Хлои по спине пробежали мурашки.

Взгляд Ричарда переместился на соседний столик, на котором стоял аппетитный кусок торта. С игривым видом он зачерпнул пальцем порцию и осторожно скормил ей.

Продолжая наслаждаться опьяняющей властью, которую он имел над Хлоей, Ричард ощущал непреодолимое влечение, охватившее ее. Она наклонилась, и их губы встретились в пылком и страстном поцелуе. Химия между ними была неоспорима, и Хлоя потянула его за нижнюю губу.

В углу комнаты их встреча превратилась в эротический танец, каждое прикосновение и поцелуй были выражением желания и томления. Притяжение между ними усиливалось с каждым мгновением, и они отдались охватившим их ощущениям.

Он притянул ее к себе, прижимаясь к ней всем телом. Его губы коснулись ее шеи, и он поцеловал ее нежно, затем с большей силой, слегка прикусив, когда она задохнулась от удовольствия. Она чувствовала его дыхание на своей коже, и ее тело задрожало в ответ. Его руки блуждали по ее телу, пока она тихо стонала от наслаждения.

Его ладони переместились на ее спину, притягивая ее ближе, в то время как губы продолжали исследовать ее тело. Ее сердце бешено колотилось, когда почувствовала его теплое дыхание на своей коже. От его прикосновения у нее подкосились колени, а тело охватило желание. Она ничего так не хотела, как остаться в этом моменте, растворяясь в ощущении его прикосновений.

Он опустил руки ниже, исследуя изгибы ее тела, пока не нашел бедра. Его пальцы впились в ее кожу, когда он притянул ее ближе, и она почувствовала, как волна удовольствия прокатилась по ее телу. Она прильнула к нему, ее губы впились в его, и они оба растворились друг в друге. Она тихо застонала, что возбудило его еще больше, он чувствовал, как нарастает ее желание, и ему хотелось зайти еще дальше. Он отстранился и посмотрел ей в глаза, и она поняла, что он хочет ее так же сильно, как она хотела его.

Он медленно опустил пальцы вниз, вводя их внутрь нее, в то время как его губы исследовали ее шею и плечи. Она задрожала от удовольствия, и с каждым мгновением ее дыхание становилось тяжелее. Он целовал ее все крепче, подтал-

кивая все дальше и дальше к краю экстаза. Она простонала его имя, когда их тела слились воедино, и ночь была наполнена удовольствием и желанием.

Хлоя неуверенно открыла глаза, чувствуя, как ее захлестывает волна головокружения и усталости. Она поняла, что лежит на диване, и увидела Ричарда, сидящего рядом с ней, с растрепанными волосами и сигаретой, свисающей с его губ. Заметив ее, он повернул голову.

– Ты в порядке? – его голос, однако, оставался холодным и совсем не звучал обеспокоенно.

Хлоя огляделась по сторонам. Она увидела пустые бутылки, разбросанные по полу, и слабый запах сигарет, витающий в воздухе. Из динамиков доносились слабые звуки музыки, а сквозь занавески пробивался утренний свет. Она сделала глубокий вдох, кисло-сладкий привкус алкоголя все еще ощущался в воздухе. Она покачала головой, чувствуя, как ее захлестывает волна тошноты, и медленно села, пытаясь стряхнуть с себя дурноту.

Она попыталась заговорить, но в горле у нее пересохло, и слова не шли с языка. Ричард вздохнул и встал, принес ей стакан воды. Сделав глоток, она почувствовала себя лучше. Она посмотрела на него и сказала: "Спасибо". Он кивнул и слегка улыбнулся.

Хлоя медленно встала, чувствуя острую боль в голове. Она попыталась вспомнить, что произошло, но воспомина-

ния были нечеткими и разрозненными. Она снова огляделась, осматривая незнакомую обстановку и чувствуя, как по ее телу пробегает холодок страха. Она оглянулась на Ричарда, ее глаза были полны замешательства и неуверенности.

– Ты слишком долго спала, любовь моя, – сказал он, глубоко затягиваясь сигаретой. – Пойдем перекусим.

– Что произошло вчера? – спросила она сухим голосом.

Ричард загадочно рассмеялся.

– Если ты не можешь вспомнить, то и не важно.

Хлоя наслаждалась ощущением свежего воздуха, когда они вышли во внутренний двор. Однако, когда они добрались до того места, где должна была стоять машина Ричарда, их встретило таинственное отсутствие.

– Черт, – пробормотал Ричард, и на его лице промелькнуло разочарование. – Давай возьмем такси.

– Что случилось? – озадаченно посмотрела на него она.

– Видишь ли... Чарли тоже, можно сказать, фанат подобных мероприятий, – он затянулся сигаретой, заказывая такси по телефону. – Единственная разница между нами в том, что я знаю свои пределы, а он – нет. Вчера я увидел его в неадекватном состоянии и велел своему водителю отвезти его домой.

Хлоя тепло улыбнулась, подумав об их отношениях. Это было необычное сочетание: типичное для Ричарда сдержанное и отстраненное поведение резко контрастировало с той заботой, которую он проявлял к столь открытому и жизне-



радостному Чарли.

Ричард отшвырнул окурок и галантным жестом открыл дверцу такси бизнес-класса, любезно приглашая Хлою внутрь. Когда она устроилась на удобных сиденьях, он повернулся к ней: "Куда ты хочешь поехать?"

Хлоя на мгновение заколебалась, чувствуя себя несколько не в своей тарелке в этой высококлассной обстановке. Она прикусила губу и предложила: "Мы можем сходить в "Макдоналдс"".

Немедленная реакция Ричарда была неожиданной, он удивленно рассмеялся и отклонил ее предложение с чувством превосходства. "Не оскорбляй меня подобными заявлениями", – попросил он. Затем он повернулся к водителю: "Хестон Блюменталь", – сказал он, однако для Хлои это было не больше чем набором звуков.

Пока такси плавно скользило по улицам, Ричард принял непринужденную позу, откинувшись на спинку сиденья с напускным безразличием. Его глаза оставались полужакрытыми, что наводило на мысль о чувстве спокойствия, когда за окном разворачивался городской пейзаж.

Когда они прибыли в ресторан, Ричард вышел, чтобы открыть дверь для Хлои. Как только они оба вышли из такси, Хлоя заворуженно огляделась по сторонам. Ресторан излучал ауру шика и люксовости, которая повергла ее в благоговейный трепет. Экстерьер излучал сдержанную элегантность, с изящным и современным дизайном, который орга-

нично вписывался в космополитические улицы Лондона.

Интерьер представлял собой гармоничное сочетание современных и классических элементов. Высокие потолки и большие окна позволяли естественному свету заполнять пространство, создавая уютную атмосферу. Цветовая палитра, приглушенная и нейтральная, создавала безмятежный фон для кулинарных шедевров, которые ждали посетителей.

Столы были элегантно сервированы, и каждая деталь, от посуды до освещения, тщательно продумана, чтобы улучшить общее впечатление от ужина.

Элитарность этого заведения окутывала Хлою, и она не могла не задаться вопросом о ценах в меню, хотя и не решалась делать какие-либо предположения, опасаясь масштабов потенциальных расходов.

Сидя за столиком, Ричард держался так же беззаботно, как и всегда. Небрежным кивком в сторону меню он предложил Хлое сделать свой выбор, настаивая: "Выбирай, что хочешь. Пожалуйста, не скромничай."

Любезность этого предложения вызвала у Хлои легкое чувство неловкости. Она оценила этот жест, но чувствовала себя обязанной найти баланс между принятием щедрости и стеснением воспользоваться ею. Поэтому она задумчиво изучала меню, ее взгляд переходил от одного восхитительного описания к другому.

В конечном счете ее выбор пал на блюдо, которое не было ни чересчур экстравагантным, ни бюджетным, с целью выра-

зять свою благодарность, не причиняя обиды.

Блюдо представилось Хлое шедевром кулинарного искусства. Это была не просто еда; это была симфония текстур и эстетики. Изысканно оформленный, каждый кусочек, казалось, растворялся во рту – оркестр вкуса, оставлявший неизгладимое впечатление.

На фоне этого гастрономического чуда в Ричарде. казалось, произошло изменение. Его обычный холодный и загадочный фасад, казалось, на мгновение отступил, обнажив более теплую и искреннюю сторону. Он перевел взгляд на Хлою, теплая улыбка украсила его черты, и произнес: "Спасибо за вечер".

Хлоя была ошеломлена этим неожиданным проявлением теплоты. Ее собственная улыбка, хотя и слегка окрашенная смущением, отражала признательность, которую она испытывала. "Тебе спасибо", – ответила она не только за изысканный ужин, но и за интригующее путешествие в мир, который был одновременно увлекательным и чарующим.

# ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

## 1.

После того неповторимого вечера жизнь Хлои поделилась на до и после. Ричард, с его галантным поведением и пленительным очарованием, стал центральной фигурой в ее жизни. Его присутствие обладало почти магической способностью заставлять ее чувствовать себя по-настоящему особенной, и он не жалел усилий для того, чтобы она познала мир во всем его великолепии.

Хлоя обнаружила, что попала в мир, превосходящий ее самые смелые мечты. Места, которые она теперь часто посещала, когда-то были лишь ее тихими грезами, которые она не решалась озвучить. Жесты Ричарда, большие или маленькие, всегда были отмечены великодушием и желанием обеспечить ей новые впечатления и опыт.

Их дни и вечера теперь были заняты вихрем изысканных вечеринок, утонченных светских раутов и грандиозных гала-ужинов. Хлоя была не просто зрительницей; она была активным участником этого мира. Ее жизнь, когда-то окрашенная простотой и скромностью, теперь разворачивалась в ослепительных тонах высшего общества.

Каждое событие и каждое взаимодействие окрашивали ее жизнь в новые яркие оттенки, по мере того как она продвигалась все дальше в сердце роскоши и утонченности, ведомая рукой прекрасного компаньона, который привел ее в это завораживающее царство. Это была трансформация, наполненная захватывающими деталями и безграничными возможностями, превращающая каждый день в приключение в мире, который она раньше видела лишь мельком изда-лека.

\*\*\*

День Хлои был соткан из идей и размышлений, она полностью сосредоточилась на заключительной части своего эссе. Она лежала на диване, окруженная записными книжками и разбросанными бумагами, свет ноутбука освещал ее задумчивое лицо. С каждым нажатием клавиши она приближалась к столь желанному завершению и выводу.

В разгар этой напряженной академической сессии ее телефон зазвонил от входящего сообщения. На экране высветилось имя "Ричард".

"Где ты?" говорилось в сообщении.

Она быстро ответила: "Дома".

Почти так же быстро, как был отправлен ее ответ, появилось еще одно сообщение: "Собирайся. Водитель подъедет через 10 минут".

Улыбка расплылась по лицу Хлои, ее сердце забилося чаще, и усталость от нескольких часов писательства исчезла.

Она возбужденно вскочила с дивана и подумала о том, какие новые впечатления принесет это randevu.

Генри, дружелюбный водитель, поприветствовал Хлою теплой улыбкой, открывая дверцу одной из многочисленных машин Ричарда. Именно эту машину Ричард с любовью называл "машиной Чарли", поскольку именно её последний больше всего любил «одалживать». Хлоя устроилась в удобном салоне, ее волнение росло по мере того, как автомобиль трогался с места, направляясь к неизвестному пункту назначения.

Путешествие продолжалось, и она наблюдала, как мир за ее окном превращается из шумного городского пейзажа в безмятежную пригородную местность.

Когда машина подъехала к парадному входу в особняк Ричарда, предвкушение в сердце Хлои усилилось. Внушительные ворота распахнулись, открывая взору раскинувшееся поместье, залитое мягким светом сумерек. Ее пристальный взгляд остановился на Ричарде, неторопливо выпускающем облачко сигаретного дыма.

Он подошел к машине с грацией джентльмена и открыл дверцу для Хлои – рыцарский жест, каждый раз заставляющий ее сердце трепетать. Он протянул руку, чтобы помочь ей выйти, и, когда она ступила на подъездную дорожку, кивнул Генри, позволяя ему уводить машину.

Хлоя, не в силах сдержать своего волнения, обвила руками шею Ричарда, заключая его в теплые спонтанные объ-

тия. От их общения исходило ощущение теплоты, и слова Ричарда "Ты выглядишь чудесно" были напоминанием того, что он искренне ценил ее присутствие.

Во время этой короткой паузы, когда последние лучи солнечного света окрасили небо в оранжевые и розовые тона, Хлоя испытала чувство очарования, которое у нее стало ассоциироваться с моментами, проведенными с Ричардом.

Ричард жестом пригласил Хлою пройти в дом, дав понять, что присоединится к ней вскоре после того, как докурит сигарету. Когда она вошла внутрь, великолепие особняка, с его роскошной мебелью и изысканным декором, не переставало поражать ее.

Она направилась в знакомую гостиную, комнату, которая была свидетелем многих интимных и сокровенных моментов во время ее визитов. Когда она вошла, ее взгляд привлекла фигура, склонившаяся над телефоном. Это был Чарли, его волосы каскадом падали ему на лицо.

Заметив Хлою, его озарило лучезарной улыбкой. Он приветствовал ее с неподдельным энтузиазмом: "Привет, солнышко! Как ты?"

Улыбка Хлои была такой же теплой, когда она ответила: "Рада тебя видеть". Присутствие Чарли всегда приносило нотку искренности и доброты, резко контрастируя с многогранным миром, с которым она познакомилась через Ричарда.

– Чай, кофе, потанцуем?

Хлоя не смогла удержаться от искреннего смеха над его откровенным предложением.

– Я бы выбрала последнее, если бы не этот таинственный мужчина снаружи, – поддразнила она.

Чарли присоединился к ее смеху своим смешком. "О, да", – подтвердил он легким тоном. "Парень – собственник". Хлое всегда было интересно наблюдать за их динамикой и трепетностью по отношению друг к другу.

– Привет, Ричи! – воскликнул он, заметив присутствие Ричарда. – Мы как раз говорили о тебе. Не волнуйся, ничего такого, что могло бы испортить твой образ, – заверил Чарли, его слова были пронизаны юмором. Ричард ответил искренней улыбкой.

Тот факт, что у них была общая история с детства, был очевиден любому, кто видел их вместе. Присутствие Чарли заставляло Ричарда казаться более приземленным и доступным. В его компании проявлялась более человечная и располагающая к общению сторона Ричарда. Чарли обладал даром без особых усилий смешить его даже по поводу вещей, которые могли бы раздражать его, если бы исходили от других.

Прикосновение Ричарда к талии Хлои было тонким, но притягательным жестом, в котором чувствовался намек на собственничество.

– Хлоя, мне, конечно, нравится твой стиль, но на сегодняшний вечер я бы посоветовал надеть что-нибудь более элегантно, – посоветовал он.



– Элегантное? – повторила она, охваченная любопытством.

Ричард прислонился к стене, его поведение было расслабленным, но решительным. “Моя подруга устраивает частный показ мод; я думаю, тебе будет интересно посмотреть. Кроме того, ты можешь взять себе что-нибудь, если захочешь”.

Глаза Хлои расширились от удивления: перспектива посетить частный показ мод и возможность приобрести несколько уникальных вещей вызвали у нее трепет.

– А я не приглашен? – Чарли преувеличенно заинтересовано присвистнул.

– Ты все равно откажешься, – как ни в чем не бывало заявил Ричард. Согласие Чарли только подтвердило ожидаемый результат, и он снова сосредоточился на своем телефоне.

Одетые в роскошные наряды, Хлоя и Ричард появились на показе мод. Мероприятие было организовано для влиятельных личностей в мире моды, представителей высшего общества, что добавило чувства изящества и исключительности.

Глаза Хлои заинтригованно заблестели, когда она обратила внимание на дизайн одежды. Каждое изделие было произведением искусства, раздвигающим границы моды и бросающим вызов общепринятым нормам. На подиуме был продемонстрирован вихрь цветов, тканей и авангардных стилей, который привел Хлою в трепет.

Толпа вокруг нее представляла собой море хорошо оде-

тых людей, каждый из которых сам по себе был иконой моды. Воздух был наполнен разговорами о последних тенденциях, дизайнерах и модных новинках. Хлоя почувствовала свою принадлежность к этому миру, месту, где пересекаются искусство, красота и креативность.

С Ричардом рядом у нее была привилегия присутствовать на этом экстраординарном мероприятии, и по мере того, как она продолжала погружаться в этот опыт, она вдохновлялась творчеством и страстью, которые ее окружали.

## 2.

Чарли сидел в маленькой уютной художественной студии, перед ним был расстелен холст, а на палитре – множество ярких красок. Его внимание было сосредоточено, когда он тщательно наносил мазки кистью, каждый из которых вносил свой вклад в формирование чего-то абстрактного и прекрасного. Он был погружен в процесс творения, позволяя своим мыслям и эмоциям изливаться на холст.

Когда цвета смешались и заплясали по поверхности, у Чарли зазвонил телефон, нарушив его концентрацию. Не теряя ни секунды, он ловко поднял трубку, зажав ее между плечом и ухом, продолжая рисовать, его первоначальным ответом было не особенно заинтересованное "Ммм".

На другом конце провода голос Джонни звучал тихо, как

будто он не был до конца уверен, что ему следует звонить и вспомнит ли его Чарли.

Чарли отложил кисть и быстро поднял трубку телефона, услышав голос Джонни.

– Джонни, привет, – тепло поздоровался он. – Как дела?

Джонни старался не выказывать слишком большого волнения, но он не мог не почувствовать облегчения от того, что Чарли его вспомнил. "Да, спасибо, все отлично. Чем занимаешься?"

– Ну, я стараюсь удержать баланс, крутюсь на этой карусели в цирке жизни..., – усмехнулся Чарли. – Шучу. На самом деле я пытаюсь творить искусство, запечатлеть хаос жизни на холсте... Ну, что-то типа того. А как насчет тебя?

– Да вот, полезно провожу свободное время. – Последовало секундное колебание, как будто он не был уверен, как продолжить разговор.

Чарли почувствовал неуверенность Джонни, и решил взять инициативу в свои руки. Непринужденным и дружелюбным тоном он предложил: "Знаешь, наша последняя встреча была давным-давно. Как насчет того, чтобы пересечься где-нибудь? Что скажешь?"

Глаза Джонни заблестели от возбуждения, и на его лице появилась искренняя улыбка.

– Да, с удовольствием, – с готовностью ответил он. – Когда и где?

Когда звонок закончился, Чарли испытал чувство удовле-

творения, зная, что ему удалось выстроить связь с потенциальным другом.

Чарли сидел на барном стуле, его взгляд блуждал по эклектичному декору бара в стиле 90-х. Неоновые огни создавали мягкое ностальгическое свечение, отбрасывая оттенок цвета на его яркую рубашку, которая сильно контрастировала с серым миром снаружи.

С бокалом в руке он взбивал коктейль, наблюдая, как жидкость вращается и преломляет окружающий свет. Его пальцы лениво двигались, танцуя в ритме его мыслей.

Когда дверь бара распахнулась, вошел Джонни, оглядывая зал в поисках знакомой фигуры. И там, во всем своем выделяющемся наряде и непринужденном обаянии, был Чарли. Их взгляды встретились, и лицо Чарли расплылось в теплой, искренней улыбке. Он поднял руку, изящно описав пальцами волну в воздухе.

Атмосфера в баре была живой, неоновые огни отбрасывали разноцветные блики на полированные поверхности. Джонни с любопытством осматривал декор.

– Тут довольно... вычурно, – прокомментировал он.

Чарли усмехнулся, потягивая свой напиток. "Что ж, в этом и идея. Иногда нужно наслаждаться стильной жизнью".

Джонни заерзал на своем стуле, и Чарли не мог этого не заметить. Игривая усмешка тронула его губы, и он наклонился ближе.

– Чувствуешь себя немного не в своей тарелке, Джонни? –

Спросил Чарли, выгнув бровь.

– Можно и так сказать, – Джонни нервно хихикнул. – Если честно, я даже не знал, что это бар.

– Не поклонник алкоголя, да?

Джонни почесал в затылке, выглядя немного смущенным.

– Без проблем, – быстро пожал плечами Чарли. – Если тебе не нравится, я не буду настаивать. – Словно по наитию, Чарли поднялся со своего места. – Что ж, тогда как насчет того, чтобы немного осмотреть Лондон? – предложил он.

– Нет-нет, все нормально, – быстро замахал руками Джонни. – Не беспокойся. Наслаждайся коктейлем.

Чарли покачал головой с решительной ухмылкой и, быстрее, чем Джонни успел среагировать, вылетел из бара. Он бросил на стол немного денег, чтобы оплатить свой напиток, и поманил Джонни за собой.

Чарли и Джонни прогуливались по улицам Лондона, в воздухе чувствовался намек на дождь. Серость города не могла омрачить жизнерадостный настрой Чарли. Он шел с уверенным видом, небрежно засунув руки в карманы, а его взгляд перебегал от витрины к витрине магазина, словно в поисках спрятанного сокровища.

– Знаешь, я всегда питал слабость к красивым, но совершенно бесполезным вещам, – усмехнувшись, заметил Чарли.

Смех Джонни, теплый и сердечный, наполнил свежий лондонский воздух. Он был очарован откровенностью Чарли.

– Ну, ты и правда можешь находить красоту в самых неожиданных местах.

Затем, словно пораженный внезапной мыслью, Чарли устремил на Джонни пронизательный взгляд. “Кстати, о неожиданностях, ты не находишь Хлою и Ричарда настоящими любовными голубками?” Он добавил с игривой усмешкой: “Как будто они забыли об остальном мире, особенно о нас”.

Джонни почувствовал укол неловкости от замечания Чарли. Он быстро ответил: “Ну, в свою защиту могу сказать, что я позвонил тебе не потому, что Хлоя стала уделять мне меньше внимания. Я позвонил тебе, потому что ты показался мне интересным и добрым”.

Чарли не смог удержаться от искреннего смеха над таким заявлением.

– Добрым, да? – повторил он, и в его тоне послышались нотки веселья, когда он поразился его наивности. – Ну, Джонни, знаешь ли, только потому, что у меня огненные волосы и яркие наряды, это не значит, что у меня огненное сердце.

– Ты показался хорошим парнем, – махнув рукой, настоял Джонни.

Чарли слегка наклонил голову, явно довольный оценкой Джонни. Он не смог скрыть лукавой улыбки, тронувшей уголки его губ. “Я этого не отрицаю. Но ты же понимаешь, что мы встречались всего один раз.”

Джонни пожал плечами, как бы говоря, что иногда первое впечатление говорит о многом.

Послеполуденное солнце рисовало мерцающие узоры на воде, когда Чарли и Джонни остановились у моста, прислонившись к перилам. Река внизу текла размеренно, ее отражения танцевали в ряби.

Взгляд Джонни казался отстраненным, как будто он был погружен в свои собственные мысли. Тихие звуки города проплывали мимо, создавая вокруг них умиротворяющую атмосферу.

Через мгновение задумчивое молчание Джонни сменилось любопытством. Он повернулся к Чарли и сказал: "Я все хотел спросить, почему ты выбрал это место для нашей встречи?"

– О, этот бар? – Чарли с любопытством посмотрел на Джонни. – Что ж, полагаю, мне оно нравится своей экстравагантностью, несмотря на простоту района.

Джонни кивнул, впитывая спокойствие окружающей обстановки. Затем он заинтригованно приподнял бровь. "Ты и Ричард... сколько людей очарованы той роскошью, которую вы им предлагаете?"

– На удивление, довольно много, – Искренняя улыбка заиграла на губах Чарли. – Людей тянет к роскоши, как мотыльков к огню. Но иногда в простоте есть своя прелесть.

– Знаешь, это первый раз, когда я вживую встретился с кем-то настолько богатым, как Ричард, – признался Джонни.

– Тебе всегда было интересно, почему такие люди, как он, разбрасываются деньгами, да? – усмехнулся Чарли. – Покупают домашние кинотеатры, дорогие картины, всю эту мишуру?

Джонни кивнул, слегка нахмутив брови. "Если честно, то да. Никогда это не понимал. Только потому, что они могут?"

Чарли повернулся и, опершись спиной о перила моста, посмотрел на улицу. Он небрежно поправил волосы, не отрывая взгляда от проезжающего мимо велосипедиста.

– Просто потому, что мы можем, – сказал он. – Деньги и власть – это то, к чему мы все стремимся, признаем мы это или нет. Вполне естественно, что, достигнув их, мы позволяем себе роскошь, которая им и сопутствует. Когда у тебя есть средства, ты потакаешь своим желаниям. И чем больше у тебя есть, тем дороже, как правило, обходятся эти желания. – Чарли помолчал, позволяя своим словам повиснуть в воздухе, а затем заключил: – Но дело не только в потакании своим желаниям. Речь идет о свободе делать то, что мы хотим. Иметь весь мир у своих ног и знать, что есть очень мало такого, что действительно недостижимо.

Джонни назвал точку зрения Чарли эгоистичной. Слова Джонни повисли в воздухе, пока Чарли обдумывал его ответ, в его глазах отражались огни города. "Ты прав", – наконец признал Чарли с легкой улыбкой. "Это может быть эгоистично, но это также форма самосохранения. В мире, наполненном хаосом и проблемами, важно заботиться о себе".



– Но разве мы не несем ответственности за то, чтобы что-то сделать с этими проблемами? – Джонни вздохнул, все еще не до конца убежденный. – Ты не можешь просто игнорировать их и наслаждаться своей жизнью, в то время как другие страдают.

Чарли повернулся прямо к Джонни, его взгляд не дрогнул. "Я не говорю, что мы должны полностью игнорировать мировые проблемы. Я говорю о том, что мы не должны позволять им поглощать нас. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на беспокойство о вещах, которые ты не можешь контролировать". Чарли запрокинул голову, любуясь открывшимся видом, и посоветовал: "Расслабься и наслаждайся. Не отказывай себе в удовольствиях. Это не делает тебя бессердечным; это делает тебя живым. И ты никогда не должен позволять никому заставлять тебя чувствовать себя виноватым за это".

Озадаченный Джонни спросил, не было ли это чем-то вроде "живи, смейся, люби". Чарли выгнул бровь от такого сравнения и не смог удержаться от смешка.

– Живи, смейся, люби... Думаю, можно сказать и так, – сказал он с легким озорством в глазах. – Хотя я предпочитаю думать об этом как о том, чтобы жить полной жизнью. – Он посмотрел на Джонни, будто пытаясь убедить его, и объяснил: – Жизнь предназначена для того, чтобы ею наслаждаться. Зачем увязать в мировых проблемах, когда можно радоваться тому, что тебе было дано?

– В этом-то и проблема. В то время как у вас, людей с деньгами и властью, действительно есть возможность изменить хоть что-то, вы предпочитаете не делать этого, потому что не хотите утруждать себя. И каждая богатая задница теперь думает так же, как и ты, вот почему ничего никогда не меняется.

Чарли, явно удивленный, тепло улыбнулся: "Ты, мягко говоря, интригующий человек. Такая страсть и огонь, ко всем бедам мира". Но он махнул рукой: "Но ты меня неправильно понял. Дело не в том, чтобы избегать перемен или пренебрегать ответственностью. Речь идет о том, чтобы найти баланс между наслаждением привилегиями и позитивным вкладом. Как говорится, с большой силой приходит большая ответственность. Итак, вместо того чтобы разочаровываться в тех, кто наслаждается жизнью, не было бы эффективнее объединить усилия и вместе работать над переменами?".

– Человек-паук, серьезно? – усмехнулся Джонни.

– Что ж, мудрость может приходиться из неожиданных мест, – присоединился к веселью Чарли. – Подобное могло бы исходить из уст Цицерона или Платона. – Он продолжил, более серьезный: – Ты прав, и это суровая реальность, что многие, обладающие властью, не соберутся вместе, чтобы решить мировые проблемы, если это принесет им убытки. Поэтому нужно научиться находить баланс между наслаждением жизнью в полной мере и вкладом в развитие человечества, на которое мы способны.

Размышляя над словами Чарли, Джонни не мог не признать в них правды. Это был сложный вопрос, гораздо более тонкий, чем он думал ранее. Следующий вопрос Чарли, однако, застал его врасплох:

– Готов ли ты пожертвовать половину своего имущества бедным? – Джонни обдумал эту идею, и когда он собирался упомянуть, что это меньше ударит по богатым, Чарли продолжил: – Богатые люди, если они не глупы, рассматривают эти деньги не как "лишние", а как возможность заработать больше. Это значительно уменьшает их желание с ними расставаться. – Пока Джонни обдумывал эти мысли, Чарли удовлетворенно улыбнулся, глядя ему в лицо. – Да, Джонни, это тебе не шары да грибы.

Джонни удивленно моргнул, сбившись с мысли: “Что это вообще должно значить?”

– Ты интересный человек, – заметил Чарли. – Мне нравится это в тебе.

В минуту затишья Джонни задумался о разнице между его спорами с Ричардом и беседами с Чарли. Он чувствовал контраст в самой своей душе.

Спор с Ричардом напоминал битву эго, где высокомерие блокировало ход беседы, затрудняя поиск точек соприкосновения. Богатство и власть Ричарда, казалось, воздвигли невидимую стену, разделявшую их.

Но с Чарли, даже в пылу спора, он ощущал скрытую теплоту и уважение. Создавалось впечатление, что их различия

во взглядах были не непреодолимыми препятствиями, а скорее возможностями для плодотворных дискуссий. Джонни поймал себя на том, что удивился, как он может испытывать такое чувство связи с кем-то, настолько непохожим на него.

Чарли наклонился чуть ближе, его голос звучал серьезно, и он поделился своими чувствами. "Знаешь, в моем мире меня часто окружают яркие, но усталые люди. У них пустые глаза, и их энтузиазм угас под тяжестью их успеха и ответственности". Он продолжил, не сводя взгляда с Джонни: "Поэтому мне невероятно приятно встретить кого-то вроде тебя. С честностью, которая светится в глазах, и огнем в сердце. Твой дух – как глоток свежего воздуха в мире, который иногда кажется удушающим".

Джонни почувствовал искреннюю признательность за слова Чарли, зная, что их связь могла стать чем-то действительно особенным. Будто они оба предлагали друг другу заглянуть в другой мир, и этот мир стоило исследовать вместе.

\*\*\*

Хлоя и Джонни нашли тихое местечко на залитых солнцем ступенях перед своим университетом, где они часто проводили время, болтая и расслабляясь после занятий.

Джонни наклонился вперед, подперев подбородок рукой, и задал вопрос. "Ты же видела этот фильм о котором все говорят, да? И как тебе?"

Хлоя, расслабленная и искренняя, ответила беспечным пожатием плеч. Прямолинейность была отличительной чер-

той ее характера.

– Честно говоря, так себе. Никогда не любила артхаус.

– Согласен, – кивнул Джонни. – Я смотрел некоторые из этих новых артхаусных фильмов, и в конце я просто сидел, пытаюсь понять, что я только что посмотрел.

Их беседа протекала легко и непринужденно, и пока они продолжали болтать, тема перешла к концерту, которого они с нетерпением ждали после занятий. Расположенный в самом центре города, фестиваль обещал множество впечатлений.

– Я уверен, это будет разрыв, – с энтузиазмом поделился Джонни.

– Да, – усмехнулась в ответ Хлоя, – должно быть круто.

Их разговор был прерван зазвонившим телефоном Хлои. Джонни издал почти неслышный вздох. Он никогда не был поклонником Ричарда, и ни для кого не было секретом, что у него были некоторые сомнения по поводу отношений Хлои с ним. Она извинилась и отошла немного в сторону, чтобы ответить на звонок наедине.

– Привет, красотка, – раздался на другом конце провода голос Ричарда, мягкий, как бархат, и Хлоя не смогла сдержать улыбку. Один только звук его голоса каким-то образом скрашивал ее день. – Как только твои занятия закончатся, за тобой приедет машина. Увидимся у меня дома, – сообщил он ей со своим обычным повелительным тоном. Хлоя выслушала планы Ричарда со смесью предвкушения и нере-

шительности.

– Но, – Хлоя заколебалась, – я хотела пойти на фестиваль с Джонни.

– Фестиваль? – Ответ Ричарда прозвучал с оттенком раздражения. – Дорогая, мы едем на мою виллу за городом. Я уверен, что пробираться сквозь потную толпу на концерте не так уж заманчиво.

Сердце Хлои учащенно забилося, когда она обдумала предложение Ричарда. Идея провести время на его роскошной вилле, несомненно, была заманчивой, но в то же время она испытывала чувство долга по отношению к Джонни.

Внутреннее желание Хлои взяло верх над ее чувством долга. Ричард научил ее не отказывать себе в том, чего она действительно хотела, и очарование дня, проведенного с ним на роскошной вилле, оказалось непреодолимым. Она ответила: "Ничего страшного, он поймет".

В голосе Ричарда послышались нотки удовлетворения, когда он ответил: "Умница".

Голос Джонни был полон негодования, когда он заговорил с Хлоей об изменении ее планов.

– В каком смысле ты собираешься с ним за город? Мы же договорились.

– Да, я знаю, – сказала Хлоя извиняющимся тоном. – Прости. – Она знала, что нарушила их планы, и это давило на нее.

Однако Джонни не был готов так легко закрыть тему.

"Прости? Это не так работает, Хлоя. Мы договорились."

Разрываясь между своим другом и возлюбленным, Хлоя задала непростой вопрос: "Что бы ты сделал на моем месте?"

– Я бы не бросил тебя ради кого-то, кого я знаю чуть больше месяца, – твердо сказал Джонни.

– Ты так говоришь, потому что ты не на моем месте, – Хлоя защищала свой выбор, зная глубину своих чувств.

Размолвка с Джонни оставила у Хлои затяжное чувство неловкости, но восхитительные моменты, проведенные с Ричардом, быстро развеяли эти неприятные воспоминания.

Когда Хлоя отдыхала у бассейна, нежное тепло солнца ласкало ее кожу. В воздухе витал соблазнительный аромат солнцезащитного крема, смешанный с тонким ароматом распускающихся цветов, украшавших сад, окружавший виллу. Кристально чистая вода в бассейне призывно искрилась, издавая ритмичный звук, когда она плескалась о края.

Ричард держал в руках блюдо с яркой, сочной клубникой. Их темно-красный оттенок блестел на солнце, и он выбрал одну из самых спелых, осторожно держа ее между пальцами. С довольной улыбкой он протянул клубнику Хлое, и легкий ветерок донес до нее ее аромат.

Она приняла сладкое подношение, ее губы приоткрылись в предвкушении, и в тот момент, когда она попробовала сочную ягоду, взрыв ароматов затопил ее чувства. Сочная сладость заплясала у нее на языке, и она закрыла глаза от чистого наслаждения.

Момент, наполненный такой снисходительностью и очарованием, легко отодвинул в сторону послевкусие ссоры, позволив ей полностью погрузиться в удовольствие настоящего.

### 3.

Джонни с усталым выражением лица терпеливо слушал, как взволнованный голос Хлои лился по телефону, рассказывая подробности частной выставки Сэма Митчелла. "Сэм Митчелл, представляешь?" радостно воскликнула она, подчеркивая эксклюзивность мероприятия. После того, как ее насыщенная история подошла к концу, Джонни вздохнул и заметил: "Ты звонишь мне только для того, чтобы поговорить о Ричарде, да?"

Первоначальный энтузиазм Хлои испарился, сменившись неловким молчанием и чувством вины. Джонни продолжал: "Когда мы виделись в последний раз? Ты вообще помнишь?" Хлоя молчала. Он продолжил: "Ты даже не звонишь. Если только не для того, чтобы поговорить о Ричарде, конечно", – в его голосе слышалась нотка обиды.

– Он просто водит меня в столько разных мест... И, пойми, наши отношения развиваются, – объяснила Хлоя, защищая свои отношения с Ричардом.

– Приоритизировать отношения – это одно, но полностью



забывать о своих друзьях – совсем другое, – возразил Джонни. – Когда вы двое поссоритесь, к кому ты обратишься?

– Только потому, что я провожу с тобой меньше времени, не значит, что я отказываюсь от нашей дружбы, – сказала Хлоя, почувствовав напряжение. – Все не так просто.

Тоскливый голос Джонни прорезал повисшую на мгновение тишину. "Раньше ты делилась со мной всем. Теперь мы говорим только о Ричарде. Я скучаю по нашим старым разговорам. Я скучаю по подруге".

В глазах Хлои промелькнуло мимолетное отрицание, даже если Джонни не видел его. "Я знаю, в последнее время все изменилось, но Ричард много значит для меня. Неужели ты не можешь этого понять?" – настаивала она, тонко преуменьшая глубину беспокойства Джонни.

– Хлоя, ты упускаешь главное, – тяжелый вздох сорвался с губ Джонни. – Наша связь ускользает, а ты позволяешь этому случиться. – Он провел рукой по волосам, явно измученный ситуацией.

Хлоя, по-видимому, не желая осознавать весомость его слов, отмахнулась от ситуации. "Да ладно, Джонни, ты слишком остро реагируешь", – заявила она, ее тон скрывал легкое пренебрежение.

Он закрыл затуманенные разочарованием глаза. "Хлоя, наша дружба много значит для меня. Я чувствую перемены и не могу стоять в стороне и смотреть", – признался Джонни, уязвимость в его тоне выдавала глубину его чувств.

– Это не так. Я могу справиться с обоими, и ты по-прежнему мой друг. – Однако в ее заверениях чувствовалась скрытая небрежность, которую Джонни не мог не заметить. – Я по-прежнему ценю нашу дружбу, – поспешно заверила Хлоя, пытаясь успокоить и Джонни, и себя. – Мы разберемся с этим. Я обещаю.

Джонни, все еще борющийся с растущей дистанцией, вздохнул. "Надеюсь, ты права. Не позволяй чему-то хорошему ускользнуть из-за чего-то неопределенного".

По мере того, как они балансировали на грани отрицания и признания, пропасть между ними расширялась, оставляя в воздухе невысказанную боль, которую обнаружит только время.

\*\*\*

Хлоя пробудилась ото сна, когда первые лучи утреннего солнца пробились сквозь занавески, отбрасывая теплые золотистые лучи на элегантную спальню Ричарда. Томно потянувшись в мягких объятиях шелковых простыней, она на секунду снова накрылась одеялом. Однако отсутствие Ричарда указывало на то, что он, скорее всего, вышел, чтобы предаться своему утреннему ритуалу курения.

Движимая растущим любопытством, Хлоя решила покинуть кровать. Когда ее босые ноги коснулись прохладного полированного пола, она почувствовала, как легкая дрожь восторга пробежала по ее спине.

Элегантно ступая на цыпочках по мраморному полу, она

прошла мимо "гостевой" комнаты, где "гостил" в основном Чарли. Мягкие, мелодичные ноты доносились из комнаты, наводя на мысль, что он тоже уже пробудился ото сна.

Вскоре Хлою потянуло на природу. Выйдя через французские двери на хорошо подстриженную лужайку, она глубоко вдохнула, наслаждаясь бодрящей свежестью утреннего воздуха. Ее босые ступни коснулись покрытой росой травы, каждая травинка ласкала ее кожу, как нежный живой ковер. Это был восхитительный контраст с прохладным интерьером особняка, и Хлоя не смогла удержаться от улыбки.

Она наслаждалась ощущением того, что мир медленно пробуждается ото сна. Птицы пели ей серенады, а бодрящий ветерок нашептывал перспективы нового дня. Когда мир проснулся, Хлоя обнаружила, что на мгновение обрела покой, утренняя тишина окутала ее, как теплые объятия.

Именно в этой безмятежной атмосфере она заметила Ричарда, грациозно взабравшегося на перила ограды, окружавшей внутренний сад. В одной руке он держал сигарету, тонкая струйка дыма поднималась вверх, в то время как другой сжимал телефон, прижатый к уху. Поглощенный разговором, он был сосредоточен, каждое слово, слетавшее с его губ, звучало властно.

Когда Хлоя приблизилась, она почувствовала внезапное желание прикоснуться к нему. Обхватив его сзади, она наклонилась, ее голова удобно устроилась у него на плече. Ричард выдохнул струю сигаретного дыма в противополож-

ном направлении, подальше от нее, сохраняя невозмутимое выражение лица. Пока он говорил, она слушала, как он дает набор инструкций, связанных с криптовалютой.

Хлоя знала, что бизнес Ричарда охватывал несколько областей – недвижимость, криптовалюты и широкий спектр услуг, связанных с автомобилями. И все же это были хитросплетения, в которые она никогда глубоко не вникала. В этот тихий момент, когда она почувствовала его силу под своим прикосновением, она поняла, что Ричард по-своему жил в мире власти и влияния. И это был мир, который, когда она была рядом с ним, казался удивительно привлекательным.

– Это был приятный разговор? – спросила Хлоя с оттенком любопытства, как только Ричард закончил свой звонок.

Ричард выдавил из себя неуверенную улыбку и ответил: "Не совсем. Но не важно".

– Что случилось? – мягко спросила Хлоя.

Ричард взглянул на свой телефон, затем снова на Хлою.

– Я сказал, что это не важно, – раздраженно ответил он, меняя тему разговора. Хлоя, понимая, что некоторые вопросы лучше не затрагивать, просто поцеловала его в щеку, позволяя своей привязанности успокоить его.

Ричард глубоко вздохнул, выпустив струйку табачного дыма, которая смешалась с прохладным утренним воздухом. С видом открытости, который он редко проявлял, Ричард внезапно признался: "Знаешь, это я дал Чарли попробовать наркотики". Хлоя удивленно моргнула от столь внезапного

признания, после чего посмотрела на него со смесью сочувствия и понимания. В его голосе слышалось сожаление, когда он продолжил: "В последнее время я часто думаю об этом. Это моя вина."

Заметив раскаяние, отразившееся на его лице, Хлоя расстрогалась. Она наклонилась ближе, ее теплый взгляд встретился с его.

– Ты тоже был совсем молод, – утешила она. – Ты не мог знать, к чему это приведет. – Ее голос был полон сочувствия, попытки облегчить груз вины, который он нес за свой прошлый выбор.

Когда Ричард прикусил губу, Хлою накрыло всепоглощающее чувства сострадания к нему. Это был редкий момент уязвимости со стороны человека, который обычно излучал уверенность. Она наблюдала за его внутренним смятением, понимая, какое огромное бремя он нес из-за проблем Чарли. Хлоя хотела предложить утешение, донести, что ответственность лежит не только на нем, но правильные слова казались неуловимыми.

Она протянула руку и нежно положила ее на его ладонь – жест, призванный выразить ее непоколебимую поддержку. Ее прикосновение передало больше, чем когда-либо могли передать слова, дав ему понять, что она рядом с ним, что они справятся с этим вместе. Это было молчаливое обещание понимания и солидарности перед лицом его сожалений. Их окружали запах табака и негромкий утренний гул.

– Невежество не освобождает тебя от ответственности, а? – Ричард наконец нарушил молчание, слабая, невеселая усмешка тронула его губы.

– Ты не можешь нести ответственность за другого человека, – голос Хлои был мягким.

Ответ Ричарда по-прежнему был лишен особых эмоций, его взгляд был отстраненным. "Я должен нести ответственность за свои действия. Это одна из моих величайших ошибок в жизни".

– Я уверена, он тебя не винит, – сказала она, встретившись с ним взглядом, но Ричард отвел глаза.

– Он-то не винит... – вздохнул он. – Тем не менее...

В этот хрупкий момент Хлоя изо всех сил старалась хоть немного утешить мужчину, который редко позволял себе проявлять уязвимость.

– Чего я не понимаю, так это почему ты общаешься с Джоном. И уж тем более то, что Чарли видит в нем, – сказал Ричард после паузы, желая сменить тему.

– Он мой друг, – пожал плечами Хлоя. – Он добрый и понимающий.

– И тебе этого достаточно? – Ричард приподнял бровь. – Он посредственность. Наш мир и так налагает на нас бесчисленные ограничения, и он охотно добавляет еще больше, принимая религию.

– Он находит в этом утешение, – попыталась защитить его Хлоя.

– Значит, он не в состоянии найти поддержку в самом себе, – пожал плечами Ричард. – Именно об этом я и говорю – он слаб. – Хлоя почувствовала неприятное чувство внутри, когда Ричард продолжил. – В любом случае, я уважаю твой выбор. Наверняка он душка.

Разговор принял неприятный оборот, и Хлоя задумалась над словами Ричарда. Она понимала, что у него другой взгляд на отношения и дружбу, он уважает силу и независимость. Хотя Джонни, возможно, и не соответствовал критериям Ричарда, она все равно ценила их дружбу за поддержку и понимание, которые он ей оказывал.

Она глубоко заботилась и о Джонни, и о Ричарде, хотя они были очень разными людьми. Но когда она сидела там с Ричардом, его загадочная и сложная натура все еще сохраняла неоспоримое очарование, заставляя ее усомниться в собственных приоритетах и выборе.

Почувствовав напряжение, повисшее в воздухе, Ричард наклонился и нежно поцеловал Хлою.

– Прости, я не хотел тебя расстраивать. Сегодня я просто в немного меланхоличном настроении, – признался он. Она понимающе кивнула, подумав, что его настроение, должно быть, связано с мыслями о Чарли. Она понимала, что он несет тяжелое бремя, которое, возможно, только Чарли мог по-настоящему осознать.

## 4.

В теплых объятиях солнца тихая улица казалась безмятежным полотном, окрашенным оттенками умиротворения. Солнце заливало пейзаж теплым сиянием, его золотые лучи отбрасывали длинные пятнистые тени на тротуар. В воздухе витал тонкий аромат распускающихся цветов и свежей травы, которая, казалось, танцевала в ответ на легкий ветерок. Над головой простиралось светло-голубое небо.

В этом мирном оазисе отсутствие шумной толпы позволяло звукам природы занимать центральное место. Песни птиц и тихий шелест листьев сплетались в воздухе в гармоничную симфонию подобно тонким нитям.

Среди этой идиллической картины острый шпиль католической церкви поднимался подобно стреле, разрезая небеса. На его вершине в небо устремлялся крест – символ веры и маяк, видимый издалека.

Солнечный свет играл с витражами, отбрасывая калейдоскопические лучи, которые окрашивали землю в яркие цвета. Эхо каждого шага резонировало, усиливая ощущение величия, и позволяя глубоко оценить красоту, вплетенную в ткань этого тихого убежища.

Внешний вид церкви, выполненной из обветренного камня, со спокойным достоинством нес на себе следы времени. Вход, охраняемый старинными деревянными дверями, укра-



шенными витиеватой резьбой, приветствовал как верующих, так и посетителей. Когда человек входил внутрь, воздух менялся, наполняясь благоговением и спокойствием. Высокий сводчатый потолок парил над головой, витражи украшали стены, каждая панель была шедевром ярких оттенков и замысловатых узоров.

Сидя в священной тишине церкви, Джонни ерзал, переплетя пальцы и задумчиво уставившись на полированный пол. Нарушив священную тишину, он признался: "Я чувствую себя брошенным".

– В моменты одиночества сердце может отзываться эхом пустоты. – Святой отец, почувствовав боль Джонни, обратился к нему с мягким пониманием. – И все же, дитя мое, в этих священных стенах ты на самом деле не одинок. – Пока Джонни продолжал бороться со своими эмоциями, Святой Отец говорил успокаивающим тоном. – Время жизни может быть тяжелым, но в этих стенах ты найдешь убежище. Пусть божественное присутствие утешит твое встревоженное сердце. – В безмятежной атмосфере церкви эхом прозвучали слова Святого Отца. – Сохраняй веру, ибо предстоящий путь может быть трудным. И все же помни, что есть путеводный свет, который неизменно сопровождает тебя даже в самые темные часы.

С каждой произнесенной фразой Джонни чувствовал постепенное облегчение своего бремени. Мудрость Святого Отца стала источником утешения, мягко направляя его

сквозь тени его эмоций. Неуверенный голос Джонни прорезал тишину, выражая чувства, которые пустили корни в его сердце: "Она так сильно изменилась. Такое чувство, что она открыла для себя новый мир со своим парнем, и... Я чувствую, что исчезаю", – признался Джонни, не отрывая взгляда от пола с замысловатым рисунком. "Раньше она была единственной, на кого я всегда мог положиться, но теперь она словно чужая в этой новой жизни", – продолжил Джонни, его слова были нежными, но с оттенком чувства потери. "С тех пор, как она покрасила волосы и сменила стиль, она словно стала кем-то другим", – продолжил Джонни, и в звучании его слов чувствовалась тоска.

Пока Джонни боролся с чувством утраты и меняющейся динамикой, Святой Отец, обратился к нему. Его голос, проникнутый состраданием, резонировал с вечной мудростью.

– Перемены – неизбежная часть жизни, сын мой. Иногда путь, по которому мы идем, принимает неожиданные повороты и дороги могут показаться незнакомыми. И все же в лабиринте перемен таится возможность для возникновения новых связей, – его слова пролились бальзамом на израненный дух Джонни. – Прими приливы и отливы жизни, сын мой, – сказал Святой Отец.

В тихих объятиях церкви беспокойство Джонни проявлялось в неуверенных словах. "Я беспокоюсь о Хлое. Этот Ричард, кажется, имеет на нее слишком большое влияние, понимаете?"

– Сомнения и беспокойство часто сопровождают перемены, – сказал Святой Отец. – Естественно испытывать беспокойство за тех, кто нам дорог. Тем не менее, путь понимания не всегда может быть проложен с немедленной ясностью.

– Я просто не хочу, чтобы он ее контролировал, – вздохнул Джонни. – Но она бы даже не послушала меня, если бы я сказал ей это.

Святой Отец мягко кивнул, как бы признавая серьезность беспокойства Джонни. "В сердечных делах терпение и сострадание – верные спутники", – сказал он, и его слова эхом разнеслись по священному пространству. "Люди меняются под влиянием различных сил. Твое беспокойство – свидетельство твоей заботы о Хлоэ".

Джонни выводил узоры на холодном древнем камне под собой. "Но что, если она этого не видит? Что, если она окажется втянутой во что-то разрушительное?"

В глазах Святого Отца, безмятежных источниках мудрости, отражался мерцающий свет свечей. "Путь к пониманию часто требует времени и самоосмысления. Будь верным другом, направляй ее с добротой, и пусть ветры мудрости донесут твои слова до ее сердца".

Когда Джонни впитывал, он обнаружил проблеск надежды среди своих тревог. С последним вздохом Джонни поднялся со скамьи, эхо его шагов отдавалось в тишине церкви.

# ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

## 1.

Хлоя сидела за туалетным столиком, нанося макияж. Мягкое сияние лампочек обрамляло ее лицо, пока она тщательно растушевывала тени для век. На ней было черное платье, простое, но элегантное, которое она выбрала для неофициальных мероприятий. Ее пальцы грациозно двигались, когда она подводила губы красным оттенком, завершающим штрихом к своему образу.

Когда Ричард вошел в комнату, ее внимание переключилось со своего отражения на его. Он излучал ауру утонченности в своей идеально сшитой одежде, его хлопковая черная рубашка, накрахмаленные брюки и серебряная пряжка на ремне создавали впечатление сдержанного изящества.

Ричард прислонился к дверному косяку, не сводя с нее глаз. "Ты готова?" – спросил он, и в его голосе слышались нотки нетерпения.

Хлоя улыбнулась, теперь ее макияж был закончен. "Всего несколько последних штрихов", – ответила она, взглянув на свое отражение.

Глядя на себя в зеркало, она чувствовала растущее волне-

ние по поводу предстоящего дня. Они собирались посетить скачки, за которыми последует шикарный ужин в престижном ресторане. Предвкушение и перспектива разделить эти моменты с Ричардом придавали ей особый оттенок восторга.

Когда Хлоя осторожно застегивала ожерелье у себя на шее, она чувствовала на себе взгляд Ричарда через зеркало. Его руки плавно двигались, стягивая волосы в низкий конский хвост – небрежная, но симпатичная прическа, которая идеально ему подходила.

– Мой друг устраивает вечеринку, – начал он мягким голосом, – Мы можем отправиться туда сразу после скачек, или ты все еще настроена на ужин?

Отражение Хлои улыбнулось, ее пальцы деликатно застегнули ожерелье.

– Спасибо, но я уже запланировала встретиться с Джонни после ужина. Ты можешь отправиться на вечеринку прямо со скачек; я перекушу по дороге.

Выражение лица Ричарда изменилось, его тон приобрел повелительные нотки, когда он произнес: "Встретишься с Джонни завтра".

Хлоя остановилась, ее отражение в зеркале рисовало ее внутренний конфликт. У нее были планы с Джонни, но настойчивость Ричарда поставила ее перед выбором, которого она не ожидала. С тех пор как она встретила Ричарда, она окунулась в абсолютно новый мир, и иногда его притяжение казалось сильнее, чем та жизнь, которую она знала раньше.

Хлоя обернулась, ее брови нахмурились в замешательстве. "Рич, – начала она, – мы уже договорились. Я не могу каждый раз отменять планы с Джонни, особенно когда мы давно не виделись."

– Он не при смерти, – голос Ричарда стал холодным и непреклонным. – Ты можешь встретиться с ним в другой раз. И не называй меня Рич. – В его словах чувствовалась окончательность, дававшая понять, что для дальнейшего обсуждения нет места.

Хлоя почувствовала растущее волнение, пытаясь отстоять свои планы встретиться с Джонни. Резкая перемена в поведении Ричарда сбила ее с толку. Она изо всех сил пыталась подобрать нужные слова, ее голос дрожал от неуверенности.

– Но... Я просто... Я имею в виду, я не могу все время отменять наши планы. Он мой друг, – сказала она, слова вырывались отрывками, ее глаза искали хоть какое-то понимание в ледяном поведении Ричарда.

Взгляд Ричарда внезапно сменился с холодного на раздраженный. "Знаешь, Хлоя", – сказал он. – Все, что я тебе даю, все, что я делаю для тебя, ты ничего не ценишь. Ты эгоистка и нахлебница."

Хлоя была ошеломлена резкой переменой в поведении Ричарда. Его слова глубоко задели ее, и она почувствовала смесь удивления и обиды.

– Ч-что? Почему ты так злишься? – она запинаясь, ее голос дрожал, когда она пыталась осмыслить резкие обвине-

ния, которые он только что бросил в ее адрес.

Поведение Ричарда резко изменилось, его очаровательный облик сменился угрожающим. Его глаза тревожно заблестели, когда он произнес тихим, твердым тоном: "Не оскорбляй меня, моя дорогая. Не часто я нахожу кого-то вроде тебя, кто стоит моего времени, – его пристальный взгляд окинул ее с головы до ног, его голос стал холоднее, когда он продолжил, – Может быть, ты все-таки не заслуживаешь такого внимания."

Хлоя почувствовала, как ее мир рушится вокруг нее, когда горечь его слов ударила ее, как пощечина. Она едва могла сдержать слезы, которые навернулись ей на глаза, когда она, запинаясь, произнесла тихим, сдавленным голосом: "Прости. Я пойду с тобой". Словно тяжесть всего мира свалилась ей на плечи, и она не могла смириться с мыслью о потере связи, которая была у нее с Ричардом. Это было болезненное решение, но она не хотела рисковать потерять кого-то, кто так много значил для нее.

Ричард остановился спиной к двери, его рука застыла над дверной ручкой, излучая кипящий гнев, который, казалось, поглотил его целиком. После затянувшегося мгновения он развернулся, выражение его лица все еще оставалось мрачным, и поднял руку, приказывая ей замолчать.

– В этом нет необходимости, моя дорогая, – произнес он напряженным, едва сдерживаемым голосом, в то время как его пристальный взгляд буравил ее глаза. – Тебе здесь боль-

ше не рады.

С этими словами он развернулся спиной и исчез из комнаты.

Хлоя почувствовала себя так, словно ей разбили сердце. У нее перехватило дыхание, и она импульсивно бросилась за ним.

– Что с тобой не так? – закричала она, преследуя его.

Он остановился и повернулся к ней. В его глазах мелькнула искра агрессии.

– Ты пользуешься моими деньгами и связями, не предлагая ничего взамен, – его голос повысился, балансируя на грани крика. – Ты просто берешь, даже не желая выказывать благодарность. Ты...

– Неужели ты думаешь, что меня волнуют только деньги? – крикнула в ответ Хлоя, в ее голосе слышались глубокая обида и уязвимость. – У меня есть чувства к тебе! – Слезы навернулись у нее на глаза, несмотря на все ее усилия сдерживать их.

Ричард раздраженно закатил глаза. "А теперь пошли слезы", – пренебрежительно пробормотал он.

Выражение лица Ричарда оставалось суровым, казалось, его не тронуло ее искреннее признание.

– Почему ты такой жестокий? – голос Хлои, когда-то страстный и полный надежды, теперь дрожал от смеси муки и гнева.

Ричард резко повернулся и двинулся к ней. Его глаза впи-



лись в нее прибывая к полу.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – прошипел он, и каждое слово сочилось гневом и разочарованием. – И думаешь, что имеет право судить меня? – Он сократил расстояние между ними, их дыхание почти смешалось, а его глаза потемнели еще больше. На мгновение показалось, что он может сказать что-то еще, но вместо этого он сжал челюсти, развернулся и заявил: – Проблема не во мне. Проблема в тебе. Дверь сама найдешь.

С этими словами он вышел из комнаты, оставив Хлою бороться с необузданными эмоциями, которые теперь поглотили ее. Она была в смятении, размышляла о том, как ее отношения по спирали зашли на эту темную и неопределенную территорию.

Хлоя выбежала из комнаты, ее рыдания эхом разносились по коридору. Она совершенно не могла найти хоть какого-то оправдания для подобной трансформации. Что заставило его так поступить? Он будто бы был другим человеком.

Когда она приблизилась к выходу, Чарли перехватил ее, на его лице отразилось беспокойство.

– Успокойся, Хлоя, – сказал он, мягко пытаясь утешить ее.

– Он... Он... – Хлоя изо всех сил старалась вернуть себе самообладание. – Я не знаю, что произошло. Я не понимаю.

– Я знаю, – ответил Чарли, и его голос был полон понимания. – Тебе нужно успокоиться. Я попрошу Генри отвезти тебя домой.

Хлоя кивнула, все еще сбитая с толку, когда Чарли двинулся, чтобы позвать водителя.

– Мать твою, Чарли! – крикнул Ричард, когда ударил рукой по стене, внезапно появившись прямо у них за спиной.

– Что? – искренне удивился Чарли

– Ты забываешься. Это мой дом, – продолжил Ричард резким тоном. – Я сказал ей уйти. За своей заносчивостью и отсутствием здравого смысла, ты теряешь связь с реальностью. Ты – иждивенец, который живет за мой счет только потому, что я позволяю. Не забывай этого и знай свое место, – выплюнул он.

– Хочешь верь, хочешь нет, но я как раз провожал ее, – Чарли оставался невозмутимым.

– Твоя твердолобость здесь неуместна, – добавил Ричард, прежде чем повернуться и исчезнуть за углом.

Хлоя с тяжелым сердцем смотрела на Чарли полными слез глазами. "Мне жаль, это все из-за меня... Как ты?"

– Что? – Чарли казался искренне озадаченным. – Да все в порядке, не извиняйся.

– Как ты... справляешься с этим?

– С этим? – Чарли кивнул в ту сторону, куда ушел Ричард, и издал смешок. – Он всегда был таким. Это не его вина. Он нездоров, Хлоя, хотя и отрицает это. "Человек настроения", как он это называет. Хотя на самом деле это просто эмоциональная нестабильность, – усмехнулся он. – Не обращай внимания на то, что он говорит тебе в таком состоянии.

Он пытается задеть тебя, не принимай близко к сердцу.

– Но... – Хлоя вздрогнула, но рядом с ней появился водитель, и Чарли мягко потянул ее за запястье. – Давай, быстрее, пока Рич не увидел. Он будет не в восторге.

Она высвободила запястье и отступила назад. "Нет, я не хочу доставлять тебе неприятности".

– Он последний человек, о котором я беспокоюсь, – показал головой Чарли. – Давай, садись, – и повел ее в машину.

Хлоя сидела в машине, ее мысли были поглощены внезапным поворотом событий. Она смотрела в окно, проплывающий мимо пейзаж расплывался в тумане, а ее разум метался от смятения и боли. Воздух в машине был тяжелым от напряжения, что резко контрастировало с комфортными поездками, которыми она наслаждалась с Ричардом в прошлом.

Она не могла понять, что вызвало такую резкую перемену в его поведении. Мужчина, которого она знала, загадочный и обаятельный Ричард, превратился в кого-то неузнаваемого, в кого-то холодного и жестокого.

Когда машина отъехала от особняка Ричарда, Хлоя задумалась о будущем их отношений. Она никогда еще не чувствовала себя такой уязвимой и неуверенной в своем месте в жизни Ричарда. Ее сердце разрывалось от тоски по мужчине, которого, как ей казалось, она знала, и в то же время ее охватывало чувство страха при осознании того, что он, возможно, не тот человек, которого она идеализировала.

## 2.

Ричард, все еще кипя от злости, сидел на крыльце, остатки его гнева догорали, пока он курил сигарету. Его раздражение было почти ощутимым, и он не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть это. Мягкое свечение тлеющих углей отражало напряжение, которое облегало его, как вторая кожа.

Чарли, чье присутствие всегда успокаивало, осторожно приблизился к нему и тихо спросил: "Успокоился, Рич?"

Ричард отмахнулся от него, все еще не в настроении вступить в разговор. Ничуть не смутившись, Чарли небрежно устроился рядом с ним. С непринужденной фамильярностью он протянул руку, чтобы взять сигарету из рук Ричарда. В ответ тот грубым жестом отдернул руку, пробормотав: "Сигарет тебе только не хватало".

Несмотря на напряжение, повисшее в воздухе, Чарли не смог удержаться от теплого, искреннего смеха над ответом Ричарда. Его голос был легким и игривым: "Ты такой заботливый, всегда беспокоишься обо мне". Ричард недовольно буркнул, Чарли повернулся к нему и сказал: "Знаешь, Ричи, ты немного переборщил с Хлоей".

– Переживет, – ответил беспечным тоном Ричард, безразлично пожав плечами.

Чарли, недовольный ответом Ричарда, игриво, но крепко толкнул его в плечо.

– Твое безразличие прямо сейчас выставляет тебя полным придурком.

– Ой, да ладно, Чарли, отвали, – усмехнулся Ричард, изображая раздражение.

Чарли рассмеялся в ответ, и в его глазах появился озорной блеск, когда он парировал: "Ну вот, теперь ты обидел и меня".

Ричард закатил глаза, решив не отвечать, но в уголках его губ заиграл намек на улыбку.

Выражение лица Чарли стало более серьезным, когда он сказал: "Но правда, я привык к твоим срывам, но людей непосвященных это может ранить. Хлою, например".

– Чего ты хочешь от меня, Чарли?

– Я ничего и не прошу. Просто хочу, чтобы ты знал, что могут чувствовать люди.

Ричард, глубоко вздохнув и раздраженно махнув рукой, пробормотал что-то себе под нос. Однако в глубине души он задумался над словами Чарли. По-своему он понимал, какое влияние оказывает его поведение на окружающих, даже если это он не был готов признать это открыто.

Чарли, в глазах которого плескалось озорство, не смог удержаться от шутки: "Знаешь, Рич, бросать бутылки в стену, разбивать тарелки и швырять ножи в стену, скорее жутко, чем сексуально".

Ричарда это позабавило. "Возьму на заметку", – ответил он.

### 3.

Джонни вздохнул, занеся ручку над почти законченным рефератом, когда настойчивый звонок его телефона прервал его тихую сосредоточенность. Непроизвольное закатывание глаз сопровождало его немедленное предположение, что звонила Хлоя.

В этот момент возник парадокс – близость, которую он когда-то лелеял с ней, теперь была окрашена затаенным раздражением. Сам факт ее звонка, когда-то служивший источником радости, теперь вызывал чувство усталости. Было ли это еще одним рассказом о великолепии Ричарда? Джонни устал слушать истории, которые когда-то завораживали. Он поколебался, прежде чем ответить, размышляя над эмоциональными кругами, по которым, казалось, проходил каждый звонок, задаваясь вопросом, будет ли в этот раз по-другому.

Однако, когда он поднял трубку, его ожидание очередного повторения той же беседы сменилось чем-то неожиданным. Истерические рыдания прорвались через трубку, застав Джонни врасплох. Его раздражение мгновенно рассеялось. На его лице отразилось беспокойство, он спросил: "Что случилось?"

Задышавшись, Хлоя изо всех сил пыталась передать внезапное потрясение, ее слова спотыкались друг о друга среди потока слез. "Я... Я не понимаю. Все было хорошо. Мы собира-

лись в одно место, а потом Ричард взбесился”, – запинаясь, пробормотала она, ее слова перемежались всхлипываниями.

Джонни, преисполненный беспокойства, настойчиво спросил: "Что ты имеешь в виду под "взбесился"?"

Хлоя дрожащим голосом ответила: "Он просто начал кричать, говорить жестокие вещи. Я не понимаю". Предложив искреннюю поддержку, Джонни спросил, не хочет ли она, чтобы он пришел, но Хлоя резко настояла: "Нет, я просто хочу побыть одна. Но я не понимаю, что сделала не так".

– Это не твоя вина. Ричард, видимо, неуравновешен, – попытался успокоить ее Джонни.

В комнате стало тяжело от горя Хлои. Ее полный слез голос эхом отозвался: "Я просто не ожидала ничего подобного". Джонни на другом конце провода почувствовал беспомощность в ее словах.

Пытаясь утешить, он мягко предложил: "Давай я все-таки зайду?".

В неожиданной вспышке Хлоя резко закричала: "Нет, просто оставь меня в покое!"

Звонок резко оборвался, внезапность ее ответа застала Джонни врасплох. Он сидел, долго думая над их дружбой и влияния отношений на нее, и на Хлою в частности. С тяжелым вздохом, Джонни положил телефон на стол, сдавшись после кучи неотвеченных сообщений.

## 4.

Когда Хлоя вошла в свою тускло освещенную квартиру, являвшую разительный контраст с роскошной обстановкой, к которой она привыкла с Ричардом, ее охватило всепоглощающее чувство пустоты. Воздух казался холоднее, обстановка более суровой, чем она помнила. Комната была окутана тревожной тишиной, пока Хлоя лежала там, и слезы блестили на ее щеках. Будто тепло и жизнерадостность, которые Ричард привнес в ее жизнь, были унесены прочь, оставив ее в холодном, пустынном месте. Каждая попытка расшифровать недавние события заводила в тупик, и Хлоя чувствовала себя брошенной на произвол судьбы в море смятения и печали. Ее мысли были хаотичным вихрем, терзавшим ее безжалостными вопросами. Действительно ли это был конец ее связи с Ричардом? Почему он в одно мгновение стал таким холодным, таким бессердечным? Что пошло не так в том страстном вихре, который сбил ее с ног?

Слова Чарли эхом отдавались в ее голове, и, несмотря на ее желание отмахнуться от них, они цеплялись за ее память, как шипы. Эмоционально неуравновешенный. Хлоя не могла примирить мужчину, которого она обожала, с человеком, которого она увидела в тот суровый момент.

Ее разум прокручивал эту сцену ее в бесконечном цикле, словно ища ответы в обрывках разговора. Постоянные мыс-



ли и неуверенность подталкивали ее к истерике, еще больше разжигая ее отчаяние.

С каждым повторением мигрень Хлои усиливалась. Груз ее эмоций давил на нее, словно якорь, увлекающий ее в глубины изнеможения. Измученная и эмоционально опустошенная, Хлоя в конце концов заснула.

В своем сне она оказалась в большом бальном зале, обстановка которого напоминала одно из гламурных мероприятий, на которые Ричард водил ее. Зал был украшен сверкающими люстрами, и шикарно одетые пары грациозно танцевали под чарующую музыку. Хлоя была одета в свое лучшее платье, ярко-красное, которое Ричард однажды похвалил.

Среди кружащихся танцоров она заметила Ричарда, чье лицо было воплощением очарования, протягивающего руку для танца. Она взяла его за руку и закружилась в вальсе. Мир вокруг них, казалось, расплылся, и на мгновение они потерялись в ритме музыки и присутствии друг друга.

Но по мере того, как сон разворачивался, он принимал все более мрачный оборот. Музыка становилась нестройной, и большой бальный зал начал рушиться. Сверкающие люстры разлетелись вдребезги, разбрасывая осколки света во все стороны. Красиво одетые танцоры превратились в гротескные, изуродованные фигуры, каждая из которых представляла разрозненные фрагменты ее воспоминаний о Ричарде.

Хлоя почувствовала, как ее вырывают из объятий Ричарда, и бальный зал полностью распался, оставив ее в кромеш-

ной тьме. Звонкий смех, теплые взгляды и моменты, проведенные вместе с Ричардом, теперь казались ей далекими воспоминаниями, до которых она не могла дотянуться.

Звонок телефона посреди ее беспокойного сна заставил Хлою проснуться, а ее сердце учащенно забиться. На экране высветился незнакомый номер. Заговорил незнакомый голос, обратившийся к ней как к "мисс Хлое" и сообщивший, что у входа ждет машина.

В ней поднялась волна гнева. Ричард заставил ее пережить такую эмоциональную трепку, а теперь присылает машину, как будто ничего не случилось? Ее голос дрожал от негодования, когда она ответила: "Скажите Ричарду, чтобы он шел к черту", – прежде чем резко прервать разговор.

Сев в постели, ее голова все еще раскалывалась от последствий недавних слез и мигрени, она уставилась на свой телефон. Серия пропущенных сообщений от Джонни, на которые Хлоя не могла найти в себе сил ответить. Ее дух был опустошен, как будто из нее выплеснули все эмоции.

В тишине своей комнаты она сидела, уставившись в никуда. Пустота внутри нее казалась такой огромной и всепоглощающей, что казалось, она больше не способна вообще что-либо чувствовать.

После часа разглядывания потолка Хлоя наконец собрала волю в кулак и встала. В комнате стало душно, и ей показалось, что стены давят на нее. Ей нужно было подышать свежим воздухом. Она решила открыть окно, надеясь облегчить

чувство удушья.

Подойдя к окну, она выглянула наружу и увидела знакомое зрелище. Там была припаркована одна из элегантных черных машин из коллекции Ричарда. Неужели водитель все это время стоял рядом и ждал? Волна смущения захлестнула ее, когда она осознала, что невольно причинила неудобство кому-то, кто был совершенно невиновен в этой ситуации.

Глубоко вздохнув, Хлоя приняла решение. Быстро приведя себя в порядок, она вышла, готовая к любому по тяжести разговору.

Как только машина въехала на территорию виллы, она увидела его, сидящем на крыльце и неторопливо курящим сигарету. На его лице не было и следа недавнего гнева, который охватил его, как будто этой бурной сцены никогда и не было. Когда он поднял глаза на Хлою, его лицо окрасила натянутая улыбка.

– Ты пришла. Спасибо, – сказал он с ноткой искренности в голосе.

Хлоя почувствовала, как ее захлестывает вихрь эмоций – обида, замешательство, затаенный гнев, но в то же время неоспоримая привязанность и нежность. Она не могла заставить себя прямо встретиться с ним взглядом.

– Да, твой водитель не уезжал. Я не хотела тратить время невиновных людей, – ответила она с оттенком неуверенности в голосе.

Ричард задумчиво кивнул и еще раз затянулся сигаретой.

"Я понимаю", – ответил он. Он выдохнул струю дыма и продолжил: "И все же спасибо, что пришла. Прости за то, что случилось. Правда. Но мы все еще можем успеть на ужин."

– Ужин? Серьезно? – Хлоя нервно рассмеялась.

Ричард помолчал, а затем глубоко вздохнул. "Пожалуйста, поверь мне, я не хотел причинить тебе боль. Просто... у меня сейчас так много всего в голове..."

В этот момент Хлою захлестнула волна сочувствия и печали. Она всегда уважала стоическую внешность Ричарда, но эта неожиданная уязвимость обнажила ту его сторону, которая редко выходила на свет божий. Он никогда раньше не делился с ней своими чувствами, оставляя ее в неведении относительно того, что его мучило.

Она жаждала быть рядом с ним, показать ему, что она искренне заботится о нем и что он может ей довериться. Это желание преодолеть эмоциональную пропасть между ними становилось все сильнее, заставляя ее стремиться предложить свою поддержку и открытое сердце всему, чем ему нужно было поделиться.

– Ты говорила с Чарли, да? – в голосе Ричарда слышалось сожаление. – У меня бывают эти... срывы. Не принимай на свой счет, что бы я ни говорил. И забудь все, что я тебе тогда сказал.

Хлоя прикусила нижнюю губу, смесь эмоций захлестнула ее. Раскаяние, прозвучавшее в его словах, пронзило ее затаенную обиду. Вздохнув, она придвинулась к нему ближе.

– Я просто не ожидала... такого.

В ответ он потянулся к ее руке, его прикосновение было нежным.

– Да, я знаю. Мне очень жаль.

Хлоя сжала его руку, находя утешение в тепле их связи. В этот момент она почувствовала, что их любовь осталась нерушимой, и почувствовала, как ее захлестнула волна облегчения.

Когда нежный поцелуй украсил ее руку, Хлоя почувствовала прилив уверенности.

– Мне жаль, что тебе пришлось отменить свои планы. Но я готов загладить свою вину.

Час спустя Хлоя ступила на арендованную яхту, пришвартованную в бухте, украшенной сверкающими гирляндами. Мягкое сияние огней отражалось в спокойной воде, придавая вечеру чарующую атмосферу. Грандиозные жесты Ричарда и неоспоримая щедрость не давали ей и шанса устоять.

На протяжении всего вечера он оставался воплощением обаяния и галантности, от его поведения исходила теплая нежность, когда он пытался преодолеть разрыв, образовавшийся в результате предыдущих событий дня. Вечерело, и яхта плавно плыла по спокойным водам. Хлоя и Ричард были погружены в романтическую атмосферу ужина. Шум волн, бьющихся о корпус, легкий бриз и мягкое освещение создавали интимную обстановку.

Они делились историями и смеялись, вспоминая некоторые из своих лучших воспоминаний. Хлоя начала чувствовать, что они находятся в своем собственном мире, вдали от забот и конфликтов, которые беспокоили их раньше.

В какой-то момент, когда над головой замигали звезды, Ричард взял ее за руку, пристально глядя ей в глаза.

– Хлоя, ты правда дорога мне. Я надеюсь, ты сможешь простить мои мрачные моменты, – сказал он, и в его голосе звучала глубокая искренность. Хлоя чувствовала, как связь между ними становится все крепче, и поняла, что в любви есть свои сложности, но за нее стоит бороться.

# ГЛАВА ПЯТАЯ.

## 1.

Джонни приподнял бровь, недоверчиво уставившись на Хлою. Он спросил: "Зачем ты прощаешь этого неуравновешенного мудака? Что, если он ударит тебя в следующий раз?"

Хлоя покачала головой, выражение ее лица было решительным. "У Ричарда просто был срыв, и он искренне сожалеет", – объяснила она. Отметая опасения Джонни, она добавила: "И это бред. Ричард никогда бы не тронул меня".

– Ты не можешь продолжать искать ему оправдания. Что, если станет хуже? – В словах Джонни чувствовалась неподдельная тревога.

– Ты не понимаешь, Джонни, – вздохнула Хлоя. – Ричарду просто нелегко, и я верю, что он может измениться. Ему просто нужна поддержка.

Он наклонился вперед с мрачным выражением на лице. "Ты идеализируешь Ричарда. Такие люди, как он, не меняются за одну ночь. Я просто не хочу видеть, как тебе причиняют боль."

Хлоя опустила глаза, нервно постукивая пальцами по столу. "Я ценю твою заботу, но ты не видишь его так, как я. Он через многое прошел, и я хочу ему помочь".

Джонни вздохнул, в его голосе слышалось разочарование. "Я понимаю. Но ты не можешь исправить того, кто не хочет, чтобы его исправляли. И ты не должна жертвовать своим благополучием ради чужих проблем".

Хлоя кивнула, признавая озабоченность Джонни, но продолжая верить в перемену Ричарда. Он ведь не знает того, чем делился Ричард. Всего того, что происходило в его жизни. Ее раздражало такое суждение по поверхности, но она оставила свои комментарии при себе.

## 2.

Когда они сидели в городском парке, Чарли размышлял: "Знаешь, если бы я был знаменит, я бы, наверное, делал какие-то дурацкие и абсурдные вещи, просто по приколу. Например, устроил бы вечеринку с пиццей для пингвинов в Антарктиде или организовал охоту за сокровищами для фанатов с подсказками в разных странах. По новостям бы показывали".

Джонни от души рассмеялся при этой мысли, его взгляд был прикован к случайно пролетевшей мимо бабочке, чьи нежные крылышки грациозно несли ее по воздуху. Простота



момента, казалось, очаровала его.

Чарли, заинтригованный пристальным вниманием Джонни, спросил: "Что происходит в твоём блестящем мозгу, друг мой? О чем задумался?"

– Я просто подумал об абсурдности этого мира. Зачем вообще все это? – произнес Джонни, все еще сосредоточенный на бабочке.

– А, размышляешь о смысле жизни, понятно, – усмехнулся Чарли, как будто пытаясь преуменьшить серьезность этой мысли. – Но ты же не собираешься сейчас впадать в экзистенциальный кризис, да?

– Нет, не в мрачном смысле, – поспешил прояснить Джонни. – Просто как факт. Иногда все это так... ну, сюрреалистично.

– Я понимаю, о чем ты, – кивнул Чарли. – Но знаешь, если ничто не имеет смысла, значит, ты можешь делать все, что угодно. Это даже хорошо.

Взгляд Джонни переместился с бабочки на Чарли, и он не смог удержаться от улыбки. "У тебя всегда интересный взгляд на вещи. Возможно, принятие абсурда – ключ к тому, чтобы извлечь максимальную пользу из этого сумасшедшего мира". Потом он внезапно спросил: "Чарли, во что ты веришь?"

– Во что я верю? – Чарли, застигнутый врасплох неожиданным вопросом, приподнял бровь. – В Бога, Лох-Несское чудовище или в то, что я могу жонглировать горящими фа-

келами, катаясь на одноколесном велосипеде?

– Не обязательно что-то из этого, – хмыкнул Джонни. – Я имею в виду, ты веришь в судьбу, предназначение, что-нибудь в этом роде?

Чарли обдумал вопрос, затем криво усмехнулся. “Ах, ты погружаешься в глубокие тайны жизни, хм? Ну, если бы я верил в Бога, меня бы постоянно пугала перспектива гореть в аду, так что давай вычеркнем его из списка, хорошо?”

– Да я о чем угодно, – пояснил Джонни.

Чарли покачал головой, в его глазах отразился определенный прагматизм. “Я больше из тех, кто следует принципу “сам создай свою удачу”. Я верю, что мы сами формируем свой путь в этом мире”.

Когда они продолжили свой путь по парку, Чарли поделился своими мыслями.

– Знаешь, отсутствие веры – это нелегкий путь, но иногда ты просто не можешь заставить себя поверить. Ты должен искать надежду и поддержку внутри себя.

Джонни потребовалось мгновение, чтобы осмыслить слова Чарли, оценив заключенную в них мудрость. Затем Чарли повернулся к Джонни и спросил: “А как насчет тебя? Во что ты веришь?”

Выражение лица Джонни стало расслабленным, когда он ответил: “Я католик”.

Чарли кивнул. “Что ж, это сильная вера, за которую стоит держаться, да? Она может стать чем-то, за что можно ухва-

титься в этом сложном мире.” Он помолчал. “Но ты никогда не чувствовал себя ограниченным требованиями, которые выдвигает религия?”

Джонни на мгновение замолчал, обдумывая вопрос. Затем с искренней улыбкой ответил: “Нет. Я рассматриваю эти требования как оберегающее руководство. Это дает ощущение, что я никогда не бываю одинок, и это утешает”.

– Если ты правда так думаешь, то ты действительно счастливый человек. Это прекрасный способ смотреть на мир.

– Моя семья всегда была верующей, – поделился Джонни. – Я вырос в такой атмосфере, но у нас никогда не было никакого фанатизма. Родители взращивали во мне веру с любовью и пониманием.

Чарли внимательно слушал, а затем как бы невзначай поинтересовался: “Какие у тебя сейчас отношения с семьей?”

Джонни ответил с теплой улыбкой: “Очень теплые. Родители всегда меня поддерживают”.

Чарли с непроницаемым выражением лица задумчиво кивнул и засунул руки в карманы. Холодный ветер обдал их лица, и Джонни невольно поежился.

Заметив дискомфорт Джонни, Чарли предложил: “Как насчет того, чтобы зайти в кафе? Становится прохладно”.

Джонни оценил предложение и кивнул в знак согласия. Вместе они покинули парк, оставив позади пронизывающий ветер.

Когда они вошли в кафе, Джонни не мог отделаться от

ощущения теплоты, которое он испытал от тактичного предложения Чарли. Грела не только уютная атмосфера кафе, но и его присутствие. Они знали друг друга совсем недолго, но в искренней, заботливой натуре Чарли было что-то такое, что находило отклик у Джонни. Ему хотелось узнать его получше.

В полупустом заведении Чарли и Джонни продолжали оживленную беседу, углубляясь в абстрактные темы и исследуя глубины своих мыслей. Ритмичный стук дождевых капель по оконному стеклу создавал успокаивающий фон, погружая их в свой собственный мир.

Чарли расспрашивал о случайных подробностях жизни Джонни, задавая вопросы, которые побуждали его рассказать больше о себе. Джонни охотно подчинялся, но, когда разговор заходил о собственной истории Чарли, он часто отклонялся с игривым смехом, избегая этой темы.

Пока они потягивали свои теплые напитки и беседовали, им казалось, что они находятся на отдельном острове, изолированном от внешнего мира. Дождь за окном рисовал картину безмятежности, и в комфортных стенах кафе Чарли и Джонни провели чудесный вечер, рассуждая обо всем подряд и узнавая друг друга.

### 3.

Хлоя развалилась на диване, наблюдая за вечно занимательным общением Чарли и Ричарда.

– Это бессмысленно, – заявил Ричард со свойственной ему напористостью.

– Не все в этом мире должно иметь смысл, Ричи. – покачал головой Чарли. – Это просто весело.

– Весело заниматься всевозможными духовными практиками? Это самообман, – возразил Ричард.

Чарли закатил глаза от скептицизма Ричарда. "Хлоя, скажи ему. Это типа... опыт", – попросил он.

– Ну, в каком-то смысле, – хихикнула Хлоя. – Главное – не переборщить и не начать в это верить.

– И не начать носить деньги гадалкам, – согласился Ричард.

– Главное – обогатиться духовно, – поднял палец вверх Чарли, после чего продолжил легким тоном: – Знаешь, Рич, однажды я отведу тебя в духовный ретрит, и ты будешь медитировать с лучшими из монахов.

– О, я ясно вижу это: я в мантии, сижу, скрестив ноги, пою "ом" и "духовно обогащаюсь", – усмехнулся Ричард.

– А ты, Чарли, на бизнес-семинаре, говоришь об акциях и недвижимости, – вмешалась Хлоя.

Чарли драматично приподнял бровь. "Я мог бы произне-

сти мотивационную речь о том, как открыть в себе своего внутреннего миллионера".

– Эй, Хлоя, – Чарли резко сменил тему, – ты когда-нибудь испытывала удачу в покере?

– В покере? – Хлоя ответила с удивлением. – Ты имеешь в виду карты?

– О, ты слышала о нем? Впечатляет, – игриво подметил Чарли.

Хлоя приподняла бровь: "Конечно, я знаю, что такое покер. Я просто никогда не играла".

– Ты хочешь поиграть в покер? – вмешался Ричард.

Хлоя сначала подумала, что вопрос адресован ей, но быстро стало очевидно, что пристальный взгляд Ричарда прикован к его другу. Реакция Чарли была характерно беспечной, он неопределенно пожал плечами. "Почему нет? У тебя ведь должен где-то валяться набор, да? Ну, знаешь, на всякий случай."

– Какой набор? – Ричард, казалось, на мгновение растерялся. – В покер втроем не играют. Я думал, ты хочешь поехать в казино.

– Ну, вообще-то играют... вроде как... В любом случае, Ричи, ты не против поиграть?

Ричард небрежно пожал плечами: "Если ты хочешь".

Наблюдая за Ричардом и Чарли, Хлоя поражалась контрасту в поведении Ричарда. Его обычный холодный и сдержанный характер, казалось, таял, когда он находился в ком-

пании Чарли. Их объединял уникальный дух многолетней дружбы, и казалось, что у них был свой собственный мир, который был недоступен посторонним.

В то время как Хлоя ценила теплоту их отношений, в глубине души она почувствовала укол зависти. Она жаждала такой же крепкой связи с Ричардом, связи, которая выходила бы за рамки как обыденности, так и эксклюзивности.

– Мисс? – Чарли повернулся к ней. – Что скажешь?

Хлоя улыбнулась. "Будет весело", – с энтузиазмом сказала она.

Ричард хмыкнул и встал. "Хорошо. Тогда собирайтесь".

Когда Хлоя, Ричард и Чарли приготовились к вечеру, их троица излучала энергию элегантности. Хлоя была одета в темно-синее платье, которое мерцало даже при тусклом свете. Ее любимое ожерелье украшало ее шею, сверкая, как драгоценный камень. Ричард излучал утонченность в своем черном костюме, его волосы были зачесаны назад, сдержанно и аристократично. Чарли, напротив, придерживался более расслабленного и повседневного стиля, надев белую рубашку с расстегнутыми верхними пуговицами и ничем не примечательные прямые брюки.

Прежде чем они вошли в казино, Ричард улучил минутку, чтобы объяснить Хлое правила покера и двадцати одного, убедившись, что она имеет некоторое представление об играх, в которые они собирались играть. Чарли, с его непринужденным поведением, подбадривал Хлою, придавая лег-

кость процессу обучения и стараясь успокоить ее. Однако суровый взгляд Ричарда заставил Чарли замолчать.

Для Хлои войти в казино было все равно что попасть в другой мир. Сверкающие огни, звук вращающихся колес рулетки и приглушенные разговоры придавали ощущения интриги и возможностей.

Вход в казино встречал посетителей двойными дверями, которые, казалось, охраняли альтернативное царство. Как только они пересекли его, он ввел их в мир, наполненный экстравагантным декором.

Атмосфера в этих стенах была настоящей симфонией изобилия. Стены, украшенные витиеватыми золотыми мотивами, свидетельствовали о богатых исторических гобеленах. Тончайшие занавески королевских оттенков темно-малинового и обсидианово-черного ниспадали мерцающими складками, оказавшись в объятиях высоких коринфских колонн.

Небесный каскад хрустальных люстр свисал с потолка, они излучали чарующее свечение, даря атмосферу опьяняющего тепла, от которого тают мирские заботы.

Специальные покер-румы шепотом декларировали о высоких ставках, их столы, покрытые зеленым войлоком, были такими же таинственными, как и истории, выгравированные на них. Пьянящий звон фишек и приглушенные дебаты открывали мир, в котором переплетались судьбы и повествования.

Колеса рулетки, гигантские шары судьбы, грациозно вра-



щались, и каждый оборот запечатлевал предвкушение на лицах обнадеженных игроков. Судьбоносный стук, когда шарик из слоновой кости заплясал по пронумерованным лузам, служил обещанием счастливой случайности.

В этом дворце неутолимости сцена была алтарем для живых выступлений, пространством, наполненным музыкой, юмором и актерским мастерством. Внутри этих стен время оставалось эфемерным понятием, его течение было скрыто из-за отсутствия видимых часов или окон.

Среди бурлящей энергии игрового зала, где восторженные крики и звон бокалов создавали запоминающийся звуковой ландшафт, гости наслаждались электрической энергией возможностей. Фишки для ставок разных оттенков добавляли яркости столешницам, каждая представляла собой еще один стих в бесконечной поэме случая.

Тревога Хлои все еще не покидала ее, нависая над ней подобно тени, когда они углубились в залы казино. Она испытывала неуверенность насчет своих игровых способностей. Однако Ричард, уверенно идущий с ней под руку вселял в нее надежду, маленький огонек веры в себя в ее сердце.

Когда они подошли к столу, Ричард спросил: "Что предпочтешь, моя дорогая?" Его голос был заботливым, пронизанным искренней заботой о ее комфорте.

Глаза Хлои, наполненные смесью любопытства и неуверенности, металась между двумя мужчинами. "Покер?" – отважилась она, и в ее голосе слышались вопросительные

нотки. В ответ Ричард одобрительно кивнул, и в этом кивке было едва уловимое поощрение.

Глаза Чарли, похожие на звезды, мерцающие в ночном небе, сияли довольством. Перспектива игры взволновала его, и он не мог скрыть своего восторга. Хлоя втянулась в полет энтузиазма, согреваясь их общим волнением.

Поцелуй Ричарда придал ей последнее утешение, ласковый жест, который успокоил ее нервы. Они подошли к столу, где уже шла игра, умелые руки крупье ловко раздавали фишки и карты. Взгляд Хлои был прикован к срежиссированному балету игры – к тому, как Чарли играл с горячей дерзостью, его готовность рисковать была заметна в каждом его движении. Рядом с ним сидел Ричард с видом хладнокровного расчетчика, как шахматный гроссмейстер, обдумывающий каждый ход. Он подходил к игре с клинической точностью и каждое его решение взвешивалось. Ставки росли и падали, это было безжалостное перетягивание каната между умом и стратегией.

Игра разворачивалась с каждой последующей раздачей, карты раскрывались сами собой, как страницы захватывающего романа. Хлоя зачарованно наблюдала, как они подшучивали, блефовали и рассчитывали с равной долей остроумия и смелости. Приливы и отливы игры были захватывающим танцем, в котором удача менялась с каждой перевернутой картой.

– Ты почувствовала ритм? – спросил Ричард, и в его гла-

зах блеснуло ожидание.

Хлоя задумалась. "Думаю, да", – ответила она, и в ее голосе прозвучала вновь обретенная уверенность.

– Тогда, пожалуйста, – подбодрил он, указывая на стол. Этим простым жестом он выразил доверие к ее способностям, молчаливое признание ее потенциала.

Чарли вмешался в разговор, дав свой бесценный совет. "Главное – не дать им понять, о чем ты думаешь".

В первых раундах движения Хлои за столом были отмечены неуверенностью и легкой неловкостью. Игра разворачивалась подобно сложному танцу, каждое движение требовало тщательного обдумывания. Однако по мере того, как проходила ночь, ее мастерство росло. Постоянная поддержка и руководство со стороны Чарли и Ричарда укрепили ее уверенность в себе. С каждой сыгранной партией она начала находить свой ритм.

Когда Хлоя оказалась впереди, ее выигрыш перевесил проигрыши, она приняла благоразумное решение выйти из-за стола. Она хорошо знала о привлекательности азартных игр и опьяняющих ощущениях, которые могли привести к безрассудному поведению. Не давая себе поддаться разрушительному возбуждению, она проявила похвальное самообладание.

– Приятно, что ты знаешь свои пределы, – сказал Ричард, его губы изогнулись в теплой улыбке, прежде чем запечатлеть легкий поцелуй на ее щеке.

– А как насчет рулетки? Как в нее играть? – спросила она с неподдельным любопытством. Ричард, однако, решительно покачал головой, демонстрируя свое неодобрение.

– Плохая идея. Если хочешь, можем попробовать двадцать одно.

Среди сверкающего хаоса казино они заметили Чарли, направлявшегося к ним с бокалом шампанского в руке. Однако по пути его перехватил хорошо одетый мужчина, который, сияя, протянул руку для вежливого пожатия, обратившись к нему как Чарльзу. Чарли выдавил из себя натянутую улыбку и ответил на рукопожатие, но по его лицу было заметно, что он не совсем понимает, кто этот человек.

Ричард не смог подавить тихий смешок и повернулся к Хлое, обмениваясь взглядами.

– Он что, местная знаменитость? – с любопытством спросила Хлоя.

Ричард загадочно ответил: "В определенных кругах".

Наконец, через несколько мгновений Чарли подошел к их группе, выражение его лица все еще было слегка озадаченным. Ричард приподнял бровь, поддразнивая: "Твой друг?"

На это Чарли поморщился: "Да пошел ты", заставив их всех разразиться смехом.

Чарли, лукаво кивнув в сторону, предложил попытать счастья в рулетке.

Ричард, однако, поспешил отвергнуть эту идею резким и категоричным ответом: "Нет. Ты ужасен в рулетке."

Чарли, ничуть не смутившись, небрежно пригубил свое шампанское, излучая уверенность.

– Ну же, – настаивал он с игривым блеском в глазах, – не ставь меня в неловкое положение перед прекрасной леди. Я значительно улучшил свою тактику с прошлого раза.

– Какую тактику? – искренне рассмеялся Ричард. – Твоя единственная тактика на данный момент – проигрывать.

Не обращая внимания на поддразнивания Ричарда, Чарли продолжил, приняв более умоляющий тон: "Не будь таким занудой, Ричи. Я надеру всем задницы, вот увидишь".

Ричард, возможно, измотанный неустанным энтузиазмом своего друга, устало выдохнул и на мгновение закрыл глаза. После короткой паузы он, наконец, сдался, кивнув в сторону стола с рулеткой. "Умри, но сделай, Чарли".

Глаза Чарли засветились искренностью, и он нетерпеливо направился к столу с рулеткой, полностью принимая вызов. "Я всегда говорил, что ты лучший".

Однако игра Чарли в рулетку была недолгой, и всего через 20 минут или около того он вернулся к Ричарду и Хлое, явно расстроенный. Он воскликнул: "Гребаное казино, черт возьми!", подчеркнув свою досаду ударом руки по столу.

Ричард закатил глаза, как бы говоря «разочарован, но не удивлен». Он глубоко вздохнул, пытаясь сохранить свойственное ему спокойное поведение, и ответил: "Ну твою-то мать, Чарли".

Чарли продолжал несколько обороняться, его характер

все еще кипел. "Ну что, что?" – возразил он. "Ты хочешь, чтобы я сказал, что ты был прав? Ладно, ты был прав. Что теперь-то сделаешь?"

Еще раз вздохнув, Ричард отмахнулся от напряжения, сказав: "Ладно, не важно. Куда теперь? Блэкджек?"

Хлою умилило, что он был готов перейти к следующей игре, показав, что ценит гармонию между ними больше, чем какие-либо мелкие споры по поводу игр казино.

Вечер прошел гладко, наполненный смехом и волнением. Хлоя наслаждалась новым опытом, изучая все тонкости различных игр казино. Тем временем Чарли и Ричард продолжали наслаждаться дружеским подшучиванием, заигрывая как с победой, так и с поражением в своих играх.

Казино стало фоном для их совместных моментов, создавая воспоминания, которые укрепляли их уникальную связь. Первоначальные сомнения Хлои в своих способностях превратились в уверенность, когда она отважилась окунуться в этот мир случайностей и стратегии.

#### 4.

Чарли сидел на выцветшей скамейке, болтая ногами и осматриваясь по сторонам, и, заметив приближающегося Джонни, помахал ему рукой с дружелюбной улыбкой. Джонни ответил на приветствие и подошел, чтобы присоединить-

ся к нему.

Чарли, с огоньком в глазах, кивнул в сторону: "Эй, как насчет того, чтобы зайти ко мне домой?"

– Ну, Хлоя упоминала, что ты почти живешь с Ричардом, – полушутя ответил Джонни.

– Ах, Хлоя, хранительница секретов, – Чарли на мгновение нахмурился.

Джонни заметил хорошо скрытого раздражения в поведении Чарли. Он осторожно сказал: "Да, пошли. Мне правда интересно посмотреть на твою квартиру".

Чарли, оценив интерес Джонни, улыбнулся и объяснил: "Я и правда часто остаюсь у Ричи. Так гораздо удобнее. У него есть слуги, уборщицы, даже повар." Он усмехнулся и добавил: "Я не бездомный, если тебе интересно".

В такси, направляясь к дому Чарли, он, по-видимому, задетый замечанием Джонни, дистанцировался. Он подпевал песням, звучащим по радио, дружелюбно болтал с водителем, но демонстративно исключал Джонни из разговора.

На заднем сиденье Джонни почувствовал укол вины, осознав, что его комментарий, вероятно, задел Чарли сильнее, чем он намеревался. Он наблюдал за проплывающим мимо пейзажем, не зная, чего ожидать в пункте назначения. Мысли вихрем проносились в его голове. Окажутся ли они в совершенно непригодном для жизни месте, резко контрастирующем с роскошным миром Ричарда? Или, возможно, они направлялись в более скромный, но все еще экстравагант-

ный дом, который удивил бы Джонни своим особым характером. Смесь любопытства и дурных предчувствий держала его в напряжении на протяжении всего пути.

Когда они, наконец, прибыли, Джонни удивился не меньше. Дом, к которому они подъехали, был, одним словом, обычным. Он располагался чуть дальше от центра города, на ничем не примечательной улице.

– Итак, я полностью разрушил твои ожидания, м, Джонни? – спросил Чарли с ноткой скептицизма.

– Вообще нет, – без колебаний ответил Джонни. Он оценил аутентичность этого места и разительный контраст, который оно представляло с миром, который он ожидал увидеть. Возможно, в чем-то дом и был обычным, но для Джонни это было как глоток свежего воздуха.

Когда они вошли в квартиру, она излучала приятный сердцу уют. Она состояла из спальни, небольшой гостиной, ухоженной ванной комнаты и кухни, оборудованной всем необходимым для самостоятельной жизни. Это было компактное помещение, содержащее все необходимое для ведения уединенной жизни.

Однако было столь же очевидно, что хозяин посещал квартиру не очень часто. Она, казалось, обладала сущностью Чарли, с различными эклектичными и случайными предметами, разбросанными повсюду, но в ней отсутствовали признаки повседневной жизни. Будто он жил здесь, но каким-то образом почти никогда не присутствовал. Эта двойствен-



ность заинтриговала Джонни, когда он огляделся вокруг, отмечая уникальный характер квартиры.

– Чувствуй себя как дома, – учтиво сказал Чарли, направляясь на кухню.

Когда он занялся приготовлением чая, из кухни раздался вопрос: "Черный или зеленый?"

Джонни уже собирался ответить "зеленый", когда Чарли со смешком добавил: "Оу, выяснилось, у меня есть только зеленый".

Джонни усмехнулся в ответ, с каждым мгновением чувствуя себя все более непринужденно. Чарли вернулся в гостиную и поудобнее устроился с ногами на стуле. Он протянул Джонни стакан зеленого чая, и Джонни почувствовал, как в нем поселилось чувство комфорта.

В разгар их философской беседы взгляд Джонни внезапно остановился на Чарли, в его глазах появилось отстраненное выражение, пока его мысли блуждали.

– Я смотрю, ты правда периодически так залипаешь, – заметил Чарли. Комментарий вывел Джонни из задумчивости, и он разразился смехом. Затем Чарли небрежно снял кольцо и покатал его по столу. Его пристальный взгляд по-прежнему был прикован к глазам Джонни, и он спросил: Итак, что происходит в этом твоём бескрайнем сознании? О чем ты думаешь?

Под пронзительным и пытливым взглядом Чарли Джонни почувствовал необходимость быть честным и открылся, ска-

зав все как есть: "Я подумал о том, чем ты занимаешься. В смысле, в жизни, в целом".

Когда эти слова слетели с губ Джонни, воздух в комнате, казалось, стал немного тяжелее.

– У меня есть бизнес, – ответил Чарли, небрежно пожав плечами. – Мы с Ричи начали его, когда были мелкие, но он забросил это дело, так что все досталось мне.

– Что за бизнес?

– Маркетинговая компания, – ответил Чарли без особого энтузиазма. По его тону было видно, что это скорее рутинная работа, чем увлечение. Он продолжил: "Она приносит доход, но большую часть своего времени я провожу у Ричи. Честно говоря, меня это не очень интересует. Я почти ничего не делаю; на меня работает куча людей. Маркетинг – это скучно, и я в основном занимаюсь какими-то формальностями и собираю прибыль". После недолгого молчания, Чарли добавил: "Ну, я иногда появляюсь там для приличия и поддержания некоторого подобия командного духа. А то из нас Ричи – тот, кто постоянно конфликтует с деловыми партнерами. Должен же быть хороший полицейский". Он усмехнулся при этой мысли.

Джонни, искренне сбитый с толку, задал вопрос, который давно был у него на уме: "Но почему ты вообще общаешься с Ричардом? Он выглядит как высокомерный, упрямый придурок, который не уважает ни одно мнение, кроме его собственного."

– Деньги. Все дело в деньгах, Джонни, – с улыбкой сказал Чарли. – Я терплю его только ради виллы с бассейном. – Но затем улыбка Чарли немного померкла, и он перешел на более искренний тон. – Нет, если серьезно, я вырос с Ричи. Он для меня как член семьи. И, если честно, я его обожаю.

– Знаешь, Чарли, вы с Ричардом – полные противоположности, – удивленный таким ответом, заметил Джонни.

– Забавно, что ты это говоришь, – усмехнулся Чарли. – Мне показалось, что это ты – Анти-Ричард. – Он сменил позу на более удобную. – Я знаю, что он тебе не нравится, но он по-своему душка. Я имею в виду, что, если ты ему дорог, он сделает для тебя что угодно. Он щедр, точно знает, чего хочет, и обладает собственным уникальным, харизматичным стилем. Он может быть настоящей занозой в заднице, слишком умничает, но он действительно много чего знает.

Джонни не мог не думать о той интересной и теплой привязанности, которую Чарли питал к Ричарду. Было очевидно, что их отношения занимали особое место в сердце Чарли, и осознание этого вызвало искреннюю улыбку на лице Джонни. Хотя он не разделял столь лестного мнения о Ричарде, наблюдение за такой яркой и прочной связью между двумя друзьями тронуло его сердце. Вечер застал их обоих сидящими на подоконнике в квартире Чарли, очарованными видом заката. Солнце опустилось за горизонт, окрасив городской пейзаж теплым золотистым оттенком, хотя и частично скрытым соседними зданиями.

Небрежно свесив одну ногу наружу, Чарли смотрел на город с безмятежным и задумчивым выражением лица. Угасающий свет окрашивал его черты спокойным сиянием, и его разум, казалось, был поглощен глубокими мыслями, навязанными приближающимися сумерками. По другую сторону подоконника, чуть дальше от края, сидел Джонни, наблюдая за происходящим и за погруженным в себя Чарли.

Внезапно Чарли заговорил голосом, казавшимся почти пустым. В его глазах, которые обычно искрились жизнью, теперь только отражались только лучи заходящего солнца. "Джонни, – сказал он, не сводя взгляда с ослепительного оранжевого солнца, опускающегося за горизонт, – ты счастливый человек. У тебя есть вера, целеустремленность, желания и страсть".

Казалось, будто он размышлял о чем-то, чего страстно желал, но не мог до конца постичь. В его голосе слышалась тоска.

Джонни выгнул бровь со смесью любопытства и замешательства. "Если ты не веришь во что-то внешнее, – начал он, – тогда ты должен найти веру внутри себя".

Слабая, печальная улыбка тронула уголки губ Чарли, когда он ответил: "Именно".

Джонни пристально посмотрел на Чарли, пытаясь проникнуть за завесу его мыслей. Чарли, однако, оставался непоколебим, его взгляд, отстраненный и задумчивый, был прикован к одинокой точке на далеком горизонте. Словно он

искал ответы на бескрайних просторах заходящего солнца.

В голове Джонни начала формироваться идея, но он отверг ее как слишком неправдоподобную. В конце концов, Чарли, человек, который всегда излучал уверенность и жизнерадостность, вряд ли мог страдать от недостатка веры в себя. Это казалось непостижимым. Джонни хотел было что-то сказать, но слова просто не срывались с языка. Через мгновение Чарли повернулся к нему, и его улыбка показалась несколько слабой. Он язвительно заметил: "Если бы сейчас у меня в руках была бутылка, я бы красноречиво отпил из нее. Но, увы, нам придется довольствоваться многозначительными взглядами." В его тоне слышался намек на юмор, и он ухмыльнулся, но веселье совсем не отразилось в его глазах.

В неожиданный момент Чарли, который всегда казался вечно горящим огнем, теперь показался Джонни больше похожим на угасающий фитиль, мерцающий на кончике спички. Правда поразила его, как порыв холодного ветра – она давно выгорела, осталась только иллюзия пламени.

– Что случилось? – неуверенно спросил Джонни, потрясенный этим внезапным открытием.

Чарли просто пожал плечами в ответ на вопрос Джонни, жест смирения с реальностью, которая медленно поглощала его. Он напомнил о том моменте, когда упомянул, что наслаждался яркой жизнью в глазах Джонни, признавая при этом, что свет в глазах окружающих его людей давно угас.

Приглушенным, почти шепотом, Джонни произнес слова:

"Включая тебя".

В ответ на замечание Джонни Чарли кивнул с меланхолической улыбкой. "Включая меня".

Джонни колебался, помня о том, что не хочет причинять боль Чарли, но в то же время стремясь лучше понять его. Он отважился сказать: "Ну, у тебя есть так много возможностей попробовать что-нибудь новое в этой жизни".

В ответ раздался искренний смех Чарли. "Об этом я и говорю". Затем он продолжил, его тон стал более мрачным: "Но видишь ли, мои желания давным-давно угасли, пока я блуждал по кругу, предаваясь различным порокам, включая наркотики".

Резкая перемена в выражении лица Джонни выдала шок и глубокую озабоченность, как будто его внезапно окатила холодная волна. Чарли, заметив реакцию Джонни, не смог удержаться от кривой улыбки. Он перешел на саркастический тон, сказав: "Ах да, по последним новостям, я полагаю, что у меня могут быть проблемы с наркотиками".

– Зачем ты делаешь это с собой, Чарли? – тихо спросил Джонни, искренне обеспокоенный.

И снова с губ Чарли сорвался смех. Это был смех, который заставил Джонни засомневаться, был ли он искренним, истеричным или, возможно, защитным механизмом. Чарли смотрел на Джонни со странной пристальностью, как будто искал что-то более глубокое.

– Тебе и правда не все равно, м? – наконец, нарушил ти-

шину Чарли шепотом, в котором слышался оттенок удивления

– Конечно, мне не все равно, – искренне заверил его Джонни, почувствовав себя несколько обиженным подобным заявлением.

Чарли сложил голову на колени, долго всматриваясь в него: "Ты странный, Джонни".

С беззаботной улыбкой, пытаясь разрядить обстановку, Джонни ответил: "Ну, с этим я не могу поспорить".

Последовала пауза, и как раз в тот момент, когда разговор, казалось, вошел в более непринужденный ритм, тон Чарли изменился, приобретая более серьезный и задумчивый оттенок: "Я застрял в этом круговороте наркотиков, вечеринок и бесконтрольного потакания своим желаниям так долго, что потерял себя", – признался он. "Раньше я хотел быть кем-то. Теперь такое чувство, что я ничего не хочу. И даже не могу вспомнить, о чем мечтал".

Джонни почувствовал неожиданную боль в сердце, сильное желание хоть как-то утешить его, борющегося с таким глубоким чувством потери и пустоты. Он осторожно задал вопрос, который первым появился в голове: "Почему ты не думаешь о том, чтобы обратиться в реабилитационный центр?"

– Я еще не готов себя спасти, – с напускным безразличием ответил Чарли, небрежно махнул рукой.

Ответ обрушился на Джонни, как тонна кирпичей. Как

Чарли мог такое сказать? Как мог он сказать, что не был готов спасти себя, когда Джонни и другие так сильно заботились о нем? Мысль о том, что саморазрушительные мысли удерживают Чарли от обращения за помощью, в которой он так явно нуждался, глубоко ранила Джонни.

Он, чувствуя растущее беспокойство за Чарли, решил придвинуться поближе к краю подоконника, забыв о собственной осторожности. Он тихо спросил: "Как до этого дошло, Чарли?"

Чарли, проследив взглядом за движением Джонни, посмотрел на него с любопытством. Будто он оценивал ситуацию, рассматривая возможность открыться. Затем, с оттенком юмора, он сказал: "Если я начну, это превратится в полномасштабный психологический сеанс".

Джонни, которого не смутила потенциальная напряженность такого разговора, ответил: "Я не против. Иногда помогает выговориться".

Чарли снова перевел взгляд на улицу, словно ища утешения в открывающемся виде. Он решил поделиться с Джонни частичкой своего прошлого, и в его голосе послышалась ностальгия. "Я вырос в богатой семье, – начал он, – ходил в частную школу. В этой школе я и встретил Ричи. Мы стали очень близки". Улыбка появилась на его лице, когда он вспомнил те первые дни, когда их дружба только расцветала. "Каким-то образом мы просто идеально сошлись, понимаешь? Мы были теми самыми мажорными подростками, ту-



совавшимися с ночи до утра. Было весело."

Однако после этого Чарли замолчал, не желая дальше копаться в прошлом, как будто были воспоминания, которые он предпочел бы оставить нетронутыми. Его взгляд был прикован к улице внизу, когда он рассказывал о своем прошлом. Он глубоко вздохнул, прежде чем продолжил, его голос отяжелел от груза воспоминаний. "А потом... мой отец устроил мне сюрприз, – сказал он, и его губы сложились в натянутую, вымученную улыбку. "Я так живо помню тот день", – продолжал Чарли, его взгляд был отстраненным, погруженным в болезненные воспоминания. "Отец сообщил мне, что он нашел себе другую семью, новую жизнь, в которую не входили ни я, ни моя мать".

Сердце Джонни упало, когда он услышал слова Чарли, осознавая всю жестокость ситуации, разворачивающейся перед ним. Он не мог найти подходящих слов, чтобы выразить свое сочувствие.

– Мне так жаль, – наконец сумел произнести он, и его голос был полон неподдельного сострадания.

Чарли, на лице которого теперь застыла улыбка, пожал плечами, как бы отгоняя боль от воспоминаний. "В тот день я потерял все, – признался он, – моего отца и деньги. Он оставил меня ни с чем". В его тоне чувствовалась покорность судьбе, как будто он давно смирился с потерей. "Можно было потребовать какую-то часть через суд, но я не стал утруждать себя. Я хотел отца, а не денег". После паузы, он продолжил

с ноткой благодарности в голосе: "Но, я не остался полностью на нуле благодаря Ричи. Пока я тихо страдал, он собрал команду юристов и защищал мои интересы". Взгляд Чарли смягчился, когда он заговорил о своем Ричарде. "Я очень благодарен ему за это".

Джонни почувствовал более глубокое понимание истории Чарли и его отношений с Ричардом. Это был момент уязвимости, который сблизил их, открыв ту сторону Чарли, которая была одновременно чувствительной и искренней.

В тоне Чарли, хотя и с оттенком сарказма, таилась скрытая боль, которую было трудно не заметить. Он продолжил: "И с тех пор, конечно, становилось только лучше". Горький смешок вырвался у него, когда он продолжил: "Мои отношения с матерью быстро ухудшились. Она впала в глубокую депрессию, и чем старше я становился, тем больше походил на своего отца. И это раздражало ее".

Его слова нарисовали мрачную картину его прошлого, оставив Джонни с тяжелым сердцем.

– Должно быть, тебе было невероятно тяжело... – искренне сказал он.

– Это сломало меня, Джонни. – признался Чарли. – То, что меня отвергла моя собственная семья, ударило по мне. – Он уставился на свои руки. – Ричи был единственной нитью, которая удерживала меня над краем пропасти. Он оплатил мою учебу в университете и в целом начал помогать мне финансово. Во многих отношениях он стал мне ближе, чем моя

собственная семья.

Джонни поразился той связи между Чарли и Ричардом, которая выходила за рамки семейных уз. Однако история приняла тревожный оборот, когда Чарли добавил с сарказмом в голосе: "К сожалению, на одной из вечеринок Ричи предложил попробовать наркотики. Это был мой первый раз, но далеко не последний." Легкость, с которой Чарли говорил об употреблении наркотиков, была резкой и болезненной, и выбила Джонни из колеи. "Я не могу обсудить это с Ричардом. Он винит себя, понимаешь? Думает, что это он повел меня по этому пути. Ему больно думать об этом. – Он тяжело вздохнул. – Он так сильно помог мне", – продолжал Чарли, и в его голосе звучала неподдельная благодарность, – и даже несмотря на то, что в дело вступили наркотики, я уверен, что рано или поздно в любом случае попробовал бы их. Но это болезненная тема для Ричи, и я не хочу беречь старые раны".

Джонни был застигнут врасплох немедленной защитой Чарли Ричарда еще до того, как у него появился шанс обвинить его.

– Ну, и после этого я старался окончательно подавить свои чувства наркотиками и вечеринками, – добавил Чарли, пожав плечами. – Итак, миссия выполнена. – Он попытался отмахнуться от серьезности момента вымученным "Ура", но было ясно, что ему было больно говорить об этом. Последовавшее молчание было неловким и наполненным невыска-

занными мыслями.

Внезапно Чарли, которому, по-видимому, было не по себе от такого внезапного откровения, быстро слез с подоконника. “Прости за это душеизлияние”.

Джонни, чувствуя необходимость быть поближе к своему другу, немедленно спрыгнул вслед за ним, нежно придерживая Чарли за локоть. “Нет-нет, это ты извини. Мне просто нужно было переварить это”. Джонни говорил мягко, тщательно подбирая слова. “Чарли, я хочу, чтобы ты знал, что я правда забочусь о тебе. Но борьба с последствиями болезни ничего не изменит, если не бороться с самой болезнью. И я понимаю, что это непростой бой”.

– Я уже проходил этот путь, и иногда мне кажется, что выхода нет, – Чарли заглянул ему в глаза.

– Даже если тебе кажется, что ты не готов спасти себя там, то знай, что у тебя есть люди, которые искренне хотят, чтобы ты был спасен, – Джонни ободряюще положил руку ему на плечо. Чарли неопределенно пожал плечами и шмыгнул. – Я не буду притворяться, что понимаю, через что ты проходишь, но я хочу, чтобы ты знал, что я рядом. Пожалуйста, если тебе нужна какая-то помощь, обращайся. Будь то плечо, на которое можно опереться, кто-то, с кем можно поговорить или место, в котором можно почувствовать себя свободно.

Чарли был тронут словами Джонни. Он тихо вздохнул, и в его глазах, когда-то полных отчаяния, теперь появился про-

блеск надежды.

– Я был потерян так долго, что даже не уверен, что знаю, как спастись. Но, возможно, у меня есть шанс.

Джонни тепло улыбнулся, крепче сжимая плечо Чарли. "Я всегда буду на твоей стороне".

Чарли почувствовал необычное тепло глубоко внутри себя. Словно вновь разгорелся долго тлевший уголек, последняя искра угасающей спички. Это было нежное пламя, которое легко погасить, но, тем не менее, оно было. Он прошептал: "Спасибо."

Улыбка Джонни оставалась нежной, ободряющей, когда он кивнул. Он почувствовал, что его слова затронули что-то глубоко внутри Чарли. Он заметил едва заметную перемену в его поведении, в том, как он держался, как будто впитывал слова Джонни, как губка впитывает столь необходимую влагу.

На мгновение воцарилась тишина, их взгляды встретились, и Джонни увидел проблеск решимости во взгляде Чарли. Как будто его слова подействовали как спасательный круг, оттащив его от края отчаяния.

Джонни и сам не мог не почувствовать прилив надежды, зная, что, возможно, всего лишь возможно, ему удалось изменить мышление Чарли. Это было осознание того, что их дружба способна влиять друг на друга в лучшую сторону, и это наполнило его чувством привязанности и ответственности.



# ГЛАВА ШЕСТАЯ.

## 1.

Любовь Хлои к Ричарду была подобна всепоглощающему огню, ярко горевшему в ее сердце. Каждое его прикосновение, каждая нежная улыбка, которой он одаривал ее, разжигали страстный прилив эмоций. Она была полностью очарована им, наслаждаясь каждой чувственной деталью – манящим ароматом его одеколона, витавшим в воздухе, бархатистой насыщенностью его голоса, который проникал в ее душу, его мягкими темными волосами и бездонной глубиной его загадочных темных глаз, взгляд которых был пленительнее самого чарующего из закатов.

То, как он деликатно поправлял ей волосы, успокаивал нежной лаской и обеспечивал ей комфорт, первым усадив ее за стол, – эти проявления заботы и внимательности поселяли в ней уверенность, что ею дорожат. Хлоя наслаждалась трепетом от его прикосновений, наэлектризованным ощущением его губ на ее коже, его кончиками пальцев, обводящими контуры ее лица, и тихим смехом, который они разделяли.

Их совместные утра, когда они просыпались бок о бок, были моментами чистого счастья. Она уговаривала его за-

держаться в постели, не позволяя ему пока вставать, наслаждаясь общими моментами, когда они лежали вместе. Его смех был сладкой мелодией, а выражение капитуляции в его глазах только усиливало ее обожание.

Его любовь была не просто частью ее жизни, она была самой ее сутью. В Ричарде Хлоя нашла любовь, которая выходила за рамки обыденного, затрагивая каждый аспект ее жизни. Каждая клеточка ее существа откликнулась на его присутствие, и ее мысли часто возвращались к следующему мгновению, которое они могли бы провести вместе.

В Ричарде она нашла свою безопасную гавань, своего доверенного лица и источник безграничного счастья. Хлоя чувствовала себя не просто желанной, а лелеемой, как драгоценный камень в сердце мира Ричарда. Каждое его слово, каждый жест и каждое мгновение, которое они провели вместе, запечатлелись в ее сердце, как вечное свидетельство глубины ее чувств к нему.

Хлоя, все еще чувствуя себя немного дезориентированной после дневного сна, поднялась с кровати. Комната была залита теплым солнечным светом, заставившим ее прищуриться, когда она приблизилась к ослепительно яркому окну. Она слегка вздрогнула, когда порыв прохладного воздуха коснулся ее обнаженной кожи, побудив ее потянуться за ближайшим халатом.

Когда Хлоя плотно закуталась в халат, ее чувства пробудились, и она взбодрилась. Она решила, что сейчас самое



подходящее время подышать свежим воздухом.

Проходя мимо комнаты, где остановился Чарли, она заметила, что дверь слегка приоткрыта. Любопытство поманило ее вперед, и, едва слышно скрипнув дверью, она вошла в комнату, надеясь завести с Чарли разговор.

Сначала Хлоя обрадовалась, заметив, что он не спал, однако ее настроение быстро сменилось беспокойством, когда она увидела его состояние. Он лежал на кровати и выглядел болезненно – бледный, потный, с тяжелыми мешками под глазами. Казалось, он застрял в туманном состоянии между сном и бодрствованием, его взгляд был пустым и безразличным.

Глаза Чарли были полуоткрыты и, казалось, не были устремлены ни на что конкретное. Он не заметил, как вошла Хлоя, пока она случайно не врезалась в дверь, создав неожиданный шум. В этот момент он перевел взгляд на нее, но в его глазах не было ни узнавания, ни осмысленности.

Дрожь беспокойства пробежала по спине Хлои, когда она увидела открывшееся перед ней зрелище. Внезапная перемена во внешности и поведении Чарли, отсутствие осознанности в его взгляде и общая тревожная атмосфера в комнате заставили ее почувствовать страх. Она быстро ретировалась, в спешке покидая комнату, в голове у нее крутились вопросы и опасения.

– Хлоя, – раздался голос у нее за спиной, заставив ее подпрыгнуть от неожиданности. Когда она обернулась, то обна-

ружила там Ричарда, и это принесло ей легкое утешение. Она уткнулась лицом ему в грудь, эмоции переполняли ее.

– Я... Чарли... он такой... бледный, я не знаю... – Ее слова вырывались короткими, прерывистыми вдохами, когда она прижималась к Ричарду.

В ответ Ричард нежно погладил ее по волосам и заверил: "Я знаю. Я же говорил тебе, он нездоров."

Хлоя посмотрела на него снизу вверх, ее глаза были полны беспокойства.

– Что с ним? – спросила она с дрожью в голосе.

– А на что это похоже? Он под кайфом. Дай ему время, все будет в порядке.

Хлоя закрыла глаза, пытаясь осмыслить ситуацию. Она и раньше слышала о воздействии наркотиков, как и все остальные, но наблюдать это воочию, особенно когда речь шла о ее друге, было совершенно другим опытом. Под влиянием Ричарда наркотики казались ей просто "усилителями чувств", и она никогда не воспринимала их всерьез. Но теперь то, что она увидела, глубоко взволновало ее. Вопросы кружились в ее голове. Как он пришел к такому? Что привело Чарли на этот путь? Мог ли он действительно выздороветь, или все зашло слишком далеко? Когда ее голова лежала на груди Ричарда, знакомый запах его одеколona и тепло его объятий дарили чувство защищенности среди этого хаоса.

Слова Ричарда "он нездоров" эхом отозвались в ее мыслях, и Хлоя задумалась о сложностях зависимости. Осозна-

ние того, как мало она на самом деле понимала в борьбе Чарли, тяжело давило на нее.

Эта ситуация была суровым напоминанием о том, что жизнь далека от того идеализированного рая, который она знала.

На следующее утро, когда Хлоя была поглощена книгой, в комнату вошел Чарли. Он выглядел усталым, взъерошенным и вымотанным, но призрачная бледность, которая встревожила ее накануне, казалось, спала. Его состояние больше походило на результат недели, проведенной без сна. Когда он заметил ее присутствие, то слабо улыбнулся в ее сторону и направился к холодильнику, чтобы взять немного апельсинового сока.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Хлоя, искренне обеспокоенная.

Чарли отхлебнул сока из огромной бутылки и, несмотря на усталость в голосе, ответил: "Не так уж плохо, учитывая все обстоятельства". Его голос звучал отрешенно, но искренне и непринужденно, и она не могла сказать, лжет он или нет.

– Я напугал тебя вчера? – спросил он, и теперь в его тоне звучала смесь любопытства и саморефлексии.

Хлоя встретила с ним взглядом и мягко покачала головой. "Нет".

Чарли издал тихий, печальный смешок. "И как тебе удалось выиграть в покер с такой способностью лгать?"

Хлоя внимательно осмотрела его, оценивая попытку ослабить напряжение между ними. Она должна была признать, что сегодня он больше походил на себя, хотя в нем все еще чувствовалась разбитость.

– Ну, – ответила Хлоя с игривой улыбкой, – может быть, я просто приберегаю свое бесстрастное лицо для подходящего момента.

Чарли снова усмехнулся, и теперь искренняя улыбка пробилась сквозь усталость на его лице.

– Справедливо. И спасибо, что не бесишься из-за вчерашнего. Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть.

– Я рада, что с тобой все в порядке. Просто тяжело видеть тебя таким.

Выражение лица Чарли, казалось, смягчилось, и он прислонился к кухонной стойке. Он встретился взглядом с Хлоей: "Клянусь, я делаю все возможное, чтобы минимизировать урон. Я ценю твою заботу."

С этими словами они разделили мгновение взаимопонимания, и Хлоя почувствовала проблеск надежды на благополучие своего друга.

Зевнув, Чарли потянулся, давая понять, что все еще находится в режиме восстановления. "В любом случае, я, наверное, вернусь в постель. Ричард сказал, что, возможно, присоединится к нам позже за обедом. Надеюсь, он не слишком погрузился в работу."

– Отдыхай, – кивнула Хлоя. – Мы будем здесь, когда ты

будешь готов.

Чарли одарил ее благодарной улыбкой, прежде чем отправиться обратно в свою комнату. Хлоя вернулась к своей книге, ее сердце согрелось от маленькой, но значимой связи, которую она установила с двумя своими очень разными, но такими важными людьми.

Увидев состояние Чарли, Хлоя не могла понять, почему Ричард сам позволял себе такое попустительство в отношении наркотиков. Однако ее мысли улетучились, когда Ричард приехал забрать ее из университета, объявив, что они направляются на вечеринку.

На этих оживленных вечерах поведение Ричарда приобретало заметно покровительственные и собственнические черты. Он совершенно ясно давал понять, что Хлоя принадлежит ему, и не допускал никакой двусмысленности. Держа ее рядом и редко выпуская из поля зрения, он будто декларировал всем окружающим, что именно она завладела его сердцем.

Такое проявление любви было не только лестным, но и наполняло ее внутренним теплом и удовлетворенностью. Это давало ей глубокое чувство сопричастности и напоминало об особом месте, которое она занимала в жизни Ричарда. Она была глубоко тронута его привязанностью и желанием показать миру, что она была той, кем он дорожил больше всего на свете.

Посреди вечеринки, пропитанной духом декаданса и изобилия, Хлоя решительно отклонила предложение наркотиков. Ричард, с понимающим блеском в глазах, мягко спросил: "Это из-за Чарли, да?" Она честно кивнула. "Правильно. Тебе это не нужно". Его поддержка приятно окутало ее сердце. Они покачивались под гипнотические ритмы музыки, смех и звон бокалов околдовывали их чувства.

Хрустальные люстры наверху отбрасывали мерцающий свет, который добавлял очарования помещению. Темные глаза Ричарда впились в Хлою, передавая глубину чувств, которая превосходила слова.

Их поцелуи были наэлектризованы, каждое прикосновение разжигало огонь внутри. Пальцы Хлои нежно обводили контуры лица Ричарда, ее ногти касались его кожи. Руки Ричарда крепко прижимали ее к себе, пальцы вплетались в мягкие завитки ее волос.

В этот момент они были поглощены друг другом, остальной мир отошел на задний план. Новые засосы украшали шею Ричарда, свидетельствуя об их безудержной привязанности, в то время как кожа Хлои хранила теплый отпечаток его поцелуев. Ощущения и эмоции, которыми они делились, были обострены, усилены опьяняющей атмосферой вечеринки.

Страсть и празднества продолжались до поздней ночи. Хлоя и Ричард наслаждались обществом друг друга, их разговоры перемежались взрывами смеха. Они наслаждались

напитками и танцевали, полностью погрузившись в водоворот вечеринки.

Однако по мере того, как продвигалась ночь, Хлоя начала испытывать растущее чувство тревоги. Окружающая обстановка, заполненная нетрезвыми людьми, вызвала болезненные воспоминания. Она не могла выбросить из головы образ Чарли, разбитый вид, его пустые глаза, изможденное лицо, и это навязчивое воспоминание бросало тень на торжество.

У Хлои закружилась голова, на сердце стало тяжело от беспокойства. Она не могла не думать о тьме зависимости – суровом напоминании о том, что жизнь может принять ужасающий оборот даже посреди кажущегося гламура и разгула.

Желание Хлои покинуть вечеринку не осталась незамеченной Ричардом. Его нежное прикосновение к ее подбородку было ответом на перемену в ее поведении. "Что такое?"

– Я... – начала Хлоя, отводя взгляд и подыскивая нужные слова. – Я хочу уйти.

– Ты хочешь уйти? Почему? – Ричард с едва уловимым смешком усомнился в ее искренности.

Усталость Хлои и сенсорная перегрузка от какофонии звуков и ослепительных вспышек света заставили ее почувствовать себя опустошенной.

– Я устала, – призналась она. – Я хочу домой.

В этот момент экстравагантность вечеринки потеряла свое очарование, и все, чего жаждала Хлоя, – это передышки от подавляющей обстановки.

Просьба Хлои покинуть вечеринку была встречена характерной ухмылкой Ричарда с озорным блеском в глазах.

– Не волнуйся, моя дорогая, – промурлыкал он. – Я помогу тебе проснуться.

Хлоя тепло улыбнулась и в ответ нежно прижалась своими губами к его губам. "Пойдем домой".

– Но мы только пришли, – игриво запротестовал Ричард, и в его глазах вспыхнули озорные искорки.

– Мы могли бы провести вечер вместе, – предложила она.

Однако Ричард покачал головой с ласковым выражением в глазах.

– Меня раздражает, когда ты споришь со мной, любовь моя, – признался он, все еще улыбаясь, его голос был полон нежности.

– Я просто предлагаю альтернативу, – тихо проговорила Хлоя.

– В другой раз, хорошо? – Ричард, со своим обычным обаянием, наклонился и нежно поцеловал ее, словно желая подбодрить.

Хлоя, однако, слегка отстранилась, ее глаза серьезно изучали его.

– Нет, Ричард. Сейчас я хочу побыть в тишине. Оставить весь этот шум позади.

В одно мгновение произошел сдвиг. Взгляд Ричарда, когда-то наполненный теплом и обожанием, внезапно стал холодным и отстраненным. Его голос, обычно нежный и пол-



ный эмоций, стал суровым и бесстрастным. "Ты вольна уйти".

Хлоя посмотрела на Ричарда, ошеломленная его резкой переменной в поведении. Его глаза, которые когда-то были теплыми и манящими, теперь казались безразличными. В комнате, когда-то наполненной кипучей энергией вечеринки, казалось, стало холоднее.

Она ожидала, что он воспротивится ее просьбе, уговорит остаться или, возможно, даже начнет игриво спорить, как он делал раньше. Она почувствовала, как забилося ее сердце, когда она столкнулась с внезапной враждебностью Ричарда. Ее голос, дрожащий, но решительный, прорвался сквозь напряжение в комнате.

– Ну не будь таким, – взмолилась она.

Ричард отпустил ее и отступил назад, его взгляд стал агрессивно-вызывающим.

– Каким? Каким я не должен быть? Ты меня не знаешь, Хлоя.

Грудь Хлои сжалась от знакомого чувства беспомощности. Она и раньше была свидетельницей таких срывов, понимала смятение, бушевавшее внутри него, но от этого боль не становилась меньше. Ее голос, тихий шепот, умолял о сдержанности. "Успокойся".

– Я выгляжу беспоконным? – ответил он с нахальной усмешкой. – Мое общество начинает тебя тяготить?

Едкий сарказм в его словах глубоко ранил Хлою, застав-

для разрываться между желанием помочь и необходимостью защитить себя от эмоционального натиска.

– Я просто попросила, чтобы мы пошли домой и спокойно провели вечер.

В ответе Ричарда прозвучала смесь разочарования и гнева.

– Планы меняются до их согласования! Кроме того, идея тихого вечера меня сегодня не прельщает, – начал он, его голос колебался между приглушенным тоном и более громким акцентом.

Резкость его слов глубоко задела Хлою.

– О, правда? – возразила она с ноткой обиды в голосе. – Но применимо ли это правило к моим планам с Джонни? То есть, я должна бросить все свои дела по щелчку твоих пальцев, но ты не можешь уделить мне немного времени?

Напряжение в комнате становилось все гуще, словно тяжелое облако, отбрасывающее тени на их связь. Хлоя изо всех сил пыталась понять, почему ее простая просьба вызвала такой отклик со стороны Ричарда.

– Я трачу на тебя уйму своего времени, – огрызнулся Ричард, не скрывая своего раздражения.

Хлоя почувствовала прилив негодования и разочарования. Все мелочи, которые она замечала и незаметно проглатывала с течением времени, внезапно всплыли на поверхность. Так вот как это работает? Он был готов изменить свои планы ради Чарли, но не ради нее? Несправедливость это-

го причиняла боль. Она ничего не могла с собой поделать и позволила своим чувствам выплеснуться наружу.

– А если бы Чарли попросил тебя?

– А причём здесь Чарли? – Ричард казался сбитым с толку, не видя связи.

– Значит, ты готов изменить свои планы ради него, – настаивала Хлоя, – но не ради меня?

Сердце Хлои бешено колотилось, смесь гнева, досады и печали бурлила в ней. Она всегда знала, что Чарли занимает особое место в жизни Ричарда, но чувствовала себя уязвленной вопиющим неравенством, которое она ощущала. Глубокая эмоциональная связь между Ричардом и Чарли часто заставляла ее чувствовать себя посторонней, и эта конфронтация вывела эти чувства на поверхность.

Готовность Хлои постоять за себя была ощутима, но неуверенность в том, как отреагирует Ричард, сильно давила на нее.

Голос Ричарда прорезал воздух. Его слова были подобны пронзительным лезвиям, каждое из которых ранило Хлою до глубины души.

– Я не принадлежу тебе, Хлоя! – он почти кричал, подчеркивая каждое слово.

Его заявление пронзило ее насквозь, заставив почувствовать себя незащищенной и уязвимой.

Хлоя, изо всех сил стараясь сохранить самообладание, попыталась защититься. Ее голос дрожал, когда она говорила,

каждое слово было слабой попыткой объясниться.

– Интересно получается: ты хочешь контролировать меня, но не готов предложить то же самое?

Она надеялась самоутвердиться, но с каждым произнесенным словом Ричард словно вбивал еще один гвоздь в крышку ее эмоционального гроба:

– А что ты можешь мне предложить? Кроме себя самой? Я даю тебе целые миры, возможности, о которых ты никогда и не мечтала. По мне, так вполне честный обмен.

Глаза Хлои наполнились слезами, когда она попыталась переварить резкие слова Ричарда.

Он рассматривал их отношения, как какое-то бизнес партнерство. Он, очевидно, ощущал несоответствие в их вкладе в отношения.

Хлоя изо всех сил старалась взять себя в руки и сдержать слезы. Ее мысли были в беспорядке, и она подбирала слова, чтобы ответить. Первое, что пришло на ум, сорвалось с ее губ.

– Это не значит, что ты можешь контролировать меня, ничего не делая взамен. Просто потому, что мне не все равно, не значит, что все должно быть односторонним.

Лицо Ричарда оставалось непроницаемым, его голос был холоден как лед.

– Ты позволяешь себя контролировать. Ты сама решила, что принадлежишь мне. Ты не можешь ждать от меня того же.

Его слова были как удар кинжала в ее сердце. Она была ошеломлена. Как он мог сказать такое? Словно Ричард запустил руку ей в грудь и раздавил ее сердце прямо у нее на глазах. Всего несколько минут назад они наслаждались обществом друг друга на вечеринке, растворившись в тепле момента. Теперь ей казалось, что он стал совершенно другим человеком. В мгновение ока его нежность и страсть уступили место ледяному безразличию. Хлоя не могла понять, как все это произошло так быстро.

Смешок Ричарда прорезал напряженную атмосферу, злобный оттенок повис в воздухе.

– Что, думаешь, я стал «другим человеком», Хлоя? – поддразнил он, наклоняясь ближе. Его пристальный взгляд оставался прикованным к Хлое, его глаза словно испытывали ее. – Я всегда был таким. Ты просто предпочла этого не замечать. – Его ухмылка исказилась во что-то порочное, его слова были пронизаны высокомерием. – Но не волнуйся, дорогая. Ты не первая и ты не будешь последней.

Резкость его слов задела за живое, и он наслаждался тем воздействием, которое они оказали на Хлою. Страх, отразившийся в ее глазах, только усилил ощущение силы, струящейся по его венам.

Мир Хлои казался разрушенным, мужчина, которого, как ей казалось, она знала, был заменен этой жестокой и бессердечной фигурой. Земля под ней казалась зыбкой, как будто реальность сместилась у нее под ногами.

– Но... почему? – Голос Хлои дрожал от боли и замешательства, а ее заплаканные глаза умоляли дать ответы.

– В этом проблема таких людей, как ты, Хлоя. Вы всегда хотите получить объяснение, причину чьих-то действий. Мир так не работает. – Он глубоко вдохнул, словно наслаждаясь чувством контроля. – Но я полагаю, что такая недалекая, как ты, этого не поймет. С чего бы это? Ты просто прилипчивое ничтожество, которое стремится быть кем-то большим. Жаль, что это невозможно. – Ухмылка, сопровождавшая его слова, была напоминанием о том, каким недостижимым он стал, оставляя Хлою бороться с разрушенными остатками ее понимания его и их отношений.

Хлоя стояла в ошеломленном молчании, ее глаза были прикованы к Ричарду, а он небрежно отмахнулся от ее изумленного взгляда. В комнате было душно, тяжесть их разговора давила на нее подобно невидимой силе.

Он пожал плечами, холодно взглянув на нее: “В чем дело? Ты что, язык проглотила? Я просто делюсь с тобой своим мировоззрением, чем-то гораздо более обширным, чем все, что ты способна постичь”.

Каждое произнесенное им слово было подобно удару. Ее голос оставался запертым, захваченный вихрем эмоций, бушевавших внутри нее. Хлоя изо всех сил пыталась понять, почему вечер принял такой мрачный и сбивающий с толку оборот.

Он небрежно махнул рукой, взял с подноса бокал вина,

сказал: "Генри отвезет тебя домой, если хочешь", – и ушел. Хлоя стояла там, ее мир был разбит вдребезги, когда Ричард беспечно вышел из комнаты. Ее сердце обливалось кровью, а мысли были в полном смятении. Предложение подвезти ее домой повисло в воздухе, но она не могла пошевелиться.

Слова Чарли, эхом отдававшиеся в ее голове, внесли толику ясности в ее измученные мысли. "Он всегда был таким. Он просто пытается задеть тебя." Хлоя кивнула про себя, признавая правду в этих словах. Да, он пытался причинить ей боль, и ему это удалось. Точность, с которой он нацелился на ее уязвимые места, была ошеломительной. Но в глубине души она знала, что эти обидные слова на самом деле не были его убеждениями. Он был способен на нежность и любовь. Это был озадачивающий парадокс, и Хлоя столкнулась с реальностью того, что она любила кого-то, кто мог так глубоко ранить ее.

Когда Хлоя стояла там среди эхом отдающихся слов Ричарда и Чарли, она чувствовала глубокую внутреннюю борьбу. Ее любовь к Ричарду была неоспорима, но такой же была и боль, которую он только что причинил ей. Словно эмоции внутри нее находились в состоянии войны, сражаясь за превосходство.

Хлоя решила остаться у бассейна, надеясь, что некоторое время врозь позволит гнев Ричарда утихнуть. Она сидела там, ее макияж размазался от недавних слез, наблюдая за

беззаботным смехом и весельем гостей вечеринки. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока она ждала, в ее мыслях царили смятение и беспокойство.

Внезапно тишину позади нее нарушил голос: "Вы спутница Ричарда Стерлинга?" Голос был незнакомым, но Хлоя была слишком эмоционально истощена, чтобы поинтересоваться, кто говорит. Вместо этого она просто кивнула.

Незнакомка ухмыльнулась, когда заговорила: "Я слышала, как он кричал".

– Такое случалось раньше? – слабо спросила Хлоя.

Раздался женский смех, и Хлоя повернулась, чтобы посмотреть на нее. Девушка объяснила: "О, бывало и хуже. Ричард – очаровашка. Галантный, вежливый и все такое. Но иногда у него едет крыша. Не часто, но..." Она замолчала. "Однажды он затушил сигарету о руку какого-то мужика".

Глаза Хлои недоверчиво расширились.

– Воу... – пробормотала она, понимая, что срывы Ричарда были чем-то большим, чем просто мимолетными вспышками гнева.

– Да, – кивнула девушка, – когда этот рыжик был с ним, все еще было терпимо. Он хоть как-то успокаивал его.

Хлоя вздохнула, ее понимание углубилось. Становилось все более очевидным, что эпизоды с Ричардом были не просто эмоциональными срывами. У него была темная сторона, которой нужно было управлять. Все, что Ричард сказал во время их спора, было всего лишь проявлением его эмоцио-



нального срыва. Он на самом деле не верил в эти вещи, и это была не его вина. Хлоя вновь ощутила сочувствие и решимость найти его, докопаться до сути того, что его беспокоило, и предложить поддержку, в которой он нуждался.

Она встала, готовая отправиться на поиски Ричарда, чтобы исправить то, что было нарушено между ними, и помочь ему пережить самые мрачные моменты.

В поисках Ричарда Хлоя переходила из комнаты в комнату, движимая желанием наконец поговорить и разрешить возникшую между ними неразбериху. Пока она двигалась по вечеринке, ее сердце колотилось от смеси решимости и тревоги.

Затем, войдя в другую комнату, она застыла на пороге. Вот он, мужчина, которого она так любила, в объятиях другой женщины. Время, казалось, остановилось, когда у Хлои перехватило дыхание. Ее мир разлетелся вдребезги в тот момент, когда Ричард, любовь всей ее жизни, держал в своих объятиях кого-то другого. Она наблюдала за происходящим в оцепенении, ее душевная боль была почти невыносимой.

Жестокий поворот судьбы только усилился, когда она увидела ухмылку на лице Ричарда. Он наклонился, чтобы поцеловать женщину, и душа Хлои почувствовала, как ее разрывают на части. Эта сцена была мучительным ударом в ее сердце, но она была слишком парализована, чтобы пошевелиться или отвести взгляд.

В какой-то момент Ричард почувствовал ее присутствие. Его взгляд, лишенный эмоций, упал на дверь, и он встретился взглядом с Хлоей, продолжая целовать другую женщину. Будто бы он растоптал ее сердце, намеренно выставляя напоказ это предательство перед ней. Хлоя наконец нашла в себе силы дышать, но это было началом ее побега от той ужасной сцены. Она выбежала из комнаты со слезами на глазах, отчаянно пытаясь восстановить контроль над своими эмоциями.

Хлоя побежала по лабиринту коридоров, прочь от вечеринки и невыносимого зрелища. На сердце у нее было тяжело, мысли кружились в вихре эмоций: предательство, сердечная боль, замешательство и неверие.

Эмоции Хлои были бурным морем боли, шока и уязвимости. С каждым вздохом Хлоя пыталась восстановить контроль над своими эмоциями.

Она верила в искренность и исключительность своих отношений с Ричардом, но картина, которую она увидела, разрушила эти убеждения. Ее сердце разрывалось от почти физической боли, как будто у нее отняли кусочек сердца.

Сцена снова и снова прокручивалась в ее голове, и Хлоя было трудно смириться с тем, что это вообще произошло. Неверие окутывало ее, как саван, заставляя сомневаться, было ли то, что она видела, реальностью или ужасным кошмаром.

В коридоре она прислонилась к стене, пытаясь выровнять дыхание и вернуть себе хоть немного самообладания. У нее

кружилась голова, но, взяв себя в руки, она поняла, что остаться на вечеринке больше не вариант. Ей нужно было уйти, избежать этого эмоционального водоворота и найти тихое место, чтобы обдумать события вечера. Хлоя потянулась за телефоном, намереваясь вызвать такси и покинуть это место мучений.

Городской пейзаж расплывался за окном машины, когда Хлоя обхватила колени, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце и обуздать бурные эмоции. Меняющийся пейзаж только усиливал ее чувство дезориентации, как будто она внезапно оказалась в причудливом, сюрреалистическом кошмаре.

Мысли и вопросы кружились в ее голове, подобно вихрю смятения. Она не могла не задаться вопросом, действительно ли то, чему она стала свидетелем, было реальным. Могли Ричард, мужчина, которому доверяла, действительно целовать другую женщину прямо у нее на глазах? Это казалось невозможным сценарием.

Когда мимо проплывали городские огни, отбрасывая попусторонний отблеск на ее залитое слезами лицо, Хлоя осталась бороться с переполняющими эмоциями предательства и сердечной боли. Она хотела, чтобы все прекратилось, чтобы она взяла паузу с того момента, в котором оказалась.

# ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

## 1.

Дни Хлои превратились в монотонный, серый фильм, лишенный той живости и радости, которые Ричард когда-то привнес в ее жизнь. Краски, которыми был окрашен ее мир, теперь, казалось, были смыты, оставив после себя мрачный и безлюдный пейзаж. Каждый день перетекал в следующий, унылое течение жизни без того блеска, который она знала.

Боль в ее сердце была неумолимой, постоянным напоминанием о предательстве, которое она пережила. Она страстно желала, чтобы все это просто исчезло, чтобы мучения прекратились. Но к этой боли примешивалась острая тоска – она сильно скучала по нему. Она скучала по его прикосновениям, теплоте его улыбки и привязанности. Вспышки воспоминаний столкнулись с тьмой, оставив Хлою в состоянии эмоционального смятения и тоски, неуверенную в том, как починить осколки своего сердца.

Ее распорядок дня превратился в однообразное пятно. Ее некогда яркая жизнь превратилась в бесцветное существование, похожее на бесконечный серый холст. Каждый день она просыпалась с тяжелым сердцем, борясь с постоянными го-

ловными болями, которые, казалось, нависали над ней темным облаком. Ее чувства были притуплены, как будто вибрирующий мир вокруг нее утратил свое сияние.

Сон предлагал ей спасение, хотя и временное, от чувств, которые мучили ее в часы бодрствования. В царстве грез она могла ненадолго забыть о своей боли. Но как только она просыпалась, реальность обрушивалась на нее с жестокой силой.

По мере того как дни превращались в недели, жизнь Хлои становилась похожей на пустую раковину, отзывающуюся эхом пустоты невыполненных обещаний и утраченных мечтаний.

Глубоко внутри нее теплился огонек надежды. Хлоя цеплялась за веру в то, что Ричард вернется, что они смогут наладить свои отношения, и глубокое недоразумение может быть разрешено. Именно эта надежда поддерживала ее на плаву, не давая впасть в полное отчаяние. Она мечтала, что Ричард в конце концов появится снова, что он вернется к ней и все объяснит. Но по мере того, как проходили дни, а он все отсутствовал, этот проблеск надежды начал тускнеть. Глубокая пустота окутала ее, пожирая изнутри, оставляя в состоянии невыносимого отчаяния.

## 2.

Пока Джонни обменивался сообщениями с Чарли, ожив-

ленный тон их разговора внезапно прервался из-за неожиданного звонка Хлои. Дурное предчувствие охватило Джонни, когда он поднял трубку.

– Привет, как дела? – осторожно спросил он, почувствовав что-то неладное.

Ответ Хлои был отстраненным, без обычного энтузиазма. "Все хорошо", – сказала она, и от ее бесстрастного тона по спине Джонни пробежали мурашки.

– Что случилось? Все в порядке? – беспокойно начал допытываться Джонни.

– Я рассталась с Ричардом, – тихим голосом сказала она, нарушая тишину.

Удивление Джонни было смягчено быстрым пониманием того, что это, возможно, правильный путь для Хлои. Он мягко спросил: "Что случилось?"

Голос Хлои дрогнул от усилия произнести болезненную правду. "Он изменил мне", – призналась она, ее слова сопровождались звуками сдавленных рыданий.

Сердце Джонни сжалось от сочувствия к Хлое, глубокая печаль охватила его, когда он представил всю тяжесть предательства, что она, должно быть, ощущала.

– Мне жаль, Хлоя, – искренне сказал он. В воздухе повисло общее молчание. Джонни мягко добавил: "Тебе так будет лучше. Ричард неуравновешен, и он не из тех, кому можно доверять".

Хлоя, охваченная горем, зарыдала.

– Как он мог так поступить? – сокрушалась она.

– Он никогда не был достоин тебя. Ты не замечала его недостатков, но он не так идеален, как ты думала.

– Но он был таким идеальным. – Разрушенный фасад совершенства Ричарда болезненно давил на нее.

– Никто не идеален, – мягко попытался успокоить ее Джонни.

– Я не знаю, как жить дальше, – призналась Хлоя, ее рыдания отдавались эхом в трубке. – Вся моя жизнь вращалась вокруг Ричарда. Я чувствую себя такой покинутой.

– Ты не приложение к Ричарду, – с сочувствием ответил Джонни. – Твоя жизнь – это нечто большее, чем отношения с каким-то придурком. Удели время себе. Восстанови связь со своими интересами, друзьями и вспомни, кто ты есть вне этих отношений. Это шанс заново обрести свою силу и независимость.

– Я просто чувствую себя такой потерянной, – нерешительно кивнула Хлоя, вытирая слезы.

– Это нормально, – мягко сказал он. – Тебе не обязательно знать ответы на все вопросы сейчас. Сосредоточься на исцелении и восстановлении. У тебя есть люди, которые заботятся о тебе, включая меня. Ты не будешь проходить через это в одиночку.

В последующие недели Джонни продолжал постоянно появляться в жизни Хлои. Он приносил ее любимые закуски, обсуждал фильмы, чтобы поднять ей настроение, но несмот-

ря на постоянную поддержку Джонни, выздоровление Хлои оставалось медленным. Ее эмоциональные раны были глубокими, и процесс заживления оказался более сложным, чем ожидалось. Джонни, тем не менее, продолжал быть рядом с ней, предлагая утешение и понимание, пока она шла по трудному пути к исцелению.

### 3.

Хлоя завернулась в кокон из одеял, создавая уютный барьер от внешнего мира. Ее дни превратились в монотонный цикл созерцания пустоты, ее разум был отягощен тяжестью на сердце.

– Хлоя, давай встретимся. Тебе нужно выйти из дома. – Когда голос Джонни донесся до нее по телефону, это было словно далекое эхо из другой реальности.

Она ответила едва слышным "Угу", но мысль о том, чтобы выйти на улицу, казалась невыносимой. Мир за пределами ее укрытия казался слишком ярким, слишком громким и слишком безразличным к ее боли. Так что она оставалась в коконе, защищенная от мира, который утратил свое очарование.



## 4.

Шаги Джонни отдавались мягким эхом в тускло освещенном переулке, когда он расхаживал взад-вперед, и каждый шаг отражал его внутреннее смятение. Его разум был поглощен сложным клубком эмоций, которые он испытывал по поводу ситуации с Хлоей. Он сжал кулаки, пытаясь успокоиться, но мысли его метались.

Чарли, небрежно прислонившись к выветренной кирпичной стене, с безразличным видом наблюдал за взволнованными движениями Джонни.

– Эй, Джонни, – вмешался он, его голос был спокойным и беспечным, как будто он обсуждал погоду. – Ты не должен позволять драме Хлои задевать тебя. Это не твоя проблема.

Джонни прекратил свое беспокойное хождение туда-сюда и повернулся к Чарли, в его глазах вспыхнуло раздражение. "Она моя подруга", – возразил он.

Чарли приподнял бровь, на его лице отразилось веселье. "Подруга? Ты имеешь в виду ту самую подругу, которая, кажется, забыла о твоём существовании, пока была с Ричардом?"

– Не пытайся выставить ее виноватой.

Чарли тихо вздохнул, поняв, что Джонни действительно расстроен.

– Я не пытаюсь выставить кого-либо виноватым. Я просто

говоря, что иногда ты принимаешь проблемы других людей слишком близко к сердцу.

– Дело не в Хлое, – возразил Джонни. – Дело в чувстве справедливости. Речь идет о том, чтобы поступать правильно.

– Я понимаю, и это замечательное качество в тебе, – Чарли заметил искренность Джонни, его игривое поведение сменилось более серьезным. – Просто помни, не в каждый бой стоит вступать. Иногда можно позволить всему идти своим чередом.

Джонни, все еще придерживающийся своих убеждений, кивнул в ответ на слова Чарли. Его страстная защита того, что он считал правильным, выходила за рамки данной ситуации. Это было частью того, кем он был, самой его сутью, и Чарли понимал это, даже если иногда это ставило его в тупик.

Чарли и Джонни продолжали двигаться по аллее, мягкий свет далекого уличного фонаря отбрасывал жуткие тени на их лица, отражая напряжение между ними. Чарли попытался смягчить углы. "Они разберутся со всем этим сами".

– Он такой мудака, – голос Джонни был резким от гнева.

– Ричард может быть засранцем, в этом нет сомнений, – вздохнул Чарли. – Но... ты не знаешь всего, что творится в его голове.

– Я не хочу слышать твоих оправданий ему, – Джонни весь горел от негодования.

Тон Чарли стал мрачным, его взгляд был устремлен на неровные булыжники мостовой у них под ногами.

– Знаю, что не хочешь, но ты также знаешь, что я не могу не защищать его. И поверь мне, у Ричарда есть... проблемы.

– Меня не волнуют проблемы Ричарда, – выпалил в ответ Джонни. – Я беспокоюсь о Хлое, и он ужасно с ней обращается.

Чарли, все еще пытающийся уладить ситуацию, ответил с оттенком сострадания: "Я знаю, и это делает тебя хорошим другом. Но иногда такие люди, как он, оказываются сложнее, чем мы думаем. Ты не знаешь его так, как я".

Джонни на мгновение опустил взгляд на свои ноги. Затем он встретился взглядом с Чарли и сказал: "Может быть, но это не оправдывает его поведения. Он должен нести ответственность за то, что делает".

Чарли видел, что Джонни настроен решительно и не собирается отступать. Они оказались в тупике, зажатые между верностью друг другу и их противоположными взглядами на поведение Ричарда.

Чарли, пытаясь преодолеть разрыв, тихо заговорил. "Джонни, пожалуйста, я не защищаю действия Ричарда, но не будь так категоричен по отношению к нему. Он, без сомнения, не в себе, но это не делает его злодеем".

– Он изменил ей! Это непростительно.

Выражение лица Чарли напряглось, и он уставился вдаль, изо всех сил пытаясь подобрать правильные слова. "Я не го-

ворю, что то, что он сделал, нормально. Это далеко не так. Но у него правда не все в порядке".

– Это не оправдывает того, что он сделал, – эмоции Джонни были на пределе.

Чарли поджал губы, отвел взгляд, его мысли были в смятении. Он боролся с внутренним конфликтом из-за уважения к своей дружбе с Ричардом, признавая при этом неоспоримые грехи, которые он совершил.

– Слушай, я понимаю, Хлоя много значит для тебя. Но ты должен понять, Ричард много значит для меня. И ты тоже. Я не хочу ссориться из-за этого.

– Попробуй поставить себя на место Хлои, – голос Джонни был напряженным. – Представь, какую боль она испытывает после того, как ее предал человек, которого она любила больше всего на свете.

– Я знаю, каково это, – тихо сказал Чарли, его тон стал мрачным.

Джонни немедленно почувствовал укол вины.

– Прости, я не хотел...

– Нет, – Чарли, явно раздраженный, перебил его, – не нужно ходить вокруг меня на цыпочках, потому что меня бросил отец. Я не это имел в виду. Я прошу оставить проблемы Ричарда и Хлои им. Давай не будем заикливаться на этом.

Джонни глубоко вздохнул, понимая, что затаенная обида на Ричарда не должна омрачать связь, которую он выстроил с Чарли. Тряхнув головой, он отогнал негативные мысли и

встретился взглядом с Чарли.

– Ты прав, – сказал Джонни, решительно кивнув.

Чарли, на губах которого играла едва заметная улыбка, оценил готовность Джонни к компромиссу. Осознание того, что их дружба значила больше, чем мелкие ссоры укрепляло чувство единства среди теней раздора.

## 5.

Мир Хлои превратился в простое существование, лишённое радости. Мысль о том, чтобы поесть, превратилась в бессмысленный ритуал, и еда казалась ей тяжёлым бременем. Она смирилась с непростой задачей двигаться вперед, смирилась с жизнью без Ричарда. Ее дух был изранен, а на сердце было тяжело от боли из-за его отсутствия.

Но затем, в мгновение, когда ей показалось, что время остановилось, ее мир замер. Резкий звонок ее телефона нарушил тишину, и на экране появилось имя, которое она так хотела увидеть, – Ричард. Хлоя сидела неподвижно, не отрывая взгляда от светящегося экрана, слишком ошеломленная, чтобы ответить на звонок. Беспокойный, тревожный сон, который отказывался ослабить свою хватку. Звонок закончился только для того, чтобы начаться снова, и ей показалось, что сама вселенная играет с ее эмоциями.

Дрожащими пальцами Хлоя потянулась к телефону, каж-

дое движение было борьбой между ее желанием и страхом. Когда она поднесла устройство к уху, ее дыхание превратилось в почти неслышимый шепот.

А потом раздался его голос. Голос, который когда-то наполнял ее теплом и любовью, теперь был одновременно и утешением, и мучением. Его слова ласкали ее слух, как тончайший шелк, приглашая вернуться в мир, который, как ей казалось, она потеряла.

Но она была статуей, застывшей во времени. Произнесенное им ее имя повисло в воздухе, дразняще близкое, но неуловимое, как фрагмент забытого сна. Она почувствовала, что ее голос застрял у нее в горле, неспособный преодолеть воздвигнутые ею эмоциональные барьеры.

Он вздохнул, и его слова были подношением, оливковой ветвью, протянутой через пропасть их обид.

– Хлоя, – повторил он ее имя с нежностью, а затем спросил: – Ты не хочешь со мной разговаривать? – В трубке висело молчание. – Я понимаю. Твоя реакция естественна, особенно после того, что я сделал.

Наконец, он решился пойти дальше, и произнес. "Но я хотел бы встретиться". Эти слова были мостом, хрупким и ненадежным, дающим возможность их мирам столкнуться еще раз.

В этот момент неожиданная волна гнева захлестнула Хлою, приливная сила сдерживаемых эмоций. Его просьба встретиться, после всей той боли, которую он ей причинил,

была словно соль на ее ранах. Дерзость всего этого после нескольких недель молчания. Это приводило в бешенство.

– Встретиться? – повторила она резким, почти насмешливым голосом. Она пыталась имитировать его холодность, но это было не в ее характере. Ее гнев кипел под поверхностью.

И он почувствовал это, скрытую ледяную нотку в ее тоне. "Я понимаю, что ты злишься, но..." – начал он в тщетной попытке объяснить.

Но она больше не могла сдерживаться. Она резко оборвала его, не желая больше выносить груз своих эмоций.

– Ты не понимаешь! – Ее голос был пронизан гневом, слова горели огнем ее негодования. – Ты разрушил мою жизнь! Пошел ты! – И с этими словами она повесила трубку, заблокировав его номер, оборвав последнюю оставшуюся связь с любовью, которая стала ее погибелью.

Она стояла, сжимая свой телефон, ее руки дрожали от переполнявших ее эмоций. Комната, казалось, душила ее, а стены, когда-то знакомые, казались давящими. Она расхаживала взад-вперед, гнев струился по ее венам. Как он смеет даже предлагать встретиться? Как он мог вести себя так, как будто они могли просто забыть о том, что произошло?

После ее эмоционального всплеска и последующего решения заблокировать номер Ричарда первоначальный прилив гнева Хлои начал ослабевать, оставляя после себя всепоглощающее чувство разбитости. Тяжесть боли и предательства давила на нее, как невыносимое бремя.

Она присела на край кровати, ее тело дрожало, и тихие слезы текли по ее щекам. Дыхание Хлои стало неглубоким, когда осознание того, что произошло, нахлынуло на нее. Она чувствовала себя опустошенной, уязвимой и совершенно потерянной. Чувство покинутости и предательства грызло ее изнутри, заставляя сомневаться в подлинности всех их отношений. Как будто человека, которого она так сильно любила, на самом деле никогда не существовало.

## 6.

В богато украшенной комнате слышался звон покерных фишек и игривое подшучивание, пока Чарли и Ричард играли в карты. Чарли наклонился вперед с лукавой улыбкой на лице и предложил: "Как насчет того, чтобы сделать игру более интересной? Сыграем на признание неприятной правды".

Ричард приподнял бровь, изображая безразличие, но, тем не менее, проявляя любопытство.

– Не ходи вокруг да около. Что ты хочешь, чтобы я признал?

– Да ты экстрасенс, Ричи, – посмеиваясь, сказал Чарли. – Но я все равно узнаю... потому что...

С драматическим видом Чарли раскрыл свою руку, показывая стрит-флеш. Ричард разочарованно бросил свои кар-



ты на стол.

– Так вот что это было. Отвлекающий маневр, – сказал Ричард с притворной гримасой. – Хорошо сыграно.

Когда карты были перетасованы и фишки перешли из рук в руки, Чарли не мог не отпраздновать свою победу. Он поаплодировал сам себе, сверкнув довольной улыбкой. "Спасибо, спасибо!" – сказал он своим воображаемым поклонникам.

Ричард тихо рассмеялся над театральностью Чарли, покачивая головой. Затем Чарли откинулся на спинку стула, подперев голову руками. Он пристально посмотрел на Ричарда, выражение его лица было задумчивым, и, наконец, заметил: "Знаешь, Рич, я думаю, ты, возможно, немного переборщил с Хлоей. Даже для тебя."

Ричард посмотрел на своего друга, молча впитывая это замечание.

– И что теперь? – спросил он через мгновение. – Что сделано, то сделано.

– Я просто делюсь своим скромным мнением. – Чарли беспечно пожал плечами.

– О, твое мнение бесконечно ценно, – ответил Ричард с лукавой усмешкой.

Чарли усмехнулся и пренебрежительно махнул рукой. "Отвали, Ричи. Просто продолжай играть".

Пока продолжалась игра в покер, Чарли внимательно изучал свои карты, время от времени поглядывая на Ричарда.

Его брови слегка нахмурились, и он, наконец, решил озвучить вопрос, который его беспокоил.

– А если серьезно, – начал Чарли, – я не совсем понимаю, зачем ты звонишь Хлое сейчас. Это немного... жестоко, что ли.

Ричард пожал плечами с непроницаемым лицом.

– Хлоя обожает меня, – просто ответил он.

Чарли вздохнул, откидываясь на спинку стула с картами в руках.

– Я понимаю, что тебе нравится, когда тебя боготворят, но это как-то нездорово, тебе не кажется? – Он посмотрел на Ричарда, в его глазах читалось беспокойство. – Может, черту все это?

Ричард мгновение рассматривал своего друга, его лицо почти ничего не выражало. Он обдумал слова Чарли, а затем небрежно ответил: "Ты слишком много думаешь. Просто дай мне насладиться игрой и заканчивай с психоанализом".

Чарли не был полностью удовлетворен ответом Ричарда, но решил пока оставить эту тему. Игра в покер продолжалась, карты тасовались, а фишки звенели, наполняя комнату атмосферой дружеского соревнования и товарищества.

– Мне это напоминает шекспировскую трагедию, смешанную с современной мыльной оперой, где главный герой не может устоять перед обожанием своей фанатки номер один, – Чарли снова открыл тему театральным тоном.

– Да брось, интересная же история, – Ричард с улыбкой

махнул рукой, пытаясь разрядить обстановку.

Губы Чарли выпятились, показывая свое неодобрение. Он покачал головой и пробормотал: "Делай, как знаешь. В любом случае, ничего не может быть хуже твоей игры".

Ричард искренне рассмеялся.

– Я смотрю, ты сегодня просто лучик солнца, – поддразнил он, прежде чем добавить, подмигнув. – А теперь перестань драматизировать и сбрасывай карты или играй.

Чарли ухмыльнулся, рассматривая свои карты и бросая игривый взгляд на Ричарда.

## 7.

В те дни эмоции Хлои находились в постоянном смятении, разрываясь между надеждой и болью. Попытки Ричарда достучаться до нее только усугубляли сложность ее чувств.

Каждый его звонок вызывал прилив возбуждения и тревоги. Ей страстно хотелось услышать его голос, почувствовать ту связь, которая у них когда-то была. Осознание того, что она ему небезразлична, что он скучает по ней, затронуло струны ее сердца.

Но рана, которую он нанес, все еще гноилась в ее душе. Любовь и ненависть боролись в ней, создавая вихрь смятения и боли. Она отчаянно жаждала увидеть его, найти ответы, преодолеть пропасть, которая выросла между ними. И в

то же время она не могла заставить себя посмотреть ему в лицо, опасаясь еще большей боли и разочарования.

Это внутреннее смятение изматывало ее, оставляя опустошенной и запутавшейся. Американские горки эмоций казались бесконечными, и она жаждала ощущения ясности и решимости, даже когда изо всех сил пыталась найти опору в буре эмоций, бушевавших внутри нее.

С каждым пропущенным звонком от Ричарда ее сердце сжималось от тоски. Она прокручивала в голове их прошлые совместные моменты, привязанность и страсть, пытаясь найти во всем этом смысл. Воспоминания об их совместном смехе и нежных моментах звучали в ее сознании как горько-сладкая симфония, усиливая интенсивность ее опустошенности.

Одновременно с этим ее охватила затяжная горечь. Боль от его обмана, от того, как он держал в своих объятиях другую, терзала ее, как незаживающая рана. Любовь, которую она когда-то испытывала, теперь переплеталась с обидой, образуя эмоциональный коктейль, который дезориентировал ее.

## 8.

На небольшой кухне Хлои Джонни готовил чай для них обоих. Теплый аромат наполнял воздух, приятно щекоча ор-

ганы обоняния. Хлоя заколебалась, когда Джонни повернулся к ней лицом. Она сказала, что Ричард звонил ей, и Джонни, раздраженно вздохнув, пробормотал: "Игнорируй его".

Несмотря на слова Джонни, задумчивое выражение лица Хлои сохранялось, она разрывалась между ответом на звонок Ричарда и прислушиванием к совету Джонни.

– Это тяжелее, чем кажется, – призналась она, истерзанная и уязвимая.

Джонни, подойдя на шаг ближе, мягко успокоил ее: "Тебе сейчас не нужна эта драма".

Хлоя, нахмутив брови, посмотрела на Джонни.

– Как ты думаешь, чего он хочет от меня? – спросила она, в ее голосе слышалась неуверенность.

– Он, вероятно, хочет снова начать манипулировать тобой, – Джонни прислонился к стене с серьезным выражением лица.

Хлоя почувствовала, что ее раздрают противоречия. Отголоски прошлых поступков Ричарда и хрупкая надежда на что-то другое столкнулись в ней. Она нервно расхаживала по комнате, и между ними повисла тишина, пока Джонни мягко не нарушил ее.

– Хлоя, ты должна расставить приоритеты. Ты не можешь впустить его обратно в свою жизнь, особенно после того, что он сделал.

Она замолчала, уставившись в пол, как будто ответ скрывался в узорах ламината.

– Но что, если он изменился? – прошептала она, больше себе, чем Джонни.

– Такие, как он, не меняются. Ты заслуживаешь лучшего. Хлоя плюхнулась на диван, на ее лице отразилось разочарование.

– Зачем он все так усложняет? Я просто хочу покоя. Джонни сел рядом с ней, выражение его лица было сочувственным.

– Он процветает в хаосе. Ты должна дистанцироваться от этой токсичности.

– Это не так просто, – вздохнула она, откидываясь на подушки. – Мы разделяли столь многое, и теперь... такое чувство, что я теряю часть себя.

– Иногда отпустить – это единственный способ снова обрести себя. Ты не можешь позволить ему тянуть тебя вниз, – Он успокаивающе положил руку ей на плечо.

Пока Хлоя размышляла над словами Джонни, внутри ее разрывала борьба, битва между тем, чтобы удержаться, и тем, чтобы вырваться на свободу. И, пойманная в паутину неопределенности, она обнаружила, что ее парализовала нерешительность. Столкнувшись со сложным выбором, стоящим перед ней, она заколебалась, не в силах определить наилучший курс действий. И Хлоя выбрала временное убежище в бездействии. Джонни предложил поддержку, не заставляя ее принимать решение.

## 9.

Когда Хлоя стояла в галерее, мир вокруг нее, казалось, расплывался и становился незначительным. Звуки приглушенных разговоров, шаги посетителей и случайные отголоски смеха – все это стало отдаленным, как будто кто-то убавил громкость в мире. Резкий свет галереи, который когда-то освещал произведения искусства, теперь казался тусклым и затененным, создавая жуткую атмосферу.

Люди, которые двигались вокруг нее, казались безжизненными картонными фигурами, лишены содержания или цели.

Это чувство оторванности от реальности стало частым спутником жизни Хлои. Все казалось сюрреалистичным, как будто она попала в ловушку нескончаемого, плохо срежиссированного фильма. Сцены были заполнены дешевыми декорациями, второстепенными актерами, игравшими незначительные роли, и сюжетом, который становился все более странным и трудным для понимания. Казалось, что история близится к концу, но Хлоя не могла представить, чем все закончится.

Она пристально смотрела на картину, ее глаза прослеживали знакомые линии и мазки кисти. Это было произведение искусства, которым она когда-то восхищалась, находя глубокий смысл и красоту в каждом мазке руки художника. Но

сейчас это не вызвало в ней никаких эмоций.

Образ, который когда-то захватил ее сердце и разум, казался далеким и оторванным от ее нынешней реальности.

И все же, несмотря на ее безразличие к самому произведению искусства, суть картины, история, которую она рассказывала, все еще обладали для нее определенным очарованием. Повествование, стоящее за произведением искусства, оставалось захватывающим, свидетельством эмоций, которые она когда-то ассоциировала с ним. Это был своего рода парадокс, когда внешняя красота искусства поблекла для нее, но его глубинный смысл и значимость сохранились.

Мир Хлои, казалось, закружился, когда она услышала этот слишком знакомый голос сзади. Она не могла поверить ушам. Одного звука его голоса, пронизанного ноткой удовлетворения, было достаточно, чтобы по ее спине пробежали мурашки, а желудок скрутило в узел. Казалось, одно его присутствие обладало силой околдовывать ее.

– Что вы думаете об этой картине?

Ее сердце бешено колотилось, когда она медленно повернулась лицом к нему, единственному человеку, который занимал ее мысли, ее мечты и ночные кошмары. Казалось, что время одновременно остановилось и ускорило. Она была одновременно обрадована и напугана, увидев его, не зная, как реагировать и что сказать.

Произведение искусства, представшее перед ней, стало простым фоном для происходящей сюрреалистической сце-



ны. Она надеялась на это, стремилась к этому и в то же время боялась этого.

С одной стороны, ей страстно хотелось, чтобы Ричард навсегда ушел из ее жизни. Боль, которую он причинил, и эмоциональное потрясение, которое он принес с собой, заставили ее желать его отсутствия. Перспектива двигаться дальше без его присутствия была заманчивой, как будто это был путь к исцелению и освобождению.

С другой стороны, неукротимое желание провести с ним всю свою жизнь тихо шептало в ее сердце. Несмотря на причиненную им боль, связь, которую они разделяли, и моменты, которыми они когда-то дорожили, все еще крепко держали ее. Мысль о будущем без него казалась безрадостной, как будто часть ее души навсегда останется незавершенной.

– Пожалуйста, уходи, – тихо взмолилась она, и в ее словах прозвучала смесь смирения и тоски. – Ты меня отвлекаешь.

– Отвлекать тебя, теперь это преступление? – его голос был глубоким и соблазнительным. – Прошу простить, я не понимал, что прерываю... что, твое глубокое молчание? – Он дьявольски ухмыльнулся. – Я не думаю, что ты так сосредоточена, как хочешь казаться, дорогая. – Он сделал шаг назад, язык его тела был театральным и завораживающим. Размашистым жестом он указал на произведение искусства перед ними. – Но не волнуйся, я не буду отвлекать тебя от твоих важных размышлений. Не хотел бы быть отвлекающим фактором... или, боже упаси, катализатором беспокойства.

Его ухмылка была невыносимо пленительной, в этот момент сердце Хлои оставалось запутанным в паутине противоречивых желаний, разрываясь между желанием разорвать их связь и магнетическим притяжением любви, которую он разделяли.

Хлоя почувствовала, как ее эмоции превратились в запутанный клубок, когда слова Ричарда пронзили ее, словно осколки стекла. Само его присутствие, его игривое высокомерие задевали струны ее сердца, даже несмотря на то, что они были безжалостно разорваны его действиями.

Она сжала челюсти, смесь раздражения и боли затуманила ее взгляд.

– Пожалуйста, Ричард, просто уходи, – наконец смогла вымолвить она дрожащим голосом. – Мне нужно побыть одной.

– Что, здесь? – Он изобразил притворное удивление, приподняв бровь. – На выставке моего любимого художника, которую я бы вероятно посетил?

Он заставил ее усомниться в собственных намерениях. Сознательно ли она искала его, или это было бессознательное влечение, которое привело ее сюда? Хлоя на мгновение лишилась дара речи, внутреннее смятение и неразбериха тяжелым грузом навалились на нее.

Она стояла перед Ричардом, ее голос дрожал, она разрывалась между болью их прошлого и желанием понять его действия. Ее вопрос "Как ты мог так поступить, Ричард?" был не столько обвинением, сколько выражением ее соб-

ственного внутреннего смятения и сложных чувств, которые она питала к нему.

Он вздохнул и поджал губы.

– Я сожалею о том, что произошло. Но какой в этом смысл? Это все равно ничего не изменит. Прошлое осталось в прошлом, Хлоя.

В его словах была какая-то загадочность, наводившая на мысль, что он, возможно, наслаждается загадкой их отношений, напором эмоций и властью, которую он, казалось, имел над ней.

Она издала нервный смешок.

– Прошлое осталось в прошлом? Серьезно? Ты просто хочешь, чтобы я закрыла глаза на то, что произошло?

– Я не прошу тебя закрывать глаза. Просто двигаться дальше.

Ричард сказал это со странным выражением лица, которое она не смогла прочесть, и его ответ внес мало ясности. Его настойчивое стремление двигаться вперед, не заикливаясь на прошлом, еще больше озадачило Хлою.

Его извинения были палкой о двух концах, предлагая возможность примирения, но не обладая той глубиной, к которой стремилась Хлоя. Пока он говорил, в его глазах отражались противоречивые эмоции, предоставив ей самой разгадывать их значение.

Разочарование Хлои достигло точки кипения. Она ожидала большего от их встречи, большей ясности, большего рас-

каяния. Его слова были похожи на пустую оболочку, оставившую у нее горький привкус во рту.

Она не смогла сдержать истерического смеха, эхом разнесшегося по галерее.

– Двигаться дальше? Ты изменил мне прямо у меня на глазах, и ты даже не раскаиваешься!

Ее голос был на грани крика, приливная волна эмоций захлестнула ее. Любовь к нему и жгучая боль от предательства переплелись, делая ее душевную боль почти невыносимой.

В ответ на ее вспышку гнева он издал тихий, успокаивающий звук.

– Говори тише, дорогая. Ты ошибаешься. Мне жаль, но я не могу изменить прошлое.

– Ты осыпал меня всем, только для того, чтобы все это отобрать... И теперь ты возвращаешься? Ты вообще можешь представить, что я чувствую? – голос Хлои дрожал, в ее словах сквозила усталость.

– Если ты ищешь честности... тогда нет, – ответил он, в его взгляде была серьезность, которую она не видела уже долгое время.

– Ты – яд, – заявила она, пытаясь выразить бурную смесь чувств, переполнявших ее. – Ты вошел в мою жизнь, наполнил ее, а затем оставил меня совершенно опустошенной.

Он наклонился, его близость нервировала.

– Яд? Ты действительно так думаешь, Хлоя? Ты та, кто продолжает возвращаться ко мне. Тебе нравится то, как я за-

ставляю тебя чувствовать. Не сопротивляйся тому, что неизбежно. И не притворяйся, что хочешь, чтобы я тебя отпустил. В глубине души ты понимаешь, что я тебе нужен, – заявил он. Отступив назад, он предоставил ей немного пространства, в его глазах плясали веселые искорки. – Но, если ты настаиваешь на том, чтобы уйти, прошу. Просто знай, что я буду здесь, терпеливо ожидая твоего возвращения.

Его утверждение о том, что он нужен ей, задело за живое, и часть ее не могла отрицать правды в его словах. Нельзя было отрицать, что он занимал значительное место в ее сердце.

Хлоя знала, что ядовитая любовь все еще была любовью, но она разрывала душу, оставляя раны, которые медленно заживали.

Веселье Ричарда только усилило ее эмоциональное смятение. Он был подобен дразнящей загадке, которая одновременно искушала и пугала ее. Это решение тяжело давило на нее, и она чувствовала себя парализованной, зажатой между страстным желанием и стремлением к исцелению и самосохранению.

Когда Хлоя стояла там, не сводя глаз с Ричарда, она не могла отрицать его пленительной красоты. Однако за этой внешностью скрывалась сложная энигма. Его мотивы, эмоции и чувствования оставались для нее загадкой. Она изо всех сил пыталась понять, когда он лжет, а когда говорит искренне.

Несмотря на эту двусмысленность, магнетическое притя-

жение, которое он оказывал на нее, было неоспоримым. Она чувствовала, что его тоже тянуло к ней за то, что она заставляла его чувствовать себя любимым, особенным, обожаемым и бесценным.

На данный момент Хлоя не была готова принять предстоящие осложнения. Не задумываясь о последствиях, она приняла решение дистанцироваться, зная, что ясность и время – это то, что ей нужно. Не в силах подобрать нужных слов, она повернулась и вышла из галереи, провожаемая недогнущим взглядом Ричарда.

## 10.

Их короткая встреча заставила ее почувствовать себя одновременно уязвимой и выбитой из колеи. Ее разум был поглощен безжалостным воспроизведением этой сцены, анализируя каждое слово и действие, задаваясь вопросом, что все это значило.

Она обнаружила, что потерялась в море "что, если". Что, если бы она сказала что-то по-другому? Что, если бы она стала расспрашивать его дальше? Что, если бы она сразу ушла, не сказав больше ни слова? Возможности вихрем проносились в ее голове, и каждая из них жила своей собственной жизнью.

Эта встреча оставила у нее больше вопросов, чем ответов.

Чего хотел от нее Ричард? Мог ли он действительно измениться? Было ли у них какое-нибудь будущее? Мысли Хлои представляли собой бурную смесь надежды, замешательства и страха.

Она знала, что это столкновение вновь пробудило в ней что-то, страстное желание, которое она пыталась подавить. Но неопределенность всего этого подводила ее к краю, и она задавалась вопросом, к чему приведет этот неожиданный поворот в ее жизни.

Когда Хлоя с группой студентов собрались в небольшой студии художественной реставрации, их сразу же поразило наличие многочисленных полотен на различных стадиях разрушения. На мольбертах стояли драгоценные произведения искусства, которые постепенно возвращались к жизни. Реставратор, пожилой джентльмен с аккуратно подстриженной бородой и мудрыми глазами, приветствовал группу со скромным видом.

Он начал свою презентацию с обсуждения истории реставрации живописи, поделившись историями о знаменитых шедеврах, которые были спасены с грани уничтожения. В его голосе слышалось благоговение перед подобными работами и теми, кто посвятил свою жизнь их сохранению.

По мере того как реставратор углублялся в методы и инструменты, используемые в процессе восстановления, он не мог скрыть волнения в своем голосе. Опытными руками он продемонстрировал, как они удаляют слои грязи и лака, что-

бы выявить оригинальные цвета, штрихи и скрытые детали. Казалось, сами картины пробуждались под его умелым прикосновением.

Хлоя и ее группа были загипнотизированы, и по мере продолжения презентации студия превращалась в место волшебства и преображения. Они были восхищены этой тонкой и кропотливой работой, необходимую для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в эти многовековые шедевры. Страсть реставратора к своему ремеслу была заразительной, и к концу презентации все студенты покинули студию с энтузиазмом. Это был день, который навсегда запечатлелся в их памяти, как свидетельство силы искусства и самоотверженности тех, кто его сохранил.

Когда Хлоя прогуливалась по галерее с реставратором, она была очарована невероятным преображением полотен. Контраст между поврежденными фотографиями произведений искусства до реставрации и нетронутыми экспонатами, висящими в галерее, был поразительным.

Размышляя о чудесном спасении этих картин, мысли Хлои обратились к ее собственному эмоциональному состоянию. Можно ли починить сердце, подобное этим творениям? Могли ли разбитые, размытые и, казалось бы, невозможные для восстановления фрагменты ее собственной жизни снова сложиться во что-то прекрасное и цельное?

Галерея послужила метафорой, дающей проблеск надежды. Точно так же, как этот мужчина починил холсты, воз-



можно, в ее собственной жизни появился шанс на исцеление и обновление.

Как вдруг все изменилось. Невольно она услышала “Ричард Стерлинг”, и ее сердце замерло. Мог ли это быть другой Ричард? Просто человек с тем же именем и фамилией? Может, ей послышалось? Все казалось слишком неправдоподобным.

Она повернулась, в поиске ответов, и в этот момент время, казалось, замедлилось для Хлои. Она наблюдала за Ричардом, и каждая его черта запечатлевалась в ее памяти, точно так же, как это происходило бесчисленное количество раз до этого. То, как идеально сидел на нем костюм, едва заметный блеск часов, уверенная посадка плеч – все это говорило о мужчине, излучающем силу и элегантность.

Она чувствовала, как в ней бурлит смесь эмоций. Гнев из-за боли; тоска по тем моментам, которые они разделяли; и замешательство, когда она боролась с необъяснимой тягой, которую она все еще испытывал к нему. Галерея была полна шедевров и разговоров, но для Хлои мир сузился до этого одного человека.

Он заметил ее пристальный взгляд, и его самоуверенная улыбка стала еще шире. Это была улыбка, которая, казалось, говорила: “Я вернулся в твою жизнь, и ты не можешь передо мной устоять”. Его присутствие ощущалось как испытание, вызов и искушение в одном флаконе.

В голове Хлои бушевал вихрь мыслей. Должна ли она по-

дойти к нему? Игнорировать его? Сбежать? Это было все равно что стоять на краю обрыва, не зная, прыгнуть ли в неизвестность или отступить в безопасное место на твердой земле. Она знала наверняка одно: ее встреча с Ричардом Стерлингом снова оставит неизгладимый след в ее жизни.

Борясь со всеми этими мыслями, она решила ничего не предпринимать. Однако через несколько минут он, не замечая действий с ее стороны, подошел к ней сам.

– Ты свободна на этот раз? Я не хочу снова тебя отвлекать, – улыбнулся он.

Его слова были подобны мелодии, будоражащей что-то внутри нее, несмотря на ее внутреннюю борьбу. Его теплая улыбка затронула струны ее сердца, и она не смогла удержаться от мягкого, произвольного смешка, который на мгновение дал трещину в стене, которую она возвела вокруг своих эмоций.

Именно эта его способность вызывать такие противоречивые чувства заставляла ее одновременно обожать и ненавидеть его в равной мере. Как он мог заставить ее рассмеяться и почувствовать себя легче в такой тяжелой ситуации? Это был танец, в котором они участвовали бесчисленное количество раз, толчок и притяжение их эмоций.

Она изо всех сил старалась вернуть себе самообладание, превратив свое лицо в стоическую маску. Она уже проходила этот путь раньше и не собиралась так легко терять бдительность. Возвращение Ричарда стало вызовом, и Хлоя бы-

ла полна решимости не позволить ему снова дестабилизировать ее мир.

С намеком на улыбку он прощупал почву, оценивая ее реакцию.

– Как тебе работы этого мужчины? Что-то невероятное, не правда ли? – спросил Ричард, пытаясь поддерживать непринужденный разговор.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, и в ее словах не было никакого притворства.

– Я наслаждаюсь искусством, – его улыбка оставалась нежной. – Ты же знаешь, это мое хобби. – Последовала пауза, пока они оба стояли в молчании. – О, так ты о том, что я здесь делаю в то же время, что и ты? Прямо сейчас, когда у тебя экскурсия с университетом? Абсолютное совпадение.

Она обдумала его слова, понимая, что ее скептицизм может быть оправдан. Она задавалась вопросом, не была ли эта встреча очередной манипуляцией, преднамеренным появлением в ее жизни именно в нужный момент. Инстинкт подсказывал ей оставаться осторожной, чтобы защитить себя от того горя, которое она уже пережила.

– Как ты посмел прийти ко мне после того, что сделал? – тихо сказала она с болью в голосе.

Он помолчал. Затем он сказал холодным, лишенным эмоций голосом:

– Ты хочешь, чтобы я ушел? Навсегда? – Он посмотрел ей в глаза. – Подумай, прежде чем отвечать.

Она посмотрела ему в глаза и, казалось, физически не могла выдать из себя "да".

– Так я и думал, – после нескольких минут многозначительной тишины заметил он.

– Я не хочу, чтобы ты оставался, – твердо заявила Хлоя, в ее голосе слышалась усталость.

– Но ты не хочешь, чтобы я уходил? – усмехнулся он. – Тогда это парадокс, милая.

Разочарование Хлои достигло своего пика, и она не могла разобраться в хитросплетениях поведения Ричарда. Его загадочные слова и их тревожащее воздействие на нее сводили с ума. И так, резким тоном она обратилась к нему, надеясь получить объяснение, крупицу правды от человека, который часто процветал на двусмысленности.

– Что это было?

Она надеялась добиться от него объяснений, хотя и знала, что добиться чего-либо от Ричарда было трудной задачей. Выражение его лица не изменилось, его не тронула ее напористость.

– Я был зол, – наконец признался он. – И я хотел причинить тебе боль. Никакой глубины, никакого двойного смысла.

Это был редкий момент откровенности с его стороны, суровый в своей простоте. Новообретенная ясность, хотя и тревожила сама по себе, была маленьким окошком в сложные эмоции, которые их опутывали. Пока Хлоя переваривала его

слова, она боролась со странной смесью облегчения и досады, которая пришла вместе с ними, понимая, что эмоции Ричарда, как и его действия, часто были столь же непредсказуемы, сколь и необъяснимы.

Хлоя хотела продолжить, погрузиться в глубинные проблемы, которые привели их к этому моменту. Но она не могла игнорировать тот факт, что поведение Ричарда изменилось. Он эмоционально отстранился, и его открытость была такой же мимолетной, как падающая звезда на ночном небе. Завеса его непроницаемой личности снова опустилась, оставив у Хлои больше вопросов, чем ответов.

– У тебя получилось, – сказала она пассивно-агрессивным тоном.

Ответ Ричарда был спокойным, но с оттенком сожаления.

– Я знаю. На это и был расчет, – признался он, вздыхая. – Я хочу, чтобы ты поняла, Хлоя. Все не так просто. Я не хотел причинять тебе боль. В тот момент я этого хотел, но то, чего я хочу в этих состояниях, – это не мои истинные желания.

– Ты болен? – беспокойно взглянула на него она.

– Нет, я не болен, – ответил Ричард. – Я просто страдаю перепадами настроения.

– Это не оправдание, – твердо заметила она.

– А я и не оправдываюсь.

– Зачем ты пришел сюда?

– Чтобы увидеть тебя, – честно ответил Ричард.

– С чего вдруг ты захотел увидаться? – не сдерживаясь,

ответила Хлоя. – Я не хочу тебя видеть.

– Мы оба знаем, что это не совсем так. Честно? Я скучаю по тому ощущению, когда ты рядом. – Он наклонил голову. – Помнишь, когда я сказал, что тебе нравится то, что я заставляю тебя чувствовать? С моей стороны то же самое. Вот почему я здесь.

Глаза Хлои встретились с глазами Ричарда, в ней кипел коктейль чувств. Замешательство, гнев, страстное желание – все они боролись за господство.

Она попыталась осмыслить его слова. Мысль о том, что он скучал по ней, что он признавал их взаимное влечение, задела ее за живое. Но могла ли она доверять этому? Могла ли она доверять ему после всего, что произошло?

Но она не могла отрицать, что часть ее тоже скучала по нему. Но она оставалась настороже, и голос ее звучал осторожно.

– И чего ты ждешь? Что мы просто продолжим с того места, на котором остановились? После всего, что случилось?

– Не совсем. Но я надеялся, что ты найдешь в себе силы выйти за рамки физической связи в момент эмоционального срыва, – сказал Ричард.

Она потрясенно выдохнула: "Ты пришел сюда, чтобы сказать, что я глупая? Неправильно поняла? Слишком ограничена, чтобы смотреть дальше того, что ты сделал?"

– Ты искажаешь мои слова, – сказал он.

– Искажаю твои слова? – Хлоя ответила с оттенком горе-

чи. – Чего ты от меня ждешь? Просто принять то, что ты сделал, и двигайся дальше, как будто этого никогда не было? Это не так работает, Ричард.

Когда Ричард повернулся, чтобы уйти, он тяжело выдохнул. "Почему ты не можешь попытаться понять что-то большее, чем ты?" – сказал он с оттенком отчаяния.

– Знаешь что, Ричард? – возразила Хлоя, подпитываемая гневом. – Очевидно, я действительно не дотягиваю до твоего "божественного уровня познания", о Ваше просветленное Величество. – Она была сыта по горло снисходительностью в его тоне.

Он тихо усмехнулся, на его губах появилась горько-сладкая улыбка.

– Я понял. Но подумай над тем, что я сказал.

С этими словами он тепло улыбнулся ей на прощание и ушел, оставив Хлою бороться со внутренним смятением и неуверенностью.

## 11.

Хлоя быстро шла по кампусу, стараясь сосредоточиться на пути, когда он нагнал ее, случайная встреча, которой она никак не ожидала. Ричард подошел к ней с улыбкой, в которой были в равной степени обаяние и дерзость.

– Я начинаю думать, что на самом деле больше тебе не

правляюсь.

Реакция Хлои была менее веселой. Она встретила его слова стальным взглядом и кратким ответом.

– Отстань от меня, Ричард, – сказала она, в ее тоне слышалось раздражение, она не собиралась больше участвовать в его играх. Она на собственном горьком опыте убедилась, что быть с Ричардом – все равно что танцевать на канате, и она не была готова снова упасть в эту пропасть.

– Ах, когда же ты перестанешь убегать? Мы оба этого хотим. И теперь ты снова сопротивляешься? Зачем?

В его словах была странная смесь пронизательности и высокомерия, но Хлоя была непреклонна.

– Ты не знаешь, чего я хочу. Ты меня не знаешь, – выпалила она в ответ с решимостью в глазах.

– Я прекрасно тебя знаю. – Улыбка Ричарда стала еще шире, в его взгляде появился понимающий блеск. – Ты сильная. Верная. Любящая, – мягко сказал он, почти касаясь пальцами ее подбородка, словно подчеркивая это. – Но в то же время ты слабая. Хрупкая. Уязвимая. Невинная. И вся моя.

Когда Ричард попытался все-таки дотронуться до ее подбородка, решимость Хлои пошатнулась. Она не впустила его, только не снова. Но его слова уже проникли в ее мысли, оставив ее разрываться между желанием держаться от него подальше и затянувшимися эмоциями, которые она не смогла полностью подавить.

Хлоя долго думала над вопросом, любил ли Ричард ее ко-



гда-нибудь по-настоящему. В этот момент она решила выяснить напрямую.

– Ты когда-нибудь любил меня? – спросила она, ища в его глазах намек на искренность.

Ричард, однако, уклонился от ответа со своей обычной беспечностью.

– Любовь – сложная штука, моя дорогая. Я никогда ничего не обещал. Однако это не мешает нам хорошо проводить время вместе.

Его ответ заставил ее почувствовать себя так, словно ей дали пощечину, боль от его равнодушия пронзила ее насквозь.

Хлоя почувствовала, как земля ушла у нее из-под ног, оставив ее подвешенной в эмоциональной пропасти. Это было больно. Ужасно. Она была поражена кучей эмоций – гневом из-за его небрежного ответа, обидой из-за безразличия в его тоне, болью от осознания того, что его чувства никогда не соответствовали ее собственным. Но самое главное, чувство вины грызло ее душу. Вина за то, что позволила себе так глубоко влюбиться в него, вина за то, что не увидела правду раньше.

В тот момент все приводило ее в бешенство. То, как легко он мог говорить об их отношениях, глубина, с которой его слова все еще влияли на нее. Но что бесило ее больше всего, так это ее собственная уязвимость, ее неспособность сопротивляться его обаянию даже сейчас. Эта внутренняя борьба

разожгла в ней жгучую ненависть – к нему и к себе.

Хлоя больше не могла сдерживать свои слова, и они сорвались с ее губ со смесью гнева и обиды.

– Ты никогда не любил меня. Ты никогда не любил никого, кроме себя, – обвинила она его, и в ее голосе прозвучала горечь.

Он, однако, оставался невозмутимым.

– Ты ничего не знаешь обо мне, милая. Но имеет ли это значение? Любовь переоценивают, – возразил он, слегка коснувшись пальцами ее щеки.

Его прикосновение стало последней каплей. Разочарование и обида Хлои переполняли ее, и она отреагировала импульсивно. Она резко отбросила его руку, но это движение, вызванное ее сильными эмоциями, переросло в непреднамеренный удар. Физическое проявление ее эмоционального потрясения вызвало у нее чувство странной смеси силы и сожаления, как будто ей наконец удалось оттолкнуть его, но ценой потери контроля.

Хлоя стояла там, дрожа от смеси гнева, шока и чувства силы. Она пристально смотрела на него, ее грудь вздымалась, рука болела от удара, из-за которого у него из носа потекла кровь. Его реакция оказалась совсем не такой, какой она ожидала.

Он посмотрел на нее с удивительным сочетанием шока и веселья. Кровь текла у него из носа, но на лице застыла кривая усмешка.

– Ах. Я понял. Ты злишься, – сказал он с мрачным смешком. – Ты наконец-то потеряла контроль. Как тебе это чувство? – Он поднял руки, приглашая ее ударить снова. – Ударь меня. Я не буду тебе отвечать. – Его глаза потемнели. – Тебе стало легче? – Кровь окрасила его губы, когда он улыбнулся. – Я знаю, что стало. Так что не подавляй свои желания, дорогая.

В его словах была странная смесь провокации и понимания, оставившая Хлою в состоянии замешательства и неповиновения. Она отдернула руку.

– Мы не похожи. Мне не нравится причинять боль людям ради собственного развлечения.

Ричард, чье поведение все еще оставалось странно спокойным, несмотря на кровоточащий нос, запротестовал: "Ты не понимаешь мотивации моих действий".

Гнев Хлои, хотя и не совсем искренний, был очевиден, когда она огрызнулась в ответ: "И не хочу". С этими словами она отвернулась, полная решимость оставить эту тревожную встречу позади.

– Прощай, Ричард.

– До встречи, – спокойно произнес Ричард с едва заметной улыбкой в голосе, оставив Хлою с сохраняющимся чувством двусмысленности и неуверенности.

## 12.

Хлоя стояла на своей светлой кухне, аромат свежих овощей наполнял воздух, пока она готовила салат. Она ловко нарезала помидоры, погруженная в свои мысли, когда внезапно раздался звонок, нарушивший ее концентрацию. Она вытерла руки кухонным полотенцем и подняла трубку.

Из телефона донесся знакомый мягкий голос. Это была ее мать, звонившая, как они часто делали, просто чтобы поболтать.

– Привет, дорогая, – прозвучал в трубке успокаивающий голос, и улыбка Хлои стала шире от знакомой теплоты.

– Привет, мам, – ответила Хлоя с явной нежностью в голосе. Разговор шел по заведенному порядку, затрагивая такие темы, как работа, учеба и мелочи их жизни. Хотя эти обмены любезностями, возможно, казались обычными, они имели глубокое значение для Хлои, придавая ощущение нормальности ее в остальном бурной жизни.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Хлоя с неподдельным волнением. У ее матери были некоторые проблемы со здоровьем, и Хлоя постоянно беспокоилась о ней.

– Я держусь. И еще раз поблагодари своего друга от меня, – сказала ее мать, и в ее голосе прозвучала признательность.

Хлоя на мгновение была озадачена.

– Какого друга? – спросила она, пытаясь вникнуть в ситуацию.

– У тебя много друзей-альтруистов? – ответила мама мягким смешком. – Я говорю о Ричарде.

Хлоя была застигнута врасплох. Она понятия не имела, что имела в виду ее мать.

– За что? – наконец спросила она. Упоминание о Ричарде открыло ящик Пандоры, полный вопросов и замешательства.

– Как за что? – эхом раздалось из трубки, которая, казалось, была так же озадачена. – Он купил мне то лекарство. И выписал чек, чтобы оплатить операцию. Он сказал, что расскажет тебе позже, как сюрприз.

Хлоя была ошеломлена. Ее раздражало, что он действовал от ее имени без ее ведома или согласия. Его вторжение, не посоветовавшись с ней, было самонадеянным и, по ее мнению, агрессивным. Хлоя ценила свою независимость и возмущалась любым вмешательством в ее дела, особенно со стороны кого-то вроде Ричарда.

Поняв замешательство своей матери, Хлоя быстро встала: "Ах, да. Точно. Я совсем забегалась. Должно быть, я забыла рассказать. Я очень благодарна ему." Ее речь ускорилась, и она не могла дождаться окончания разговора.

Она стояла на кухне, все еще держа в руке нож, и кипела от гнева, когда из трубки раздавались гудки. Она была зла не только потому, что он сделал что-то доброе для ее семьи, но

и потому, что это вызвало в ней такие эмоции. В идеальном мире ей было бы все равно, но реальность была другой.

Когда он наконец ответил после трех гудков, его голос, теплый, как всегда, наполнил ее слух.

– Наконец-то мне выпала честь услышать твой голос, – сказал он.

Но Хлоя не собиралась обмениваться любезностями.

– Как ты смеешь приближаться к моей матери? – выпалила она, надеясь выразить всю глубину своего неудовольствия.

– Хлоя, хочу сказать, что мне не нравится твой тон, – заметил он, его собственный тон стал холодным. – У тебя странный способ говорить "спасибо". И все же, несмотря на гнев, какая-то часть ее все еще колебалась. Она не хотела полностью оттолкнуть его, но ей нужно было, чтобы он понял границы, которые он пересек.

Хлоя не смогла удержаться от смеха.

– Спасибо? – удивленно повторила она. – У тебя не получилось связаться со мной, поэтому ты решил действовать через мою мать?

Ответом Ричарда был усталый вздох.

– Почему ты не можешь просто принять, что тебе дают?

– Мне не нужны твои подачки! – повысила голос Хлоя, ее гнев нарастал. Она не просто отказывалась от его предложения; она отвергала саму идею о том, что нуждается в его помощи.

– И ты ставишь свою гордость выше здоровья матери? – Ричард остался невозмутимым. – Я не ребенок, Хлоя, мне не нужно твое разрешение.

Их разговор был наполнен напряжением, и ни один из них не желал отступить.

Гнев Хлои разгорелся еще сильнее от его слов, она чувствовала, что ее мир выходит из-под контроля.

– Ричард, ты не имеешь права, – сказала она, ее голос дрожал. – Дело не в гордости. Речь идет о границах, уважении и элементарной порядочности. Ты не можешь просто так врываться в жизнь моей семьи, думая, что можешь все исправить своими деньгами.

– Ты такая упрямая, Хлоя, – сказал он, в его ответе слышалось разочарование. – Я сделал то, что посчитал правильным.

– Я не нуждаюсь в твоей благотворительности, – парировала Хлоя, она была непреклонна, и ее гнев был щитом против любых мотивов, которые могли быть у Ричарда.

На линии повисла пауза, тяжелое молчание, как будто они оба боролись с грузом своих нерешенных проблем. Хлоя наконец заговорила с нотками уязвимости в голосе.

– Ричард, ты не можешь просто появиться и купить себе место в моей жизни, когда тебе захочется. Мне нужно личное пространство, и ты не можешь просто швырять деньги на все подряд и ожидать, что это исправит беспорядок, который ты оставил после себя.

– Ты правда так расстроена из-за этого? – его голос остался на удивление спокойным. – Или дело в том, что ты все еще пытаешься разобраться в своих чувствах и пытаешься подавить то, чего ты на самом деле хочешь? Зачем ты так мучаешь себя, Хлоя?

Ее голос надломился, когда она попыталась передать ту огромную внутреннюю борьбу, с которой столкнулась.

– Потому что в последний раз, когда я следовала своим желаниям, я осталась мертвой внутри! – Ее крик был наполнен смесью гнева и боли, необузданные эмоции, которые она пыталась сдержать, выплеснулись наружу.

– И я не позволю этому повториться!

– Как я могу доверять тебе после всего этого? – спросила она тихим, но полным сомнения тоном.

– Хлоя, жизнь далека от сказки, – заявил он. – У всего есть своя цена. В жизни будут боль и разочарование. Главный вопрос в том, стоят ли они того счастья, которое ты обретаешь?

Хлое оставалось только обдумывать эти слова, ее чувства и мысли кружились в вихре неуверенности и тоски.

– Отлично, – в трубке была слышна его довольная улыбка. – Подумай об этом на досуге.

– Прости, что ударила тебя, – быстро сказала она и повесила трубку, охваченная водоворотом противоречивых эмоций. Ей нужно подумать.

Его голос звучал в ее сознании, смесь удовлетворения и обольстительности, которая продолжала дразнить ее.



Но в присутствии Ричарда было трудно ясно мыслить, даже если он был просто на линии связи. Будто бы он обладал властью нарушать ход ее мыслей и эмоций, оставляя ее мысли в запутанном, неразличимом беспорядке. Хлоя знала, что ей нужно пространство и уединение, чтобы обдумать свои чувства и разобраться в возникшей суматохе.

Хлоя осталась одна на своей кухне, остатки неподготовленного ею салата были разбросаны по столешнице. Послеполуденный солнечный свет струился через окно, отбрасывая на пол узоры света и тени. Комната, обычно служившая местом утешения и спокойствия, казалась странно наполненной отголосками ее разговора с Ричардом.

Она прислонилась к стойке, ее мысли кружились, как буря. Голос Ричарда всегда был смесью очарования и разочарования, силой, которая одновременно привлекала и отталкивала ее. Вопросы, которые он поднимал о желании, счастье и цене любви, крутились в ее голове, бросая вызов ее убеждениям и принципам.

Хлоя не могла не думать о болезненных воспоминаниях, которые были связаны с ее отношениями с Ричардом. Его действия оставили шрамы на ее сердце, и она возвела стены, чтобы защитить себя от дальнейшей боли. Но его присутствие, даже посредством телефонного звонка, каким-то образом разрушало эту защиту.

Размышляя о своих чувствах и решениях, которые ей нужно будет принять, Хлоя почувствовала глубокую озада-

ченность. Она знала, что должна обрести ясность, понять, были ли слова Ричарда искренними или это просто еще одна из его игр с убеждением. Но, несмотря на всю эту неразбериху, она была полна решимости оставаться верной себе, защищать свое собственное счастье и избегать повторения ошибок прошлого.

### 13.

Глубокой ночью Хлоя продолжала обдумывать свой выбор, в конечном счете осознав, что путь к прощению, если она решит вступить на него, будет далеко не легким. И все же, когда она закрыла глаза и погрузилась в беспокойный сон, она не могла отрицать, что возможность второго шанса с Ричардом оставалась проблеском надежды в уголке ее сердца.

Она прокручивала в уме их разговоры, особенно его извинения. Было ясно, что он сожалеет о своих действиях, и она не могла не признать, что часть ее тосковала по той связи, которая когда-то была между ними. Однако шрам от его предательства был глубоким, и это заставляло ее чувствовать себя уязвимой и колебаться, стоит ли снова доверять ему.

Она задалась вопросом, было ли ее желание дать второй шанс продиктовано искренними чувствами или страхом потерять что-то значительное в своей жизни.

Зазвонил телефон, и Хлоя неохотно сняла трубку.

– Здравствуй, Хлоя, – послышался голос Ричарда. – Как ты? Без слез, без жизни, без любви?

– Ты имеешь в виду без тебя? – ответила Хлоя, сохраняя самообладание. – Неплохо. По крайней мере, никто меня не ранит.

Ричард издал тихий смешок.

– Ауч. Неужели для тебя посредственная безопасность важнее, чем яркая нестабильность?

– Ты для этого позвонил мне? – ответила она вопросом на вопрос.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – с усталым вздохом спросил он.

Хлоя на мгновение замолчала, неуверенная в своих собственных желаниях в сложной паутине их отношений.

– Я не знаю, – призналась она, оставив вопрос повисшим между ними.

Хлоя сидела у окна, все еще держа телефон в руке. Она уже привыкла к эмоциональному взрыву, сопровождавшему звонки Ричарда. Ее мысли кружились, как листья, подхваченные бурей. Это была история любви, наполненная болью, американские горки эмоций.

Она не могла отрицать того влечения, которое она испытывала. Его обаяние, его слова, его присутствие – все это притягивало ее, как бы сильно она ни пыталась сопротивляться. Он был подобен силе природы, одновременно разру-

шительной и непреодолимой. Их история была запечатлена моментами эйфории, за которыми следовало глубочайшее отчаяние.

Теперь он позвонил снова, и ее сердце бешено заколотилось, несмотря на все ее усилия казаться спокойной. Вопросы Ричарда заставили ее искать ответы, которых у нее не было. Чего она от него хотела? Безопасность? Стабильность? Или она тосковала по той интенсивности и страсти, которые они разделяли, несмотря на боль, которую это приносило?

– Зачем ты строишь из себя недотрогу? Ты отвечаешь на звонки. Зачем притворяться, будто ты хочешь, чтобы я повесил трубку? – спросил он, его голос был тяжелым и странным. Такого тона она от него раньше не слышала, и это вызвало в ней незнакомое беспокойство.

– Все в порядке? – внезапно спросила Хлоя.

Тревожное ощущение начало зарождаться у нее в груди, поскольку Ричард продолжал молчать, и его пауза усиливала ее растущее беспокойство. Баланс в их разговорах изменился, и она не могла игнорировать затаенное волнение, которое теперь сопровождало их беседу. Ричард не из тех, кто предпочитает хранить молчание.

– Ричард? – осторожно спросила она.

После еще нескольких мгновений он сказал холодным, лишенным эмоций голосом: "Мой отец умер".

Сердце Хлои упало, когда эти слова прозвучали в трубке. Его обычный уверенный и часто загадочный тон исчез, сме-

нившись суровым, бесчувственным голосом, который вызывал у нее одновременно сочувствие и неуверенность.

– Мне так жаль это слышать, Ричард, – наконец ответила Хлоя, в ее голосе звучала смесь сочувствия и озабоченности.

Сердце Хлои сжалось от осознания горя Ричарда. Несмотря на бурную историю между ними, его страдания всколыхнули глубины ее сострадания и сопереживания. Когда-то она хотела, чтобы он понял, какую боль причинил ей, но теперь, столкнувшись лицом к лицу с его собственной скорбью, она не могла не почувствовать глубокую, невыносимую дыру в своем собственном сердце.

– Спасибо, – тихо сказал Ричард.

Хлоя чувствовала, что он хотел сказать еще что-то, но, похоже, на данный момент он предпочел оставить свои мысли при себе. Ее мысли металась, когда она вспоминала все случаи, когда Ричард упоминал своего отца. Он мало что рассказывал, но Хлоя понимала, с каким глубоким уважением и привязанностью он относился к нему.

Мука, которую он, должно быть, испытывал, была неизмерима, и собственная жалость Хлои к нему тяжелым грузом лежала у нее на сердце. После общего молчания, которое, казалось, растянулось на вечность, она собралась с духом, чтобы предложить свою поддержку: "Может быть, если... если я смогу как-то помочь...".

– Что ты имеешь в виду? – мягко спросил он.

– Я не знаю... Я просто... не хочу, чтобы ты был один во

всем этом, – сказала Хлоя, ее голос дрожал от неуверенности.

– Один? – невесело усмехнулся он. – Иронично, учитывая, что именно ты бросила меня. Но спасибо за предложение.

Хлоя почувствовала смесь смущения и вины, осознав, что ее попытка утешить его была воспринята не очень хорошо.

– Ладно... Я надеюсь, с тобой кто-нибудь есть...

Ответ Ричарда был резким, его голос на мгновение дрогнул, прежде чем к нему вернулось самообладание.

– Подожди. Пожалуйста, подожди, – попросил он. Он собрался с духом и продолжил: "Возможно, ты можешь... приехать? Я обещаю, что не сделаю ничего неправильного. Это в прошлом."

Ее сердце екнуло от неожиданной просьбы. Будто земля под ней сдвинулась с места. Смешанные эмоции бурлили в ней, но она не могла игнорировать уязвимый оттенок в голосе Ричарда. Его просьба вызвала момент сильной неуверенности и заставила ее задуматься, было ли это возможностью восстановить отношения или неразумным решением.

Действительно, было необычно слышать Ричарда в таком состоянии, и Хлоя не могла не почувствовать укол сочувствия к нему.

– Конечно. Мне жаль, Ричард, – искренне ответила она, в ее голосе слышалось неподдельное беспокойство.

Он тяжело вздохнул, его сомнение было очевидным.

– Спасибо, – сказал он, прежде чем закончить разговор.

Она все еще злилась на него за ту боль, которую он причинил ей, но какая-то часть ее искренне заботилась о его благополучии. Она знала, что видеть его в таком состоянии будет непросто, но она не могла избавиться от чувства ответственности, которое испытывала.

Когда Хлоя стояла перед домом Ричарда, она колебалась. Поездка казалась слишком долгой, она задавалась вопросом, действительно ли ее присутствие что-то изменит. Но ее беспокойство за Ричарда победило все ее сомнения, и она решила быть рядом с ним.

Когда Ричард открыл дверь, его появление поразило ее. Он выглядел бледным, усталым и совсем не похожим на того сдержанного и уверенного в себе мужчину, к которому она привыкла. Уязвимость в его взгляде нервировала, и это заставило ее осознать степень его боли.

– Хлоя? – он посмотрел на нее странным взглядом. – Ты правда пришла...

Услышав свое имя из его уст, Хлоя кивнула, ее голос был нежным, когда она ответила:

– Да, Ричард, я пришла.

Ее сердце защемило, когда она увидела смятение в его глазах, и она подошла ближе, предлагая свое присутствие как источник поддержки и утешения в трудную минуту. Перемена в поведении Ричарда была настолько разительной, что

вызвала у нее чувство некоторой дезориентации.

Хлоя почувствовала неловкость, повисшую в воздухе, когда она вошла в дом Ричарда. Прошло много времени с тех пор, как она была здесь в последний раз, и обстоятельства сильно отличались от их предыдущих встреч.

Пытаясь прервать тишину, Хлоя задала волнующий ее вопрос, хотя он и казался банальным.

– Как ты себя чувствуешь? Я знаю, тебе это очень тяжело... – в ее голосе слышалось неподдельное беспокойство.

Ричард отвел взгляд и прочистил горло, пытаясь скрыть свои эмоции.

– Я справляюсь.

Пока Ричард следовал за ней, Хлоя шла по знакомым комнатам, ее взгляд скользил по неизменной обстановке, которая сегодня почему-то казалась другой. Но пока она блуждала по залу, ее взгляд был прикован к произведению искусства, той самой картине, которая положила начало их запутанной связи. Она остановилась у картины, теряясь в ее оттенках и штрихах.

Затем, откуда-то сзади, тишину нарушил голос Ричарда, мягко заявивший: “Ах, да. Я купил ее”. – В его словах была необычная теплота, которая заставила ее задуматься. Повернувшись к нему лицом, Хлоя увидела в глазах смесь удивления и признательности. Это был неожиданный и нежный жест, отход от типичной сдержанности Ричарда. “Внезапно я почувствовал, что хочу видеть ее у себя дома”. Хлоя чув-



ствовала эмоциональный подтекст в его действиях, который казался нехарактерным, но значительным. Это была часть их общей истории, и тот факт, что Ричард хотел сохранить ее, казалось, выражал молчаливое, но глубокое признание.

Хлоя прикусила губу, ее глаза быстро оглядели гостиную.

– Мне что-нибудь принести?

– Нет, нет, не стоит, – ответил Ричард. – Но спасибо за предложение. Не хочешь чего-нибудь выпить? Может быть, воды или сока?

– Нет, спасибо. Я просто не хочу, чтобы ты оставался один в такой момент... – в ее словах звучала искренность.

На мгновение взгляд Ричарда смягчился, слабая улыбка тронула его губы.

– Почему? Не так давно ты чуть ли не назвала меня монстром.

Нерешительность Хлои сменилась осознанием: человек, стоящий перед ней, был не просто источником боли, но и тем, кто сейчас страдал. Ее сочувствие к его горю пересиливало затянувшийся гнев.

– Да... но... – Хлоя нервно прикусила губу, – так странно видеть тебя таким... Я не знаю. Почему-то мне тяжело.

Ричард, на лице которого все еще была заметна печаль, медленно кивнул.

– Мне тоже. Однако не чувствуй себя обязанной остаться, если правда хочешь уйти.

– Я не чувствую себя обязанной, – она покачала головой. –

Я хочу остаться...

Ее присутствие казалось важным, даже несмотря на то, что обстоятельства были совсем не комфортными.

Некоторое время они сидели в полном молчании.

– Я знаю, что ты глубоко любил своего отца, и уверена, что он тоже это знает...

Слова Хлои, хотя и были искренними, все же казались неадекватными. Она изо всех сил пыталась понять, как предложить поддержку тому, кто скорбит, но в тот момент ее присутствие, казалось, говорило громче, чем ее слова.

Взгляд Ричарда был тяжелым, когда он отвел глаза.

– Да, я правда любил его. Несмотря на то, что его почти все время не было рядом, он все равно оставался моим отцом. И я любил его. Надеюсь, он знал это. – В его голосе слышалось сожаление. – Даже если я никогда этого не говорил...

Хлоя попыталась хоть как-то утешить его, мягко сказав: "Я уверена, что знал".

Он пожал плечами, пытаясь преуменьшить значение своих чувств, но было очевидно, что говорить об этом ему больно.

– Возможно. Присоединишься? – Он поднял стакан виски и, не дожидаясь ответа, осушил его одним глотком.

Хлоя приняла бокал виски, но сделала лишь маленький глоток, наблюдая за Ричардом, который быстро выпил второй бокал. Беспокойство наполнило ее глаза, когда она спросила: "Я могу как-нибудь помочь? Тебе что-нибудь нужно?"

– Нет, – ответил Ричард с мягкой ухмылкой. – Я в порядке. Просто... хочу пить. – Он налил еще один стакан виски и сделал солидный глоток. – А что насчет тебя? Я предложил тебе то же самое, но если ты хочешь чего-то конкретного...

– Нет, нет, – ответила Хлоя, покачав головой. – Спасибо. К тому же, я не думаю, что сейчас подходящее время думать обо мне. – Она прочистила горло и затронула щекотливую тему: “Что случилось с твоим отцом? Если я могу спросить... Ты просто никогда не говорил мне, что он был болен.”

– Он не был болен. – Ричард продолжал потягивать виски. – По крайней мере, физически. Это был... несчастный случай. Трагический случай. У него всегда было это увлечение экстремальными видами спорта, даже когда он стал старше.

– У него было та же штука, что и у тебя? – осторожно спросила Хлоя.

– Нет, – мрачно ухмыльнулся Ричард. – Эта “штука”... под которой ты, конечно, подразумеваешь мою легкую нестабильность, это подарок моей матери. Неплохое сочетание, не правда ли? – Он тихо усмехнулся и сделал еще один глоток.

– Ты никогда ничего не рассказывала мне о своем детстве... – Она чувствовала себя все более неловко по мере того, как Ричард продолжал напиваться.

– Мое детство? – эхом повторил он. – Оно было... интересным. Не много поводов для гордости. Как я уже упоминал, мой отец часто отсутствовал. Моя мать... ну, она была

прекрасным, хаотичным вихрем, – признался он, небрежно пожав плечами. – Но что было, то было. – Он взглянул на Хлою, и слабая улыбка украсила его губы, прежде чем исчезнуть, сменившись отстраненным холодом. – Мне больше нечего рассказывать, Хлоя. Остальное я оставлю твоему воображению, – заключил он.

– Хорошо, – тихо ответила Хлоя, решив не давить дальше. – Я искренне сожалею о твоём отце.

Ричард сделал еще один солидный глоток своего напитка и некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Наконец, он глубоко вздохнул и задал наводящий на размышления вопрос. "Скажи мне, Хлоя... на что бы ты была готова пойти, чтобы спасти чью-то жизнь?"

Хлоя обдумывала этот вопрос, ее взгляд был отстраненным.

– Конечно, я бы сделала все, что в моих силах, чтобы спасти жизнь человека, – начала она, – но это зависит от человека... то, как далеко я готова зайти.

Мягкая ухмылка Ричарда намекала на что-то более глубокое, когда он допил свой бокал.

– Ах, но что, если бы это был кто-то, кого ты любила? Была бы ты готова рискнуть всем, чтобы спасти его? Или ты позволила бы ему уйти, зная, что его смерть может быть единственным способом спасти тебя от вечной боли и мучений?

Ответ Хлои последовал после вдумчивой паузы.

– Это... Я не знаю... Мир же не черно-белый, – начала она, – но, отвечая на твой вопрос... Я думаю, что рискнула бы всем. Не потому, что это правильное решение, а потому, что я не смогла бы жить, зная, что могла бы спасти своего любимого человека, но не сделала этого.

Ричард посмотрел на нее с необычным выражением лица.

– Это рискованная игра, Хлоя. Но иногда цена выживания слишком высока, чтобы ее можно было заплатить.

Он налил себе еще один стакан виски и быстро выпил его одним глотком. Хлоя посмотрела на Ричарда с беспокойством.

– Может, тебе уже достаточно? Я знаю, ты в горе, но это тебе не поможет... – начала она, но ее слова оборвались, когда она заметила его реакцию.

– О, Боже, Хлоя, – Он издал приглушенный смешок. – Я только что потерял своего отца, прояви хоть немного уважения, – сказал он. Хлоя смутилась и откинулась на спинку стула, молча потягивая свой первый бокал.

Ричард беззаботно продолжил, переводя разговор на более философскую тему: "Ты веришь в концепцию искупления? Возможно ли вообще вернуться назад, после наших самых мрачных поступков? Мне любопытно, что ты думаешь."

Хлоя на мгновение задумалась, прежде чем ответить.

– Ну, я думаю, это зависит от того, что ты сделал. Думаю, некоторые вещи не заслуживают прощения.

– Мудрые слова, Хлоя, – Ричард кивнул, его взгляд был

отстраненным. – Но что, если темнота станет еще глубже? Что, если грехи настолько велики, что они никогда не смогут быть полностью искуплены? Что же тогда? Любопытство. Это мощная вещь. Оно движет нами, побуждая исследовать новые миры, расширять границы наших знаний. Бесконечные возможности таятся в этом источнике жажды познания, тебе не кажется?

По мере того как разговор принимал все более философский оборот, Хлоя не могла избавиться от чувства неловкости. Она ожидала, что придет сюда, чтобы предложить утешение и поддержку во время скорби Ричарда, но теперь они углублялись в вопросы об искуплении и тьме.

Она посмотрела на него.

– Я не знаю, Ричард, – задумчиво ответила она. – Концепция искупления сложна. Некоторые поступки действительно могут быть настолько отвратительными, что искупление кажется невозможным. Но я верю, что люди могут измениться, что они могут загладить свою вину. Возможно, это не сотрет прошлое, но может указать путь вперед.

Взгляд Ричарда оставался отстраненным, его мысли явно были далеки от их нынешнего окружения.

– Что, если, – размышлял он, – нас определяют наши самые темные поступки, они преследуют нас, как будто мы гонимся за бесконечным поиском искупления? Является ли это недостижимой целью, или же это придает цель и смысл нашему существованию?

Хлоя не была уверена, к чему клонит Ричард, но чувствовала, что эти вопросы были для него глубоко личными.

– Стремление к искуплению может стать движущей силой позитивных перемен, – осторожно предположила она. – Но очень важно встретиться лицом к лицу со своим прошлым и принять ответственность за свои поступки.

Ричард кивнул, его глаза наполнились смесью меланхолии и задумчивости.

– Действительно, встреча лицом к лицу со своим прошлым – это решающий шаг. Но что, если ты прикован к нему цепью, и оно становится твоей неотделимой тенью? Неотвратимая пропасть вины и сожаления?

Хлоя чувствовала, что разговор становится все более тяжелым, и она не была уверена, как ответить. Его вопросы были личными, и она не хотела случайно беречь старые раны. После задумчивой паузы она честно ответила: "Я не знаю, Ричард".

Он воспринял ее ответ со спокойной признательностью, сказав: "Мне нравится твоя честность". Затем, неожиданно, Ричард снова сменил тему разговора, спросив: "Разве ты не собираешься спросить, как это произошло?"

Реакция Хлои была почти физической, как будто холодок пробежал у нее по спине. Она поколебалась, прежде чем ответить.

– Я... Я не уверена, что это то, о чем ты хочешь говорить. Ты упоминал, что это было связано с несчастным случаем.

– Он всегда был таким упрямым. Всегда выходил за рамки дозволенного, даже в своем возрасте. Он думал, что способен на что угодно. Что сможет доказать, что все ошибаются. Но, в конце концов, он был просто человеком. Хрупким, смертным существом. – сказал он холодным голосом. Его состояние балансировало между холодом и печалью, равнодушием и скорбью. Казалось, это был его естественный защитный механизм.

– Черт, Ричард. Я... понятия не имею, что ты чувствуешь... – честно сказала она.

– Как и я, Хлоя. Как и я. Но услышь мои слова: горе – это зверь, который питается тишиной и одиночеством. Так что говори со мной о чем угодно, даже просто о погоде или твоим любимым цвете. Просто...

Его голос затих, невысказанная мольба о соединении тяжело повисла в воздухе. Казалось, он пытался сохранить видимость стоицизма, но трещины в его эмоциональной броне были очевидны.

Выполняя его просьбу, она пыталась разглядеть хоть какое-то изменение в его взгляде, но он оставался каким-то... пустым?

Бутылка медленно опустошалась, в какой-то момент он перебил ее, потянувшись за виски, и пробубнил сам себе: «Мне нужно забыть эту чертову ночь.»

В голосе Хлои звучали нежные и ободряющие нотки, когда она пыталась помочь Ричарду справиться с его болью.



Она осознавала необходимость отвлечься, но также понимала, что забвение – это не решение проблемы. Она наклонилась и осторожно взяла стакан из его дрожащих рук, ее взгляд был мягким, но непоколебимым.

– Ричард, тебе не нужно забывать, – серьезно сказала она, – тебе нужно пережить это и в конце концов отпустить. Но тебе не нужно забывать, потому что, если честно, ты не сможешь. Попытка забыть будет только способом еще больше мучить себя.

Она чувствовала настоятельную необходимость достучаться до него, не дать ему еще глубже погрузиться в пучину горя и склонности к саморазрушению, которые часто сопровождали трагедии.

Он кивнул, и в его голосе прозвучала тяжесть его горя.

– Наверное, ты права. Я просто... Я не знаю, продолжать жить дальше. Такое чувство, что часть меня умерла вместе с ним. Как будто я просто выполняю свои автономные функции, понимаешь? Просто существую вместо того, чтобы жить.

Хлоя глубоко вздохнула, в ее глазах отразилось сочувствие, когда она вспомнила свое собственное разбитое сердце, когда Ричард разрушил ее мир.

– Я знаю, каково это, – сказала она, и воспоминания о ее собственной боли вновь всплыли на поверхность.

Ричард сжал губы, его обычная защита рухнула, когда он заговорил с нехарактерной для него уязвимостью.

– Я вижу боль в твоих глазах, Хлоя. Мне жаль, что я заставил тебя пройти через это. И спасибо тебе за то, что ты сейчас здесь.

Его слова на мгновение лишили Хлою дара речи, его благодарность и открытость резко отличались от его обычного поведения. После паузы она ответила с неподдельной теплотой: "Конечно... Я всегда здесь, если нужна тебе."

Он сделал очередной глоток своего напитка, пытаясь найти хоть какое-то утешение в ощущении жжения в горле.

– Итак, как у тебя дела? Что интересного произошло в твоей жизни в последнее время? – спросил он, пытаясь увести разговор в сторону от своих собственных проблем.

Хлоя с радостью подыграла, надеясь отвлечь мысли Ричарда от его боли.

– Да, не так уж и много. Я сдала экзамены, и скоро мы перейдем на третий курс. Но я не уверена, что стану хорошей художницей.

Слабая улыбка тронула губы Ричарда.

– Ты безупречная художница, моя дорогая. Забудь всякий раз, когда я говорил тебе обратное...

Выражение ее лица потеплело от признательности.

– Спасибо, – искренне ответила она. Она заметила пустую бутылку из-под виски, которую осушил Ричард. – Ты не хочешь спать?

Он потряс головой, пытаясь избавиться от путаницы в голове.

– Пока нет. У меня все еще есть это... ощущение пустоты внутри.

Хлоя хотела, чтобы Ричард заснул и нашел хоть какую-то передышку от своей боли, и подавила собственное чувство дискомфорта, когда Ричард потребовал еще бутылку. Когда он быстро опустошил стакан, она мягко спросила: "Можешь рассказать о нем побольше?"

Взгляд Ричарда стал отстраненным, его голос отяжелел.

– Он был сильным и заботливым, но всегда была эта дистанция. Как будто он что-то скрывал. Может быть, именно поэтому его потеря так болезненна. Я так и не узнал его по-настоящему.

Слушая его историю, Хлоя пыталась понять, какое глубокое чувство потери он, должно быть, испытывает.

– Он был трудолюбивым, умным человеком, так он и добился своего богатства. – продолжил Ричард. – Но ничто в жизни не обходится даром. Он редко бывал рядом, всегда занятый делами. Я восхищался им, но никогда по-настоящему не понимал его. Были моменты, когда мы были вместе, но всегда существовала эта пропасть. И все же я глубоко любил его.

Хлоя почувствовала печаль в его словах и протянула руку, положив ее на его ладонь, молча предлагая свою поддержку, пока он боролся со сложностями своих чувств к отцу и пустотой, оставшейся после его отсутствия.

– Я верю, что он неустанно работал, чтобы обеспечить те-

бе будущее, которого ты заслуживал, и я не сомневаюсь, что он глубоко любил тебя. – кивнула она.

Ричард убрал руку и отвернулся, на его лице отразилась смесь сожаления и грусти.

– Может быть... Но я все равно жалею, что не мог быть с ним чаще. Чтобы он знал, что я тоже люблю его.

Хлоя почувствовала, как Ричард взвалил на свои плечи столько боли и вины, и это было невыносимо несправедливо. Она протянула руку, чтобы успокоить его, ее голос был мягким и нежным: "Я уверена, что он знал, Ричард".

Ей хотелось бы унять боль, которую он испытывал, и все исправить, но все, что она могла сделать, это быть рядом с ним в этот момент.

Тяжелое, задумчивое молчание повисло в комнате после того, как Ричард небрежно пожал плечами. Он пытался замаскировать внутреннее смятение напускным безразличием.

– Я не знаю... Возможно, так и было. В любом случае, сейчас это не важно.

Хлоя наблюдала за ним, пока он медленно отпивал из своего бокала, на мгновение погрузившись в самоанализ.

Затем, нарушив тишину, голос Ричарда прорезал воздух, привлекая внимание Хлои.

– Зачем ты пришла? – спросил он, испытующе глядя ей в глаза.

Хлоя почувствовала, как ее сердце пропустило удар. Она

знала ответ, но ее губы произносили слова, которых, по ее мнению, он ждал. Ее пристальный взгляд оставался прикованным к Ричарду, когда она ответила:

– Я просто... не хотела, чтобы ты был один, – тихо ответила она.

Тени играли на лице Ричарда, когда он выдавил слабую улыбку.

– Но почему? – спросил он, в его тоне слышалась смесь любопытства и саморефлексии. – Я знаю, ты хотела, чтобы я страдал. Почувствовал то, что чувствовала ты. Что изменилось?

Взгляд Хлои дрогнул, ее эмоции превратились в вихрь замешательства.

– Я не знаю... когда я действительно увидела тебя таким... Я почувствовала боль. Я не знаю почему. – Ее голос был полон неподдельного недоумения.

Смех Ричарда, подпитываемый алкоголем, наполнил комнату.

– Ты не знаешь... В этом все мы, не так ли? – размышлял он. – Я тоже не знаю, зачем позвонил тебе. Почему я продолжаю пытаться дозвониться до тебя. И ты не знаешь, почему продолжаешь приходить ко мне. Выглядит не очень здорово, правда? – В его смехе были темные и горькие нотки.

Хлоя задумалась над его словами. Это была правда, которую она не могла отрицать. Сложность их эмоций и замысловатый танец притяжения и отталкивания привели их в это

необычное и неопределенное место. Она никогда не думала, что окажется в такой ситуации.

Хрупкая, но искренняя улыбка появилась на губах Хлои.

– Да, что поделать. Мы пропащие люди. Но... Я рада, что ты позвонил. Несмотря на то, что я зла на тебя, я бы не хотела, чтобы ты проходил через это в одиночку.

Ричард сделал еще один глоток из бутылки и глубоко вздохнул.

– Я рад, что ты пришла. Но не задерживайся слишком долго, ладно? Я не хочу опять ранить тебя. – В его голосе слышалась нотка беспокойства, даже в его нетрезвом состоянии.

Сердце Хлои защемило, когда она услышала эти слова. Это были его настоящие мысли, обнаженные алкоголем и горем. Ричард терял контроль, и она беспокоилась, что ее присутствие может непреднамеренно причинить ему боль.

– Я буду здесь, пока буду нужна тебе, – решительно заявила его Хлоя.

– Ты и правда что-то особенное, ты знаешь это? – В темной комнате, наполненной тонким ароматом виски, Ричард нашел неожиданное убежище в присутствии Хлои. – Расскажи мне что-нибудь, пожалуйста, – попросил он. – Я хочу послушать твой голос.

Хлоя, поначалу чувствовавшая себя странно, все же согласилась. Она начала делиться историями из своей недавней жизни, обыденными деталями и повседневными переживаниями, которые приносили в комнату нотку нормаль-

ности. Ее голос был подобен спасательному кругу, предлагая ему краткое спасение от бури эмоций внутри.

Пока она говорила, воздействие на Ричарда было ощутимым. Его беспокойство, казалось, рассеивалось по мере того, как он все больше и больше погружался в звук ее голоса. Напряжение на его лице разгладилось, и на мгновение он обрел утешение в ее присутствии.

Постепенно его веки отяжелели, и успокаивающий ритм ее рассказа погрузил его в мирный сон. Он положил голову ей на колени, его дыхание было ровным и спокойным. Хлоя продолжала говорить тихо, стараясь, чтобы ее голос оставался источником спокойствия, даже когда он будет спать.

Обнимая его, Хлоя не могла отрицать нахлынувший на нее поток эмоций. Она поняла, как сильно скучала по нему – по теплу его тела, его аромату, мягкости его волос и каждой неповторимой детали, которая делала его тем, кем он был. В этот момент она признала, что ее чувства к Ричарду никогда по-настоящему не исчезали; они просто были похоронены под сложностями их истории. Теперь она поняла, что сопротивляться ему больше не было возможности. Их связь сохранялась, вплетенная в ткань их жизней, и игнорировать ее было невозможно.

Пока ночь продолжала свое безмолвное движение к утру, Хлоя сидела в кресле рядом с кроватью, на которой крепко спал Ричард. Комната была погружена в мягкую темноту, и тишину нарушали только тихие звуки их дыхания.

Хлоя не смогла заставить себя заснуть. Ее мысли закружились, запутавшись в эмоциях, которые она так долго пыталась подавить. Ее сердце болело, и осознание укрепилось – она любила его, глубоко и бесспорно.

Она наблюдала за мирным сном Ричарда, за едва заметным вздыманием и опаданием его груди. И по мере того, как шли часы, она оставалась бдительной, ожидая, когда он проснется, зная, что эта ночь ознаменовала поворотный момент в их сложных отношениях.

Ричард пробудился от умиротворенного сна, неожиданно острова в море противоречивых чувств. Он взглянул на Хлою, ее присутствие успокаивало. Мягкая улыбка украсила его губы, когда он обратился к ней: "Ну-ну, посмотрите, кто сегодня играет рыцаря в сияющих доспехах".

– Эй, как ты себя чувствуешь? – проснулась Хлоя, ее глаза встретились со взглядом Ричарда

– Не сказать, что великолепно, но, учитывая обстоятельства, оно и не удивительно, – признал Ричард. – Я просто благодарен, что ты здесь. – Он похлопал по кровати рядом с собой, приглашая ее подойти поближе: "Иди сюда, полежи со мной недолго".

– Зачем? – спросила она слегка дрожащим голосом. Прошлое сделало ее настороженной, оберегая ее сердце от дальнейшей боли. Она хотела быть рядом с ним, но это было все равно что шагнуть в пропасть, не зная, устойчива ли земля.



– Потому что я хочу, чтобы ты была здесь. Я скучаю по тому чувству, когда ты рядом со мной. И потому что иногда темнота кажется менее подавляющей, когда в ней есть кто-то еще, – признался Ричард с мягкой улыбкой на губах. Эта улыбка, такая знакомая и пленительная, пробудила эмоции Хлои. Мгновение она колебалась, но затем медленно опустилась на кровать, соблюдая осторожную дистанцию.

– Хочешь стакан воды? – предложила она.

– Нет, спасибо, – мягко покачал головой Ричард. – Пока твоего присутствия достаточно. – Он снова закрыл глаза, тихо вздохнув, и добавил: "Но спасибо".

– Ты кажешься... другим, – Хлоя задумчиво посмотрела на него.

В комнате Ричарда было тихо, если не считать мягкого жужжания утра, просачивающегося сквозь занавески.

Несмотря на расстояние, разделявшее их на кровати, Хлоя чувствовала его хрупкость, напоминание о его человечности.

Он открыл глаза и мягко улыбнулся ей, в его взгляде была смесь усталости и уязвимости.

– Мы все носим маски, моя дорогая. Вопрос в том, как долго мы сможем их поддерживать, убеждая мир увидеть то, что мы хотим ему показать, – размышлял он.

– Но в какой-то момент эти маски могут рухнуть, – тихо сказала она, прикусив губу.

Он издал тихий смешок, в его голосе прозвучала ирония.

– И что тогда? Ты правда захочешь увидеть меня настоящего? Того, кто борется с саморазрушительными наклонностями? Мечется по кругу, едва цепляясь за ниточку здравого смысла?

Молча обдумав его слова, Хлоя наконец ответила, и в ее голосе звучала смесь искренности и решимости.

– Если честно, то да. Настоящий ты, эмоциональный и ранимый, кажешься мне искренним и очаровательным.

Ричард вздохнул и откинулся назад, закрыв глаза.

– О, Хлоя, ты говоришь это потому, что еще не видела самую темную часть меня. Помнишь те моменты, когда я терял контроль и причинял тебе боль? Это тоже часть меня. Не слишком очаровательно, правда?

Тоже закрыв глаза, Хлоя раздумывала над его словами, и ответила с оттенком сочувствия.

– Да, это было больно. Но в тебе есть и другая сторона, ласковая и преданная. Стоит встретиться лицом к лицу с тьмой ради шанса увидеть эту сторону.

Он выдавил из себя мягкую, усталую улыбку, его глаза все еще были закрыты.

– Ты оптимистка, Хлоя. Иногда оптимизм – тот спасательный круг, который мне нужен. Так что да, давай надеяться, что нежная и преданная сторона сможет перевесить тьму внутри меня.

– Я уверена, что ты достаточно силен, чтобы победить своих демонов, – Хлоя слабо улыбнулась. – Единственное, что

тебе нужно сделать, – это захотеть этого.

– О, поверь, я хочу этого, – он тихо усмехнулся. – Но моя темнота – это часть меня, нравится мне это или нет. Это все равно что пытаться отделить свою тень от самого себя.

– Я уверена, что ты сможешь победить.

– Ты очень настойчива. Я уважаю это. Но, пойми, что победа – это еще не все. Иногда проигрыш тоже может быть весьма освобождающим. Все зависит от того, как на это посмотреть.

Хлоя открыла глаза, ее взгляд был сосредоточенным и решительным.

– Тебе не обязательно уничтожать эту часть. Просто научиться ее контролировать.

Мгновение он молчал, его глаза были открыты. Затем он вздохнул и откинулся назад, закрыв глаза.

– В любом случае, это не то, что я хотел бы обсуждать, если ты не возражаешь.

Хлоя заметила едва заметную перемену в поведении Ричарда, когда он, казалось, обдумывал ее слова. Она решила больше не настаивать на этом.

В этой мирной тишине она, наконец, набралась смелости выразить свою благодарность:

– Спасибо... за то, что помог моей маме... – В ее голосе слышалась нотка неловкости. – Мне не стоило кричать на тебя, – добавила она с ноткой раскаяния в голосе.

К ее удивлению, Ричард ответил тихой ухмылкой и успо-

коил ее:

– Не беспокойся. И я всегда рядом, если тебе понадобится моя помощь.

Хлоя не могла не задаться вопросом, был ли Ричард искренен или это был еще один уровень его непостоянной личности.

Ричард решил направить разговор в другое русло.

– Итак, как она?

Теплота и искренняя улыбка Хлои наполнили комнату, когда она рассказала о своем недавнем визите к матери: "С ней все хорошо. Я виделась с ней два дня назад, и мы хорошо провели время." Было облегчением поговорить о чем-то более веселом и обыденном, пусть даже совсем коротко.

– Приятно это слышать, – Ричард, однако, ответил с заметным холодком в голосе. Хлоя чувствовала дискомфорт при обсуждении семейных вопросов после недавней потери отца Ричарда.

– А... как твоя мама... после того, что случилось? – отважилась спросить Хлоя.

Ричард, хотя и старался казаться спокойным, не мог скрыть затаенной боли. Ему удалось выдавить из себя улыбку.

– Она сильная женщина... но, конечно, она не каждый день теряет своего мужа, верно? – Он попытался поднять настроение фальшивым смехом, но не смог полностью скрыть печаль.

– Должно быть, ей тяжело.

– Я хочу выпить. Ты присоединишься?

– Ты уверен в этом? – тихо спросила Хлоя. – Алкоголь – не самый здоровый способ справиться со своими чувствами.

Ричард издал горький смешок и, бросив на нее пристальный взгляд, возразил:

– Я не спрашиваю твоего разрешения. – Он поднялся со своего места. – Просто ответь на вопрос, – сказал он, его голос стал более настойчивым. – Ты присоединишься ко мне или нет?

Хлоя колебалась, прикусив губу, прежде чем в конце концов уступить.

– Да, конечно... – В ее ответе не было энтузиазма, и боль от того, что она видела Ричарда в таком состоянии, тяжело давила на нее.

Он слегка ухмыльнулся.

– Хорошо.

Он позвал своего дворецкого, и тот принес бутылку и бокалы прямо к кровати.

Когда Хлоя наблюдала за Ричардом, ее пронзила боль. Мужчина, которого она когда-то знала как опору силы, источник тепла и смеха в ее жизни, теперь казался хрупким и потерянным.

В комнате воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь слабым позвякиванием льда в их бокалах. Обычная харизма Ричарда отошла в тень, сменившись мрачным, отстра-

ненным поведением. Его глаза, которые когда-то искрились озорством и нежностью, были затуманены тяжестью утраты.

Каждый глоток виски казался Ричарду маленьким спасением, временной отсрочкой от мучений, связанных с кончиной его отца. Хлоя не могла избавиться от всепоглощающего чувства печали и беспомощности. Ей очень хотелось протянуть руку и утешить его, унять его боль, но она знала, что это не так просто. Хлоя хотела бы, чтобы был способ вернуть его к свету, но она также знала, что ему нужно найти свой собственный путь во тьме.

– Послушай... – она прислонилась спиной к стене со стаканом в руке, – я знаю, это... трудное время для тебя. Но если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, просто скажи мне, хорошо?

– Спасибо за предложение. – Он сделал глоток из своего бокала. – Но помни, что я не тот, кому здесь нужна помощь. – Он налил себе еще.

Это поразило ее. Он старается казаться сильным, даже когда сломлен. Но Хлоя видела все насквозь. Она понимала, что под бравадой скрывается человек, которому больно, и никакое количество алкоголя не могло по-настоящему облегчить эту боль. Именно в ее взгляде, в ее готовности быть рядом с ним сквозила глубина ее заботы и поддержки. Она хотела показать ему, что он не одинок. Она здесь ради него.

– Даже самым сильным иногда нужна помощь, – сказала она, глядя на него.

– Видишь ли, моя дорогая, – начал он, слегка запинаясь, – идея быть сильным заключается не просто в том, чтобы не быть слабым; она в том, чтобы никогда не показывать, что ты слаб.

– Все мы иногда бываем слабыми. Это нормально, – сказала она.

Сделав глубокий вдох, он осушил свой третий стакан, чувствуя, как начинает сказываться дурманящее действие виски. Его сосредоточенность ослабла, его попытка уклониться от разговора о своих эмоциях была очевидна:

– Знаешь что, Хлоя? Ты права. Давай забудем, что этот разговор вообще произошел.

Он прислонился к стене, его глаза начали терять фокусировку. То, как он избегал разговора о своих чувствах, причиняло ей боль.

– Я не хочу забывать. – Она положила руку ему на ногу. – Для меня очень важно, чтобы ты делился своими чувствами. Даже если совсем немного.

Прикосновение Хлои к его ноге было молчаливым, но мощным выражением ее понимания и желания заставить его раскрыться, какими бы маленькими ни были шаги.

В голосе Ричарда слышались нотки раздражения, когда он спросил: "Почему это тебя так волнует, Хлоя?"

– Ты знаешь, почему... – Ее ответ был робким и неуверенным.

– Ох, я понял. Ты все еще... чувствуешь что-то. Это...

странно, – он загнулся на своих словах, закрыв глаза, словно ища убежища от эмоций, которые мучили его.

– Да... Это странно, – признала Хлоя. Затем, возможно, в попытке изменить ход их разговора и побудить Ричарда открыться, она снова мягко спросила о его детстве, надеясь, что алкоголь поможет ему развязать язык.

– Как я говорил, оно было... многогранным, мягко говоря. Мои родители были очень богаты, и у меня было все, чего я только мог пожелать. Но они также были очень строгими и требовательными.

– Ты сказал, что твой отец был очень отстраненным... но как насчет твоей матери?

При упоминании о матери выражение лица Ричарда изменилось, он побледнел, а его голос понизился до шепота:

– Моя мать... незаурядная личность. Она не очень ласковая, но любит меня... по-своему. – Хлоя почувствовала странную тревогу. – Видишь ли, поскольку моего отца не было рядом, я проводил большую часть времени со своей матерью... И она слегка... изменчивая. – Ричард избегал взгляда Хлои. – Лучший способ описать ее – это сказать, что она... женщина настроения. В один момент она проявляла заботу и нежность по отношению ко мне, а в следующий – накидывалась на меня. И я никогда не знал почему и не мог этого предсказать. – Сделав глоток своего напитка, он продолжил, – В любом случае, я бы сказал, что мое детство имело... свои плюсы и минусы.



– Я понимаю, – она прикусила губу. – Вот почему тебе трудно контролировать свои эмоции, но в то же время это так важно для тебя.

В его смехе была сложная смесь эмоций, раскрывающая часть его истинного "я".

– Дело не в этом. Но ты права. Для меня важно не показывать своих настоящих эмоций, – признался он. – Это единственный способ быть сильным и влиятельным. У меня есть власть над теми, кто позволяет своим эмоциям взять над собой верх.

За маской силы и высокомерия Хлоя увидела маленького мальчик, жаждущего любви и признания. Она хотела утешить его, заверить, что она всегда рядом, заставить его почувствовать себя по-настоящему любимым. Но вместо этого она решила мягко исследовать корень его потребности в силе, спросив: "Почему тебе так сильно нужна власть?"

– Ты задаешь неправильный вопрос, – ответил Ричард, в своей обычной непримиримой манере. – Вопрос в том: кто не хочет власти? Власть – это все в этом мире. Это то, что отличает слабых от сильных. Сильные мира сего контролируют свою жизнь и жизни других людей. Они ни перед кем не отчитываются.

Хлоя, предположив, что его страх почувствовать себя беззащитным и сбитым с толку, возможно, уходит корнями в детство. Для нее это был способ продемонстрировать, что она понимает его, что она признает его уязвимые места и что

нет ничего постыдного в том, чтобы временами чувствовать себя слабым.

– Ты хочешь власти, чтобы больше не испытывать чувство незащитности, как в детстве?

Однако Ричард предпочел отмахнуться от ее прозрений пьяным смехом.

– О, прошу. Ты не мой психиатр. Но, конечно, ты вольна думать как тебе угодно. Все, чего я хочу, – это убедиться, что я никогда не окажусь в положении, когда кто-то будет контролировать меня. Но этот разговор начинает меня утомлять.

Разговор достиг той точки, когда ему стало не по себе, возможно, он раскрыл о себе больше, чем намеревался. Но его защитный щит, выкованный за годы борьбы со своим прошлым и жизненными трудностями, казался непробиваемым.

Это осознание вызвало у Хлои смешанные чувства – сострадание к внутренней борьбе Ричарда и чувство разочарования из-за ее неспособности преодолеть его эмоциональные барьеры. Она понимала, что потребуется время и терпение, чтобы помочь ему ослабить эту защиту и поделиться своими истинными чувствами.

Она понимающе кивнула, не желая давить на него дальше. Он сделал еще глоток своего напитка, на его лице отразилось разочарование. Он уставился в янтарную жидкость, размышляя о чем-то своем.

– Я не чувствую, что это мне хоть как-то помогает, – при-

знался он с чувством поражения. – Может быть, мне стоит принять что-нибудь по сильнее.

– Ты хочешь куда-то пойти? Я беспокоюсь о тебе. – Она посмотрела ему в глаза, ища любой признак того, что он, возможно, балансирует на грани саморазрушения.

Он смотрел на нее странным взглядом.

– Нет. Не особо.

– Хорошо, – сказала она, стараясь поддержать его настолько, насколько могла. – Не хочешь прилечь? Если ты хочешь побыть один, без проблем.

Он медленно покачал головой.

– Нет, я не хочу быть один. Я просто хочу отдохнуть в своей кровати. Но я бы хотел, чтобы ты был рядом со мной. Если тебе некомфортно, я прошу прощения, и ты можешь уйти. Но это то, чего я сейчас хочу.

– Ты хочешь, чтобы я легла с тобой? – эхом повторила она.

Ричард вежливым и слегка сдержанным тоном ответил: "Если ты не против".

Сердце Хлои было похоже на бурлящее море, волны эмоций обрушивались на нее. Когда она посмотрела на Ричарда, ее разум захлестнул поток мыслей и чувств. Она вспомнила вечер вечеринки, свой гнев и непонимание. Но сейчас, в этот интимный момент, было очевидно, что он искренне заботился о ней. По-своему он потянулся к ней, ища ее присутствия, ее связи. Осознание того, что он нуждался в ней в самые мрачные моменты своей жизни, всколыхнуло что-то

глубоко внутри Хлои.

Она ничего не могла с собой поделать, но ее потянуло еще ближе к нему, не только физически, но и эмоционально.

Решительным, но в то же время нежным жестом Хлоя поставила свой бокал на стол и устроилась рядом с Ричардом. Их тела были так близко, что она чувствовала его тепло. Мягкое тепло тусклого света окутывало их, когда он повернулся к ней лицом. Пристальный взгляд Ричарда был прикован к Хлое, в его глазах отражался намек на опьянение, но также и искренняя признательность.

– Ты действительно прекрасна.

Хлоя не смогла удержаться от мягкого смеха.

– Ты пьян.

Но взгляд Ричарда был непоколебимым.

– Может быть. Но я не лгу.

В этот момент алкоголь разрушил стены и обнажил подлинные чувства, которые наполнили комнату одновременно уязвимостью и привязанностью.

Когда ее окатила волна жара, Хлоя не смогла удержаться от улыбки, бабочки заплясали у нее в животе. Внезапный румянец на ее щеках выдал ее чувства, но она попыталась скрыть это, отведя взгляд.

Ричард кончиками пальцев осторожно повернул голову Хлои к себе, его взгляд был нежным.

– Посмотри на меня, – прошептал он.

Она встретила с ним взглядом, его глубокие темные гла-

за казались еще более манящими под воздействием алкоголя. От прикосновения Ричарда у нее по спине пробежали мурашки. Несмотря на ее попытки сохранять видимость дистанции, между ними существовала неоспоримая химия, игнорировать которую было невозможно.

Он потянулся, чтобы погладить ее по лицу, но Хлоя мягко убрала его руку, не сводя с него глаз.

– Я здесь только для того, чтобы не оставлять тебя одного, – заверила она его, и ее голос был полон нежности и сострадания.

Ричард издал пьяный смешок.

– Я знаю, – признался он. – И я благодарен за это.

Хлоя не могла оторвать взгляда от лица Ричарда, на котором сочетались ошеломляющая красота и скрытая боль. У нее возникло необъяснимое желание защитить его.

– И где... где сейчас твоя мать? – наконец спросила она.

Ричард тяжело вздохнул, отводя взгляд от Хлои.

– Она уехала из города, – пробормотал он, и в его голосе послышалось смирение. – Она всегда справлялась со всем сама. Я ей для этого не нужен.

Хлоя ответила приглушенным, сочувственным шепотом: "Но она нужна тебе".

Кивнув, Ричард снова повернулся к Хлое.

– Да, – признался он, – Нужна. Но сейчас ее здесь нет.

Хлоя сжала губы, чувствуя тяжесть ситуации, неуверенная в том, какие слова действительно могли бы его утешить.

– Поговори со мной, пожалуйста, – попросил Ричард, нарушив молчание. – Я не хочу быть в тишине. Разве ты не хочешь узнать, когда состоятся похороны?

Она отвела взгляд, чувствуя неловкость, возникающую при наступлении на такую хрупкую почву. Тема похорон его отца была минным полем, и она не решалась пройти по нему, не причинив ему еще большей боли. Но именно Ричард раз за разом поднимал эту тему.

– Эм... когда? – осторожно спросила она.

Его ответ был мрачным признанием реальности, произнесенным тоном, в котором отражались как принятие, так и нотка горечи.

– Скоро. Слишком скоро, на мой взгляд. Но жизнь – та еще сука, верно? – Он попытался выдавить из себя смешок, но он получился пустым, не одурачив Хлою.

Хлоя не хотела видеть, как Ричард скрывает свои эмоции, притворяясь, что все в порядке, когда на самом деле это явно не так. Ей было невыносимо наблюдать, как он по спирали вступает на путь саморазрушения.

– Послушай, Ричард, – твердо сказала она. – Тебе действительно больно, и ты пытаешься утопить это в алкоголе, но это не сработает. Я слышу гнев и печаль в твоем голосе. Тебе нужно пережить их. Ты не можешь подавлять их вечно; однажды ты взорвешься.

– И откуда ты это знаешь? – оборонительно сказал он. – Ты думаешь, что можешь читать меня, как открытую книгу?

Хлоя с беспокойством встретила его взгляд.

– Я не могу, но я вижу, что тебе больно. И я не хочу видеть, как ты страдаешь еще больше.

Хлоя попыталась предложить свою поддержку, но, казалось, ее слова задели за живое Ричарда. Он больше не мог сдерживать свои эмоции.

– Хватит, – раздраженно заявил он, его терпение подходило к концу. Он резким движением поднялся со своего места, но алкоголь в его организме нарушил равновесие, и он споткнулся.

Хлоя бросилась вперед, чтобы не дать ему упасть. Она поддержала его нежным прикосновением, в ее глазах читалось беспокойство.

– Эй, ты слишком пьян для таких резких движений, – предупредила она.

Однако Ричард внезапно оттолкнул ее. Его голос сорвался на крик, на лбу вздулись вены.

– Это все вопрос перспективы! Это иллюзия! Это все ненастоящее! Какой во всем этом смысл? – Его слова прорезали воздух, он развел руками. – Я могу позволить себе лечение в гребаной Швейцарии, но помогло ли это? Спасло ли это моего отца?

Хлоя отступила на шаг, пораженная внезапной переменой в его поведении. Она понимала, что Ричард слишком долго нес тяжелое бремя, скрываясь за маской силы. И теперь, казалось, плотина, сдерживавшая его эмоции, прорвалась.

Она попыталась осторожно приблизиться к нему, ее голос был тверд, когда она умоляла: "Успокойся".

Но Ричард, охваченный вихрем эмоций, был не в том состоянии, чтобы воспринимать ее утешительные жесты. Он сделал шаг назад, он запутался в собственных ногах, и яростно запротестовал: "Нет! Не трогай меня! Ты ничего не понимаешь!"

– Хорошо, тогда расскажи мне, – тихим голосом продолжала Хлоя.

Но действия Ричарда становились все более беспорядочными и непредсказуемыми. Он швырнул бутылку в стену, звук бьющегося стекла эхом разнесся по комнате.

– Пусть все сгорит! – его голос надломился от гнева и беспомощности. – Эти гребаные деньги не спасли моего отца, не вылечили мою мать! Я не могу купить его жизнь обратно! Так в чем смысл?

Он попытался выхватить полено из камина, но Хлоя бросилась вперед, оттолкнув его. Ее голос, теперь уже с нотками настойчивости, убеждал его:

– Успокойся, Ричард. Давай поговорим.

– Отпусти меня! Я хочу сжечь все дотла! – Он попытался вырваться из объятий Хлои, его голос был полон гнева.

Она отпустила его, но ее голос был решительным.

– Ты злишься, я знаю. Я знаю, на что ты способен, когда злишься. Но это не твоя вина, и ты ничего не мог сделать. Это трагедия, но ты не должен убивать себя.



Его возбуждение только усилилось, и голос дрогнул, когда он закричал:

– Зачем ты пришла? Показать, насколько ты альтруистка? Показать мне, что ты настолько хорошая, что готова помочь мне даже после того, что я сделал? Чтобы показать мне, насколько я уродлив?

Сердце Хлои сжалось от боли, когда она услышала его саморазрушительные мысли и те страдания, что он испытывал. Она хотела быть источником поддержки, но, казалось, он потерялся в вихре отчаяния и гнева.

Хлоя сделала шаг назад, ее голос был мягким.

– Я пришла, потому что забочусь о тебе, и ты это знаешь. Ты знаешь, что я к тебе чувствую. Зачем ты так говоришь?

Ярость Ричарда только усилилась, когда он крикнул в ответ, его боль была очевидна:

– Потому что я гребаный мудака, и не хочу, чтобы кто-то беспокоился обо мне! Даже моя семья бросила меня! Я не нуждаюсь ни в чьей заботе!

Ничуть не смутившись, Хлоя подошла к нему ближе, ее глаза были полны понимания:

– Это неправда. Тебя любят. Тебе просто больно.

Глядя в его измученные глаза, Хлоя страстно желала прижать его к себе, заверить, что он не одинок в своих страданиях. Она была полна решимости помочь ему найти выход из этой темной бездны, даже если для этого придется опуститься в нее вместе с ним.

В порыве злости Ричард властным жестом смел все со стола.

– Убирайся из моего дома! – рявкнул он. – Теперь я понимаю. Мне никто не нужен. Уходи, пока мне не пришлось тебя вышвырнуть.

Хлоя инстинктивно сделала шаг назад, но осталась непреклонной. Она покачала головой, ее голос не дрогнул.

– Нет, Ричард. На этот раз я не уйду. Я не могу оставить тебя одного.

Ричард отвернулся, пытаясь скрыть внутреннюю боль и уязвимость.

– Мне не нужна твоя жалость или беспокойство. Я прекрасно справляюсь сам. Просто оставь меня в покое.

Хлоя снова мягко покачала головой.

– Твой разум обманывает тебя. Не позволяй ему победить.

– Мне не нужна помощь! Мне никто не нужен! Мне не нужна ни твоя жалость, ни твоя помощь! – Голос Ричарда эхом разнесся по комнате. Он отчаянно заткнул уши, словно пытаясь заглушить слова Хлои.

Он обнажил свою уязвимость, открыв ту сторону, которую так долго скрывал. Несмотря на его бурную вспышку гнева, Хлоя не могла заставить себя оставить его в таком уязвимом состоянии.

С большой осторожностью Хлоя подошла на шаг ближе, мягко пытаясь преодолеть эмоциональную пропасть, которая образовалась между ними. Ее намерением было предло-

жить поддержку и понимание. Но когда она протянула руку, чтобы дотронуться до Ричарда, он отпрянул, в его глазах бушевал вихрь тяжелых эмоций.

– Не смей прикасаться ко мне! Мне не нужна твоя забота или понимание! Оставь меня в покое! – Он, казалось, разрывался между стремлением к утешению и нежеланием принимать его от кого бы то ни было.

Хлоя оставалась стоять как вкопанная. Она ответила мягко, пытаясь проникнуть в крепость его страданий.

– Тебе не обязательно быть одному, Ричард. Тебе не нужно тащить все на себе.

Но его эмоции были подобны вихрю, сердце бешено колотилось, а дыхание участилось.

– Отойди от меня! Я могу сам о себе позаботиться! – В его словах слышалось отчаяние.

– Конечно, ты можешь, – голос Хлои оставался тихим. – Я знаю, что можешь. Но, пожалуйста, позволь мне быть с тобой. Тебе не обязательно проходить через это в одиночку.

– Ты не понимаешь? – Его дыхание стало тяжелым. – Я не хочу, чтобы кто-то был со мной!

В его словах чувствовалась борьба и мучения, которые он испытывал, оказавшись в ловушке своих собственных эмоций.

Чем больше он стремился держать ее на расстоянии, тем решительнее она становилась в своих попытках сблизиться с ним. Хлоя была уверена не отказываться от Ричарда, да-

же когда его отчаяние оттолкнуло ее. Она понимала, что его боль глубока, но была столь же непоколебима в своем стремлении быть рядом с ним, даже если он не осознавал, что нуждается в этом.

Уважая стремление Ричарда к уединению, она отступила на шаг и кивнула. Она указала на дверь и сказала:

– Я буду прямо за этой дверью. Если я тебе понадобится, я буду там.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив дверь слегка приоткрытой на случай, если он передумает.

В комнате воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь слабыми звуками глубокого дыхания Ричарда.

Оказавшись в комнате один, Ричард попытался вернуть себе самообладание, но эмоциональное смятение все еще бушевало в нем. Он пробормотал себе под нос, пытаясь убедить самого себя:

– С тобой все будет в порядке. – Он отшатнулся, прижавшись спиной к прохладной стене, и прошептал: "Это не... это не правда... Мой разум не остановится".

– Твой разум тебе не враг, Ричард, – донесся голос Хлоя из-за двери. – Тебе просто нужно понять это.

– Ты не понимаешь! – Он сделал еще один судорожный вдох. – Мой разум – мой злейший враг!

Последовавший за этим смех был не от радости, а от отчаяния, и он быстро перешел в душераздирающие рыдания. Эмоции наконец-то овладели им, и он рухнул на пол, подав-

ленный тяжестью своего горя.

Хлоя не колеблясь открыла дверь, вошла в комнату и опустилась на колени рядом с Ричардом. Ее рука нежно легла ему на плечо, и она тихо сказала:

– Все в порядке. Твои чувства нормальны.

Горячие, пьяные слезы ручьями стекали с его лица:

– Ты не знаешь, каково это! Моя голова – это водоворот саморазрушения.

Ричард сбросил ее руку со своего плеча и неуверенно поднялся на ноги. Его голос дрожал:

– Мне нужно...

– Просто дыши, Ричард... – Хлоя подошла ближе, желая помочь ему успокоиться.

Она протянула руку, пытаясь нежно прикоснуться к нему, но его крик остановил ее.

– Я сказал, не трогай меня! – Он отшатнулся, почти потеряв равновесие, и настаивал, – Просто оставь меня!

Хлоя, понимая необходимость соблюдать его границы в этот момент, немедленно сделала шаг назад, подняв руки в знак своей готовности выполнить его пожелания:

– Хорошо, хорошо. Я тебя не трогаю. Извини. Просто дыши.

Ричард сделал несколько глубоких вдохов, каждый из которых был попыткой восстановить контроль над своими бурлящими эмоциями. Дрожащим голосом он, наконец, произнес:

– Хорошо. Просто... оставайся там. Не подходи близко. Но... не уходи.

Хлоя почувствовала облегчение, узнав, что он хотел, чтобы она осталась. Она на мгновение заколебалась, разрываясь между желанием быть рядом с ним и уважением к его просьбе. В конце концов она прошептала: "Конечно", – и замерла в нескольких футах от него. Ей страстно хотелось протянуть к нему руку, предложить утешение.

– Тебе нужно успокоиться, – продолжила Хлоя, ее голос был нежным и ободряющим. – Я знаю, что ты борешься, но время залечит раны. Я клянусь, со временем станет лучше.

– Верно, – на удивление спокойно ответил Ричард. – Но я не живу в будущем. И сейчас я ничего не понимаю.

Хлоя наблюдала за ошеломляющими переходами между его моментами гнева, отчаяния, истерики и холодной отстраненности, и это оставляло у нее чувство недоумения. Она задавалась вопросом, что было причиной этих драматических эмоциональных сдвигов и что мешало ему полностью принять ее поддержку.

– Почему ты не подпускаешь меня ближе? – спросила она мягким голосом. – Я правда хочу помочь или, по крайней мере, быть рядом.

Он чувствовал себя побежденным, как будто весь мир сговорился против него.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел меня таким, – его признание прозвучало дрожащим, надломленным голосом.

Навернулись слезы, вырываясь тихими всхлипываниями. – Это так жалко.

Сердце Хлои защемило от той вины, которую он обрушил на себя. Ей хотелось успокоить его, сказать, что он вовсе не жалок, но она знала, что в таком состоянии он будет невосприимчив к подобным словам. Вместо этого она сказала:

– Ричард, ты потерял своего отца. Твоя реакция более чем нормальна.

Он по-прежнему избегал смотреть на нее, сказав со смесью слез и легкого смеха:

– Да, что ж... это не делает меня менее ничтожным. – Смех больше походил на нервное, истерическое хихиканье, и он добавил, – Ты очень, очень странная. – Затем он попытался восстановить некоторое самообладание и заключил: "Хорошо. Но не прикасайся ко мне без необходимости."

Она просто кивнула и осталась рядом, готовая поддержать его, не вмешиваясь больше.

– Хорошо, тебе нужно отдохнуть. Ложись спать.

Но Ричард покачал головой и прошептал:

– Я не хочу спать, – добавив при этом, – Я в порядке.

Его попытка изобразить нормальность потерпела крах, когда он прикусил губу до крови. Пьяные слезы текли по его лицу. Дрожащим голосом проговорил:

– Почему он оставил меня, Хлоя? Я заслужил это? За все, что я сделал?

Эти слова пронзили сердце Хлои. Она чувствовала тя-

жесть его самобичевания, и ей было мучительно видеть, как он так глубоко винит себя. Она чувствовала себя опустошенной, но ее переполняло страстное желание облегчить его страдания, даже если это означало самой забрать его боль. В этот момент ее единственным желанием было увидеть, как он освободится от мук самообвинения и сожаления.

Хлоя быстро переместилась в его сторону и протянула руку, чтобы подхватить его, когда он изо всех сил пытался сохранить равновесие. Ее руки обвивались вокруг него, как защитный кокон.

– Эй, – прошептала она. – Это не твоя вина. Это не наказание. Это ужасный, трагический несчастный случай, Ричард. Но это не твоя вина.

Ее теплые объятия дарили утешение, когда рыдания сотрясали его тело. В этот момент он почувствовал себя брошенным на произвол судьбы, неспособным видеть путь вперед.

– Я не знаю, что теперь делать, – признался он сдавленным от боли голосом. – Я вдруг чувствую себя таким потерянным. Что, черт возьми, мне делать со всем его "наследием"? Как я вообще могу продолжать нормальную жизнь?

Объятия Хлои нежно сжались вокруг него.

– Это нормально – чувствовать себя потерянным, – утешала она. – Но сейчас тебе просто нужно поспать. Ты слишком много выпил и не можешь здраво мыслить.

Ее слова были спасательным кругом, гарантией того, что



он сможет отдохнуть и найти передышку от переполняющих его эмоций.

Хлоя прижала его к себе. Ее трогала его уязвимостью, его слова были подобны пробуждению, проблеску настоящего Ричарда, скрытого за фасадом безразличия и отстраненности.

Он покачал головой, его голос дрогнул:

– Если я проснусь и обнаружу, что тебя нет... Я просто...

Ее сердце упало от его слов, когда она поняла глубину его страха быть покинутым.

– Я никуда не уйду, – мягко заверила она его.

Его хватка усилилась, когда он притянул ее ближе, ища утешения.

– Мне так жаль. Прости за то, что я сделал, – прошептал он дрожащим от раскаяния голосом. – Мне так жаль.

Она чувствовала его искренность и тяжесть его вины. Он жаждал общения, чувства заботы, даже если он выбрал неправильный способ выразить это.

– Ты знаешь, почему я это сделал, верно? – он продолжал, уткнувшись лицом ей в грудь. – Я просто хотел заставить тебя ревновать. Увидеть, что тебе правда не все равно. Мне так жаль.

Сердце Хлои наполнилось сочувствием, когда она погладила его по волосам. Она увидела, что он искренне сожалеет о причиненной им боли. Под маской безразличия она разглядела нежные и хрупкие уголки его сердца. Несмотря на

то, что собственные раны Хлои еще не полностью зажили, но прямо сейчас самым важным было обеспечить ему комфорт и поддержку.

– Это в прошлом, – тихо сказала она. – Давай просто поспим, хорошо?

Ричард слабо кивнул.

– Хорошо. Мне нужно поспать, – прошептал он, его слова были невнятными из-за алкоголя. Усталость наконец ододела его, и он погрузился в неглубокий сон прямо там, в объятиях Хлои.

Когда Хлоя осторожно укладывала Ричарда на кровать, она старалась соблюдать дистанцию. Она легла рядом с ним, не сводя глаз с его лица. Всю долгую ночь она сама не могла найти покоя, в ее мыслях вихрем проносилось все, что Ричард рассказал во время своего срыва.

Утреннее солнце пробивалось сквозь занавески, заливая комнату мягким светом, и Ричард ворочался в своем беспокойном сне до утра, когда его внезапно разбудил дискомфорт от похмелья. В голове у него пульсировало, он был дезориентирован и вспотел. Осознание своих поступков и слов, сказанных прошлой ночью, были подобны тяжелому грузу на груди, о котором он сожалел.

Он сел в постели, смаргивая остатки сна. Хлоя зашевелилась рядом с ним. Ее присутствие успокаивало, и она протянула ему стакан воды, в ее взгляде светилось сочувствие, и

она предложила: "Держи".

Ричард принял стакан и жадно выпил воду, надеясь, что это хоть немного облегчит дискомфорт в горле. Допив последний глоток, он повернулся к Хлое, и в его глазах отразилась смесь сокрушения и отвращения к себе.

– Прости за прошлую ночь, – сказал он, его голос был полон стыда. Он обнажил ту сторону себя, которую обычно скрывал, и видеть это было трудно.

– Нет, нет, – Хлоя мягко покачала головой. – Все хорошо. Я рада, что ты поделился своими чувствами. Надеюсь, тебе лучше?

Собрав все свое самообладание, он заговорил решительным тоном:

– Что ж, спасибо за понимание. Я обещаю, что такое больше не повторится... по крайней мере, не так.

Она осторожно протянула руку и положила ее на его ладонь.

– Все в порядке, – заверила она его нежным голосом. – Конечно, ты не справишься со своим горем за одну ночь. Но тебе нужно было выплеснуть это наружу. Ты не можешь вечно подавлять свои чувства.

Проведя пальцами по своим взъерошенным волосам, он признал:

– Я знаю, знаю. Просто... Я никогда не думал, что это произойдет вот так. Я имею в виду, что потеря отца было последним, чего я ожидал. И вот я здесь, пытаюсь понять, что

делать дальше.

– Я знаю, это трудно, но со временем станет лучше. Поверь мне.

– Надеюсь, – признался он, и в его голосе прозвучала неуверенность. – Кстати, когда ты в последний раз ела? Я не хочу, чтобы ты умерла с голоду. Пошли, – предложил он, поднимаясь с кровати.

Осознание того, что она не ела два дня, поразило Хлою, вызвав неожиданный приступ голода.

– Хорошая идея.

Однако ее желание поест на мгновение улетучилось при виде комнаты, в которой они находились: разбитое стекло валялось разбросанным по полу, предметы, которые когда-то украшали стол, были разбросаны повсюду. Комната представляла собой неуправляемое полотно бурных эмоций прошлой ночи.

Чувствуя ответственность и необходимость восстановить хоть какое-то подобие порядка, Хлоя решительно шагнула вперед.

– Я приберусь здесь.

Ричард обратил внимание на беспорядок в комнате, и его охватило чувство вины.

– Черт, – пробормотал он. – Но пошли. Не глупи. Моя горничная все уберет.

Она поколебалась мгновение, затем уступила.

– Хорошо. В этом есть смысл.

Когда они вошли в столовую, место, наполненное для Хлои дорогими воспоминаниями, она внезапно подумала о Чарли.

– Где Чарли? – спросила она, удивляясь, почему его нет рядом, особенно когда Ричард нуждался в друге больше, чем когда-либо.

Ричард, со свойственным ему загадочным поведением, ответил:

– Он не знает. Я не хочу, чтобы он знал... пока.

Хлоя нахмурила брови, не совсем понимая.

– Почему? – искренне поинтересовалась она.

– На то есть причины, – ответил Ричард в своей обычной холодной манере.

Неопределенность его ответа повисла в воздухе, напоминая о том, что Ричард держал свои карты при себе даже перед теми, кто заботился о нем.

В воздухе витало ощущение тяжести – остатки ночи, наполненной эмоциональным смятением. Хлоя сидела за обеденным столом, до нее доносился запах свежеприготовленной еды, но аппетит у нее пропал, когда она размышляла о событиях прошедшей ночи.

Ричард тоже сидел за столом, отведя взгляд, когда разговаривал со слугой, прося принести что-нибудь для Хлои.

– А ты? Что ты будешь? – спросила она.

Ответ Ричарда был небрежным, почти пренебрежительным. Он поднес руку к прикушенной губе, ощупывая рану,

и ответил:

– Я не голоден. Ты наслаждайся.

Беспокойство Хлои усилилось, и она устало вздохнула.

– Ричард, ты не ел три дня, – мягко упрекнула она. – Тебе нужно что-нибудь съесть.

– Послушай, Хлоя, – начал он, не отрывая взгляда от стола и избегая зрительного контакта, – я ценю, что ты пришла. Правда. И я искренне благодарен тебе. Без тебя... все было бы хуже. Но... тебе нужно уйти. После того, как ты закончишь завтрак, конечно.

Хлоя была сбита с толку его словами. Она приподняла бровь, в ее глазах читалось замешательство.

– Что ты имеешь в виду?

– Именно то, что я сказал, – Ричард сжал губы. Он на мгновение отвел взгляд, собираясь с мыслями, прежде чем снова посмотреть на Хлою.

Хлоя, однако, казалась сбитой с толку его просьбой. На ее лице играла нервная улыбка, когда она пыталась разобраться в ситуации, не до конца осознавая серьезность его слов.

– В каком смысле?

– Какую часть фразы "Я хочу, чтобы ты ушла" ты не понимаешь? – он раздраженно закатил глаза.

Внезапная перемена в его тоне еще больше озадачила Хлою. Она моргнула, пытаясь осмыслить его слова.

– Я не понимаю? – сказала она, ее голос дрогнул. – Почему ты хочешь, чтобы я ушла?

Тяжелый вздох Ричарда повис в воздухе, однако его слова были щитом, попыткой дистанцироваться от того, что он считал своей собственной слабостью.

– Слушай, дорогая, – начал он. – Я правда благодарен. Спасибо за то, что была рядом. Но ты увидела ту часть меня, которую никто не должен был видеть. Я больше не могу позволить себе держать тебя рядом.

Хлоя была сбита с толку. Как он мог не понимать, что уязвимость – это часть человеческой жизни?

– Что? Потому что я увидел твою слабую сторону?

– Да, именно так, – кивнул Ричард.

Ее обида и стремление защищаться нахлынули на нее, подобно волне.

– Почему ты ведешь себя как трус? Я же не собираюсь пойти и рассказать всему миру, что Ричард слаб. Я знаю, что это не так. У каждого бывают моменты уязвимости, это нормально. Почему ты так стыдишься своих чувств?

Тихий смешок вырвался у Ричарда, мгновение иронии в их разговоре.

– Это ты, из всех людей, говоришь мне о том, что я стыжусь своих чувств?

– Ты меняешь тему, – сказала Хлоя, ничуть не смутившись.

– Нет, это ты меняешь тему, – заявил Ричард. – В любом случае, – вздохнул он, – если тебе удобно думать, что я трус, давай. Как угодно. Это не имеет значения.

Хлоя наконец решила полностью открыться, обнажив свои истинные чувства.

– Я не... Я просто... Я не хочу уходить, потому что ты стыдишься чего-то, что совершенно нормально, по крайней мере, для меня.

Тонкая улыбка скользнула по губам Ричарда, когда он ответил:

– Ты очаровательна. – Однако улыбка быстро исчезла, сменившись вздохом. – Но нет, Хлоя. Я не стыжусь своих чувств. Я не хочу в ком-то нуждаться и быть прилипчивым. Это не я.

Хлоя не позволила бы ему так легко сорваться с крючка.

– Но тебе некомфортно, – запротестовала она. – Это нормально. Но ты не становишься прилипчивым, если показываешь свою слабость. Это не делает тебя менее сильным.

Ричард кивнул, признавая логику ее слов.

– Умом я это понимаю. Но эмоционально все по-другому.

Ричард собрал свои волосы в конский хвост и спросил: "Как тебе блюдо? Достаточно вкусно?"

Хлоя вздохнула и отметила:

– Да, очень вкусно. Но ты снова меняешь тему.

– Я не хочу с тобой спорить. – сказал он и затем глубоко вздохнул. – Ладно, тогда давай так. Ты помнишь тот день, когда я поцеловал ту девушку прямо у тебя на глазах? Глядя тебе в глаза?

Это было похоже на пощечину, и она не ответила. Было



слишком больно. Она просто смотрела на Ричарда, ничего не говоря.

– Верно? – сказал он. – Я знаю, что тебе было больно. Мне жаль. Но это ранило тебя. И ты знаешь, что я это знал. И все же ты здесь.

Хлоя чувствовала себя незащищенной и уязвимой. Его слова вновь разбередили раны, которые, как она думала, уже были на пути к заживлению. Она беспомощно посмотрела на него.

– Ну и что?

– Разница между нами в том, что я мог намеренно причинить тебе боль и сделал это. Но ты, ты никогда не причинишь мне вред. Имей это в виду, когда будешь пытаться спасти меня.

– Я не пытаюсь спасти тебя, Ричард, – покачала головой Хлоя, ее голос звучал ровно. – Я здесь просто для того, чтобы помочь.

Тон Ричарда стал холодным и отстраненным, его слова резали, как зимний бриз:

– Тогда помни, ты протягиваешь руку тому, кто уничтожил тебя. Когда ты почувствуешь сочувствие ко мне, подави его. Вспомни, через что я заставил тебя пройти.

– Ты говоришь это сейчас, просто потому что хочешь, чтобы я ушла, – сжала губы Хлоя.

Она распознала его защитную стратегию, попытку дистанцироваться.

– Я говорю правду, – его голос был напряженным. – Так что, пожалуйста. Иди домой.

Горло Хлои сжалось, как будто там застряла кость.

– Хорошо, если ты хочешь, чтобы я ушла, я уйду, но... – Ее голос затих, и между ними повисло тяжелое молчание.

После нескольких мучительных мгновений решимость Хлои поколебалась. Она покачала головой, словно пытаясь избавиться от своих слов, затем поднялась со своего места.

– Не важно, – прошептала она со вздохом, ее сердце сжималось от невысказанных чувств.

Ричард, отказываясь встречаться с ней взглядом, хранил молчание. Хлоя надеялась на слово, жест, на что угодно, что помешало бы ей уйти, но когда ничего не последовало, она с глубоким, покорным вздохом, повернулась и вышла из комнаты.

Он наблюдал за ее удаляющейся фигурой. Тихое, почти отчаянное "Хлоя..." сорвалось с его губ, но было слишком поздно. Хлоя уже исчезла из комнаты. Он испустил тяжелый, обреченный вздох и закрыл лицо руками, чувствуя, как на него давит тяжесть одиночества.

## 14.

Зеленая листва деревьев грациозно покачивалась, их листва шелестела в нежном ритме. Приглушенные цвета зда-

ний, украшенных вьющимися растениями и плющом, дополняли безмятежную атмосферу. Мощные дорожки добавляли очарования пейзажу. Тихая улица, окруженная успокаивающими объятиями природы, предлагала убежище от шумной энергии города, приглашая к созерцанию и отдыху.

Лондонское солнце, мягко опускаясь, отбрасывало теплый отблеск на старую крышу церкви. Проникая внутрь, солнечный свет рисовал на каменном полу замысловатые цветные узоры. Воздух был наполнен спокойствием, нарушаемым только мягким шелестом ткани и редким скрипом деревянных скамей.

Шаги, неторопливые и размеренные, эхом разносились по залу. Каждый шаг оставлял след, резонирующий с торжественностью окружающей обстановки. Игра света и тени, приглушенный шепот верующих и окружающее эхо создавали ощущение погружения, выходящее за физические границы церкви.

Пока Джонни сидел в умиротворяющей обстановке, его беспокойные пальцы рассказывали безмолвную историю внутренней борьбы, поиска ответов, которые в прошлом любезно предоставляли священные пределы церкви. Однако сегодня скамьи казались тверже, воздух тяжелее, и груз забот давил на его плечи.

Напоенный благовониями воздух, окутывал его, словно успокаивающий саван. Пространство, когда-то служившее убежищем, теперь, казалось, усиливало смятение. Его пове-

дение выдавало уязвимость, открывая маленького мальчика, ищущего утешения в объятиях духовного убежища.

В слабо освещенной исповедальне голос Джонни дрожал, когда он тихим голосом признался:

– Отец, мне страшно. Я думаю, что чувствую что-то неправильное.

Мягкий шелест рясы священника сопровождал его ответ:

– Нет неправильных чувств, дитя мое. Эмоции не греховны; важно то, что мы с ними делаем.

Джонни поколебался, прежде чем признаться:

– Отец, я ощущаю тяжелый груз на своем сердце. Я чувствую печаль, обиду и гнев по отношению к тому, кто когда-то был мне очень дорог.

– Нет ничего необычного в том, чтобы бороться со сложными эмоциями, дитя мое, – нежным голосом ответил священник. – Раздели свое бремя, и вместе мы найдем путь к исцелению.

– Она так сильно изменилась, – вздохнул он. – У меня нет права судить ее, но она делает то, чего никогда бы не сделала раньше. Она полностью забывает про меня. Но когда что-то случается, она бежит ко мне. А потом выбрасывает меня, как ненужную игрушку. – Он взглянул на потолок, ища ответы, которые, казалось, ускользали от него. – Я не хочу быть просто страховочной сеткой, – пробормотал он, словно надеясь, что стены церкви смогут поглотить его внутреннее смятение. – Я скучаю по старым временам, когда мы были

против всего мира.

– Иногда, сын мой, мы перерастаем роли, которые люди играют в нашей жизни, – величественно сказал святой Отец. – Это часть путешествия – отпускать, позволяя раскрыться новым главам. Если связь больше не приносит тепла и утешения, а причина, за которую ты держишься, это ностальгия, то сын мой, возможно, пришло время сделать выбор. Пути Господни неисповедимы, и иногда отпустить – это первый шаг к обретению внутреннего покоя.

Джонни размышлял над словами священника, тяжесть их значения оседала в его встревоженном сердце. Он оглядел церковь, ища утешения в ее знакомых объятиях.

Кивнув, Джонни признал правоту наставлений священника. Ностальгии, которая связывала его с прошлым, было недостаточно, чтобы поддерживать его в настоящем. Когда солнечные лучи осветили церковь, Джонни вновь ощутил ясность.

Он глубоко вздохнул, прежде чем снова обратиться к священнику.

– Отец, дело в одном человеке, Чарли. Он стал... близок мне, – слова срывались с языка, отражая неуверенность, которую испытывал Джонни. – Я не хочу, чтобы он думал, что я вижу в нем замену Хлое, – резко добавил он.

– Ты видишь в Чарли замену, сын мой? – мягко спросил священник, почувствовав беспокойство Джонни.

Джонни, немного удивленный вопросом, твердо покачал

головой: "Нет, Отец"

Священник понимающе кивнул.

– Помни, Джонни, люди приходят в нашу жизнь по разным причинам. Цени каждую связь такой, какая она есть, и позволяй ей развиваться естественным образом.

– Можно ли осуждать меня за то, что я нашел утешение в Чарли? – поколебавшись, спросил Джонни. – Что, если он просто заполняет пустоту, которую оставила Хлоя?

– Бог не судит наши связи, Джонни. Если ты искренне веришь в уникальность ваших отношений, значит, так оно и есть. Избавься от сомнений, отравляющих твою душу.

Джонни кивнул, находя утешение в мудрости священника. Бремя сомнений начало ослабевать, и сквозь него пробился луч ясности.

– Спасибо, – сказал он, и в его словах прозвучало неподдельное чувство благодарности.

# ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

## 1.

Беспокойство Хлои росло с каждым днем с тех пор, как она в последний раз видела Ричарда. Его эмоциональная нестабильность и глубокое горе, с которым он боролся, тяжелым грузом давили на ее сознание. Она знала, что ему было очень больно после потери отца, и она не могла не опасаться за его благополучие. Ей хотелось быть рядом с ним, но она также уважала его потребность в уединении. Для Хлои это была мучительная внутренняя борьба, она разрывалась между заботой о Ричарде и желанием дать ему время и пространство, в которых он, казалось, нуждался. Неопределенность того, что принесет каждый день, была эмоциональным бременем, от которого она не могла избавиться.

Слои уязвимости Ричарда постепенно открылись Хлое, и она поняла, что под его уверенной внешностью скрывается глубокий страх быть покинутым, переплетенный с его отвращением казаться слабым.

Были моменты, когда тревога брала верх над ней, побуждая позвонить ему, но каждый неотвеченный звонок только усиливал ее страхи. Все, чего она желала, – это его благопо-

лучия и безопасности, особенно от теней внутри него самого.

Повседневная рутина Хлои превратилась в стремление к воссоединению. С каждой новой художественной выставкой она тщательно планировала свои визиты, выбирая мероприятия, которые, по ее мнению, были бы созвучны интересам Ричарда. Пока она шла по галерее, ее сердце бешено колотилось от предвкушения, а глаза обшаривали толпу в поисках каких-либо признаков его присутствия.

Стратегия Хлои была построена на надежде, что однажды их пути случайно пересекутся, что позволит Ричарду увидеть искренность ее принятия и поддержки. Она страстно желала, чтобы он понял, что в ее присутствии ему не нужно скрывать или стыдиться своих эмоций.

Нить надежды, за которую она цеплялась, была хрупкой, но ее решимость была непоколебимой. День за днем она отваживалась посещать эти наполненные искусством пространства в поисках того счастливого момента, который мог бы помочь преодолеть эмоциональную пропасть, возникшую между ними. Каждое посещение выставки было возможностью, и она была готова вложить все свое время и энергию в возобновление их связи.

Неоднократные попытки Хлои встретиться с Ричардом на выставках и в музеях приводили ее во все большее уныние. Ей не только не удалось с ним встретиться, но и ее онлайн-поиски каких-либо признаков его присутствия в об-



щественных местах оказались столь же безрезультатными. Словно он исчез из социальной сферы.

Она застряла в болезненном подвешенном состоянии, где страх перед тем, через что, возможно, проходит Ричард, боролся с ее страстным желанием восстановить их связь.

По мере того как она размышляла над его загадочными словами, где он сравнивал ее готовность рискнуть всем, чтобы спасти кого-то, с его собственной внутренней борьбой, растущее беспокойство начало закрадываться в ее мысли. Подобные мысли казались абсурдными; в конце концов, Ричард был сильным человеком. Но отсутствие контакта и его необъяснимая пропажа заставляли ее все больше сомневаться.

Эмоциональные американские горки, на которых она каталась, колеблясь между желанием найти его и страхом перед тем, что она может обнаружить. Ее сердце болело, она жаждала найти способ достучаться до него, успокоить и выяснить, в безопасности ли он. Груз беспокойства тяжело давил на нее, и она обнаружила, что не в состоянии сосредоточиться ни на чем другом.

## 2.

Отчаявшись связаться с Ричардом, Хлоя прибегла к звонку Чарли, несмотря на то, что чувствовала, что это был

неловкий шаг. Когда Чарли ответил, его приветствие было менее восторженным, чем обычно.

– Привет, солнышко, – сказал он несколько тусклым тоном.

Хлоя ответила простым "Привет, Чарли". Последовало тяжелое молчание, но Хлоя решила не ходить вокруг да около.

– Как... как Ричард? – наконец спросила она.

– Ну, он... справляется, – сдержанно ответил Чарли.

– Я не могу с ним связаться, – отчаянно призналась Хлоя. – Может быть, ты попросишь его ответить мне?

Однако почти сразу же она пожалела о своей просьбе.

– Послушай... – начал Чарли ободряющим, но осторожным тоном. – Он вроде как... не в настроении, если это можно так назвать. Он ответит, когда захочет. Просто... не дави на него, – посоветовал он, добавив: "Да, извини, я ничем не могу помочь. Вы, ребята, должны разобраться в этом сами".

Хлоя чувствовала себя несколько неловко из-за того, что позвонила Чарли и обратилась к третьей стороне в качестве посредника, но безысходность заставило ее искать любую возможную связь с Ричардом. По крайней мере, теперь она знала, что с ним все в порядке. Она поблагодарила Чарли и повесила трубку, все еще цепляясь за надежду.

Она знала, что ей нужно уважать личное пространство Ричарда и его желание справляться со своими эмоциями по-своему. Но она ощущала чувство беспомощности.

Хлоя задумалась о перемене в ее отношениях с Чарли. Он

был важной частью их жизни, когда она была ближе к Ричарду. Дух товарищества, который они разделяли в те времена, был теплым и искренним. Однако по мере того, как ее связь с Ричардом ослабевала, ослабевала и ее связь с Чарли. Это было суровым напоминанием о том, что ее дружба с Чарли в первую очередь вращалась вокруг их взаимной связи с Ричардом.

Это осознание вызвало у Хлои смешанные чувства. С одной стороны, она скучала по веселому и энергичному присутствию Чарли в своей жизни. Его общество было источником комфорта и счастья, и она искренне наслаждалась их дружбой. С другой стороны, она не могла не признать, что ее связь с Чарли была во многом связана с ее отношениями с Ричардом.

Однако пустота, которую оставило отсутствие Ричарда, оставалась постоянной болью. Как будто какая-то часть ее повседневного существования была незавершенной, и это чувство было ее постоянным спутником. Хлоя училась ориентироваться в своей жизни без него, но она не могла отрицать того влияния, которое он оказывал на нее, и той пустоты, которую она чувствовала без его присутствия.

### 3.

Желание Хлои найти Ричарда привело ее в то безмятеж-

ное местечко на берегу озера, о котором он однажды рассказывал, место, хранящее для него бесчисленные детские воспоминания.

День за днем она сидела на берегу спокойного озера, вглядываясь в горизонт в поисках каких-либо признаков Ричарда. Легкая рябь на воде отражала ее внутреннее смятение, в то время как тихий шепот ветра в кронах деревьев, казалось, напоминал ее желания, что он каким-то образом появится снова.

Хлоя не могла игнорировать возможность того, что воспоминания, связанные с этим местом, могут принести Ричарду чувство утешения, особенно в трудные времена, с которыми он столкнулся.

Пока она ждала, глядя на мерцающие воды и пейзаж, который когда-то имел для него такое большое значение, сердце Хлои щемило от смеси тоски, надежды и неуверенности. Она знала, что найти его – не гарантированный результат, но глубокая связь, которую она разделяла с Ричардом, заставляла ее не сдаваться, даже когда шансы казались ничтожными.

День за днем Хлоя сидела на берегу тихого озера, и ее визиты стали ежедневным ритуалом, где природа стала ее молчаливой спутницей.

Каждый вечер, когда солнце опускалось за горизонт, отбрасывая на воду теплый оранжевый отблеск, Хлоя смотрела в небо. Нежный плеск вод озера о берег создавал успокаива-

ющую мелодию, но это не могло унять смятение в ее сердце.

Шелестящие листья окружающих деревьев, казалось, нашептывали ей слова надежды и тоски, словно пытаюсь сказать, что терпение может стать ключом к воссоединению с Ричардом. Хлоя чувствовала тяжесть каждого дня, неуверенность и вопросы, грызущие ее душу. Она вспоминала все моменты, которые они разделили, смех и слезы, данные обещания.

Дни превращались в недели, но Хлоя отказывалась поддаваться удручающей мысли о том, что, возможно, она ищет что-то, что, никогда не будет найдено.

Хлоя знала, что не может контролировать обстоятельства, но с каждым визитом на берег озера она надеялась, что это может послужить маяком, возвращающим Ричарда в мир, от которого он, казалось, отдалился, в мир, где они могли бы исцелиться вместе.

Когда Хлоя заметила вдалеке Ричарда, сидящего на берегу, ее захлестнула ошеломляющая смесь эмоций. Облегчение нахлынуло на нее подобно мягкому приливу, когда недели неуверенности и поисков наконец привели ее к нему. Камень, который тяжелым грузом давил ей на грудь, был снят, и она почувствовала, что снова может свободно дышать.

Наблюдая за Ричардом издалека, Хлоя не могла не заметить едва заметных изменений в нем. Его резкие, но красивые черты казались бледнее, отмеченные тяжестью недавних событий. Он смотрел на спокойные воды, погруженный

в свои мысли.

Но под этим облегчением в ней всколыхнулся вихрь других чувств. Приближаясь к нему, она испытывала сильную смесь возбуждения и трепета. Это был момент, которого она так долго ждала, и вот он наконец настал. Ее сердце бешено колотилось от предвкушения и нервозности.

Ричард по-прежнему не замечал ее присутствия, сосредоточенный на созерцательной красоте воды. Хлоя поразилась парадоксальности его внешности. Он казался усталым, но черты его лица сохраняли притягательную силу.

Голос Хлои нарушил тишину, и Ричард вскинул голову, как будто находился в своем собственном мире. Его пытливые глаза осматривали местность, пока не остановились на Хлое, которая осторожно приближалась. На его лице отразилась смесь удивления и настороженности.

Он медленно поднялся на ноги, стараясь казаться беспечным. Его пристальный взгляд по-прежнему был прикован к ней, он все еще не терял бдительности.

Она видела, что Ричард не совсем уверен, как относиться к ее присутствию. Атмосфера напряжения окутала их, заставляя мгновения растягиваться, как резинка, пока Хлоя не почувствовала себя обязанной нарушить тишину, ее голос дрожал от смеси беспокойства и неподдельной озабоченности.

– Как... как ты? – нерешительно спросила она, в воздухе повисло чувство неловкости.

Реакция Ричарда была странной; он издал слабый смешок, но выражение его лица оставалось непроницаемым.

– Что ты здесь делаешь, Хлоя? – спросил он, и в его тоне послышались нотки раздражения.

– Просто... хотела посидеть где-нибудь в тихом месте, – ответила Хлоя, пожав плечами, надеясь преуменьшить истинные причины своего присутствия.

Но ее расплывчатое объяснение не удовлетворило Ричарда, и он нахмурил брови.

– Мы оба знаем, что за этим кроется большее.

Волнение Хлои давило на нее, когда она пыталась передать свои чувства Ричарду, и ей было трудно выдержать его взгляд.

– Я просто волнуюсь.

Ричард тяжело вздохнул.

– О чем? О моем психическом состоянии? Из-за смерти моего отца?

– О тебе, – сказала она, встретившись с ним взглядом.

– Не стоит, – холодным голосом сказал Ричард.

– Я не могу изменить того, что чувствую.

– Чего ты хочешь, Хлоя? – Ричард вглядывался в ее лицо. – Чего ты ждешь? Что я передумаю?

Она на мгновение опустила глаза, собираясь с мыслями.

– Я просто хочу, чтобы ты знал, что... это нормально – показывать свои эмоции. Я не думаю, что ты слабый. Ты можешь быть искренним со мной.

Ричард усмехнулся.

– Это я рассказал тебе об этом озере. И теперь ты используешь это против меня. Понимаешь, к чему я клоню? – он спросил ее, ясно видя ее намерения насквозь.

– Это был мой единственный шанс увидеть тебя. Я так волновалась.

Она не хотела использовать их общие воспоминания против него, но отчаянно хотела протянуть руку помощи.

Обычно непоколебимый фасад Ричарда дрогнул, когда он опустил взгляд.

– Хлоя, я... Я ценю твою заботу, но... Мне это не нужно. Мне не нужен личный психолог. Меня вполне устраивает мой способ справляться с ситуацией. Ты бредишь, думая, что мне нужно что-то, в чем я не нуждаюсь.

Хлоя раскусила эту ложь. Она знала, что он отталкивает ее, чтобы не показывать своих истинных чувств.

– Почему ты пытаешься оттолкнуть меня? – спросила она, ее голос дрожал от боли.

– Да как ты не понимаешь? – раздраженно сказал Ричард. – Я хочу побыть один. Мне не нужно, чтобы ты спасала меня. – Его тон был твердым, и он ясно дал понять, что закончил обсуждать это.

– Я не... – попыталась объяснить Хлоя.

– Пожалуйста, – прервал ее Ричард. – Просто иди домой.

– Ричард...

– Генри! – позвал он, поднимая руку, чтобы водитель мог



его видеть.

Прежде чем она успела что-либо сказать, он отвернулся: "Прощай, дорогая", – сказал он, и в его словах неуловимо прозвучала нотка меланхолии. Хлоя чувствовала глубокую привязанность, которую он все еще испытывал к ней, очевидную по тону его голоса и выражению глаз.

Она знала, что Ричард нуждается в ней, даже если он не мог заставить себя признать это. Когда машина отъехала, Хлоя смотрела ему вслед, надеясь, что когда-нибудь он найдет в себе силы принять ее поддержку и позволить ей вернуться в его жизнь. А пока она будет уважать его желания, даже несмотря на то, что ее сердце разрывалось от желания помочь ему справиться с его болью.

#### 4.

Дни Хлои шли своим чередом, и постепенно она начала находить утешение, несмотря на сохраняющуюся пустоту в ее сердце. Ричард, возможно, и дистанцировался от нее, но она утешалась сознанием того, что он, по крайней мере, в безопасности.

Хлоя продолжала посещать бар, погружаясь в атмосферу, которая ассоциировалась у нее с Ричардом. Это место хранило бесчисленные воспоминания об их разговорах, смехе и совместных моментах. Несмотря на то, что она не ожидала

увидеть его там, пребывание в знакомой обстановке приносило успокоение.

Завсегдатаи бара хорошо помнили Ричарда. Его присутствие всегда производило впечатление, не только из-за его богатства, но и из-за разительного контраста между ним и Чарли. Воспоминание об их дружбе было горько-сладким напоминанием о прошлом, но оно также питало надежду Хлои на то, что когда-нибудь они смогут найти способ воссоединиться.

Когда Хлоя сделала глоток своего напитка, она погрузилась в море воспоминаний, с нежностью лелея драгоценные моменты, которые она разделила с Ричардом. Бар был убежищем для общих историй и душевных бесед.

Бар излучал чарующую атмосферу, словно продуманная капсула времени, переносящая посетителей прямым ходом в яркие 1990-е годы. Воздух был наполнен ностальгией и ощущением ретро-шарма. Классические мелодии таких легендарных исполнителей, как Queen и Боуи, раздавались из автомата, их культовые мелодии переносили всех в другую эпоху.

Гирлянды, свисающие над головой, отбрасывали тусклое, теплое сияние на пространство, придавая ему привлекательную и интимную атмосферу. Мягко покачивающиеся огни добавляли нотку волшебства, как будто они нашептывали секреты из прошлого.

Сидя за стойкой бара, потягивая свой напиток и небрежно просматривая новости на своем телефоне, Хлоя неожидан-

но оказалась втянута в разговор барменом. Его голос звучал непринужденно, но его слова пронзили ее, как нож.

– Ричард Стерлинг уже давно не удостоивал нас визитом, – заметил он с оттенком любопытства в голосе.

Хлоя, застигнутая врасплох и изо всех сил пытающаяся сохранить самообладание, ответила с ледяными нотками в голосе:

– Я не в курсе расписания мистера Стерлинга.

Упоминание имени Ричарда было подобно острому удару в грудь, и ее дискомфорт был очевиден.

Бармен, поняв, что задел чувствительный нерв, продолжил:

– Я просто говорю, Чарльз недавно упомянул, что они собираются посетить нас вместе в эту субботу. Я думал, ты знаешь, почему он перестал нас навещать. Извини, если я сказал что-то не так.

Сердце Хлои пропустило удар. Упоминание о предстоящем визите Ричарда вызвало в ней море эмоций. Казалось, сама судьба организовывала их воссоединение.

Наступила суббота, и, несмотря на свое внутреннее смятение, Хлоя не смогла устоять перед притяжением, которое влекло ее в бар.

Мгновения растянулись, казалось, на часы, и Хлоя осталась наедине со своими мыслями. Сосущая пустота в желудке, нежеланный спутник, терзала ее, свидетельствуя о серьез-

ности ее эмоций. Она не могла не задаваться вопросом, придет ли Ричард, готов ли он принять ее, станет ли это воссоединение катализатором для их любви или окончательного расставания.

Когда часы пробили 5 часов вечера, она уже сидела на барном стуле, нервно переводя взгляд с входа на свой телефон.

Она теребила салфетку для коктейля, выводя пальцами невидимые узоры. Что ей сказать, когда она наконец увидит Ричарда? Захочет ли он снова впустить ее в свою жизнь? Неуверенность терзала ее, заставляя сердце учащенно биться, а ладони увлажниться от нервного пота.

Хлоя отхлебнула своего напитка, проводя пальцами по запотевшему бокалу для коктейля, в то время как ее мысли крутились вокруг Ричарда. Было невозможно выбросить его из головы.

Наконец настал момент, которого Хлоя так нервно ждала. Ее взгляд упал на него. Ричард вошел своей характерной уверенной походкой. Он излучал неоспоримый шарм и загадочность, закутанный в длинный темный плащ, который добавлял ему таинственности. Сердце Хлои учащенно забилось, когда игривые искорки заплясали в его глазах, а завораживающая улыбка озарила его лицо.

Он был воплощением того Ричарда, которого она помнила, того, кто существовал до того, как трагический инцидент бросил тень на его жизнь. Казалось, будто ничего никогда не происходило, и ее дыхание перехватило.

Рядом с ним Чарли, как обычно жизнерадостный, оживленно болтал и активно жестикулировал. Они шли вместе, не заметив на пристальный взгляд Хлои. Когда к ним подходил незнакомый парень, они остановились для диалога. Заразительный смех Чарли наполнил воздух, в то время как Ричард говорил со своей обычной элегантностью. Хлоя не могла оторвать глаз, тепло, которого так долго не было, разливалось по ее телу.

Она оставалась замороженной этим зрелищем, мир вокруг нее отошел на второй план, когда она стала свидетельницей возвращения человека, по которому так сильно скучала. Барьеры, которые разделяли их, были на мгновение забыты, замененные пленительным присутствием Ричарда и манящей знакомостью прошлого.

Пока Ричард оживленно беседовал с незнакомцем, на его лице сияла теплая и располагающая улыбка. Он указал на что-то позади себя, но затем, когда его взгляд упал на Хлою, выражение его лица сменилось с веселого на озадаченное. Секундная запинка в его речи выдала его удивление. Он быстро завершил свое участие в дискуссии и извинился, отойдя от небольшого круга, образованного Чарли и случайным парнем.

Чарли, который был полностью поглощен своим разговором, внезапно вытянул шею, чтобы посмотреть в сторону Хлои. Когда он заметил ее, его глаза расширились, а на лице появилась ошеломленная улыбка.

Сердце Хлои, казалось, сжалось, когда она наблюдала за приближением Ричарда. Вся ее нервозность и предвкушение достигли апогея, когда он подошел ближе, и она ждала момента, когда они встретятся лицом к лицу.

– Привет, Хлоя, – поприветствовал ее Ричард, подходя ближе.

Нервы Хлои затрепетали, когда она ответила нерешительным "Привет".

– Мы можем поговорить снаружи? – предположил он.

Выражение его лица было трудно расшифровать, и Хлоя не могла избавиться от дурного предчувствия.

Выйдя на улицу, он галантно открыл дверь и придержал ее для Хлои.

– Тебе не холодно? – он приподнял бровь, взглянув на ее легкое пальто.

Его забота о ее благополучии вызвала приятную дрожь, словно проблеск надежды на то, что, возможно, между ними все наладится.

– Я в порядке.

Глаза Ричарда забегали по сторонам, когда он заправил прядь волос за ухо, как будто ответы на его вопросы были спрятаны на холодном лондонском тротуаре.

Со смехом, в котором слышалась смесь недоверия и озадаченности, он нарушил молчание, его слова были пронизаны замешательством.

– Что ты здесь делаешь?

Хлоя начала объяснять, но он прервал ее, его слова были тверды.

– Пожалуйста, не лги и не говори, что это случайность. Просто ответь на мой вопрос.

Она отвела глаза.

– Как ты можешь не понимать, что я беспокоюсь о тебе?

– Я просил тебя... – начал Ричард, но Хлоя перебила его, в ее голосе слышалась досада.

– Я не могу просто перестать думать о тебе.

Он устало вздохнул, в его голосе слышалась явная усталость.

– Почему ты просто не можешь отказаться от меня?

Хлоя почувствовала укол обиды от его вопроса.

– Ты знаешь почему... – тихо ответила она, отводя от него взгляд.

Но Ричард покачал головой, его глаза были полны неподдельного замешательства.

– Нет, если честно, я не знаю.

Хлоя посмотрела на него. Казалось, он отрицает неоспоримое, и в ее голове эхом отдавался вопрос: почему? Что удерживало его от признания правды? Почему он отталкивает ее?

– Нет. Ты знаешь. Ты прекрасно знаешь. Я... – начала Хлоя решительным голосом, но ее слова были внезапно прерваны стальным тоном Ричарда.

– Не делай подобных заявлений, если ты не уверена в сво-

их словах. Я не хочу этого слышать. Ты не знаешь, что такое любовь.

Его слова сильно задели ее.

– О, я прекрасно знаю, – заявила она, и в ее глазах отразился глубокий колодец эмоций.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – он покачал головой. – Ты просто отчаянно хочешь спасти меня. Из моей тьмы. Вот что ты действительно чувствуешь.

Хлоя не позволила его пренебрежительному отношению повлиять на нее.

– Не смей определять мои чувства. Я знаю, как и что я чувствую.

Морозный ночной воздух послужил фоном для этого столкновения эмоций. Голос Ричарда оставался холодным, словно защитный барьер, который он возвел вокруг себя.

– Ты лжешь сама себе. Я того не стою. Иди найди кого-нибудь другого, – заявил он.

Хлоя стояла там, ее взгляд был твердым и непоколебимым, несмотря на боль, которую она чувствовала.

Она молча смотрела на него. Холодные глаза Ричарда впились в нее, когда он заявил:

– Хорошо. Ну, я этого не чувствую. Я не люблю тебя. Смирись с этим.

Его слова были словно удар кинжала в ее сердце, хотя она знала, что они были порождены его защитным механизмом, попыткой сохранить непроницаемый фасад.



Хлоя понимала, что он лжет самому себе, прячет свои эмоции, чтобы скрыть свою уязвимость, и ей было больно видеть, как он отвергает заботу людей.

– Это не меняет того, что я чувствую, – ответила она мягким, решительным голосом.

Ричард, в своем упрямстве, встретил ее взгляд с ледяной решимостью. Ему хотелось верить в ту ложь, которую он только что произнес, в то, что он не любит ее, что он может прогнать ее и освободиться от сложного переплетения эмоций, которые всплыли на поверхность.

И все же атмосфера потрескивала от напряжения невысказанных истин. Истина в том, что их связь была неоспорима. Правда в том, что, несмотря на его попытки оттолкнуть ее, присутствие Хлои уже тронуло его душу.

Ричард глубоко вздохнул, на его лице отразилась смесь раздражения и беспокойства.

– Почему ты продолжаешь так мучить себя?

– Почему ты так боишься, что кто-то полюбит тебя? – спросила она, ища брешь в его броне.

Однако поведение Ричарда оставалось непреклонным, его эмоции были глубоко скрыты за фасадом.

– Ты не любишь меня, Хлоя. Я просто привязал тебя к себе. Это не любовь. Это извращенная одержимость.

Сердце Хлои защемило, когда она осознала ненависть к себе, которая жила в душе Ричарда, непреодолимый барьер для того, чтобы принять ее привязанность.

Хлоя покачала головой, ее глаза наполнились состраданием.

– Думай, как хочешь. Я просто хочу, чтобы с тобой все было в порядке, – повторила она, и искренность в ее голосе не дрогнула.

Слабая ухмылка тронула уголки губ Ричарда, но его взгляд блуждал в другом месте.

– Ты слишком хороша для этого мира, Хлоя, – мягко прокомментировал он. – Но не трать свою жизнь впустую, гоняясь за теньями. Найди кого-нибудь, кто заслуживает тебя, кого-нибудь, кто сможет искренне полюбить тебя в ответ.

Его слова оставили неизгладимую боль в сердце Хлои. Она не могла понять, почему он считал, что не заслуживает любви или что он не способен на нее. Чувство пустоты росло, как будто пропасть между ними еще больше расширилась.

Она видела глубину его уязвимости, темноту, которую он пытался держать в узде, но он, казалось, не желал признавать, что может быть кто-то, кто искренне заботится о нем.

– Я не могу забыть тебя... – ее голос дрожал от переполнявших ее эмоций, а глаза искали на его лице хоть какой-то признак понимания.

К ее удивлению, выражение лица Ричарда сменилось искренним изумлением. Он встретился с ней взглядом, и в его глазах была неожиданная глубина мудрости, когда он ответил:

– Тогда ты не живешь по-настоящему. Ты застряла в про-

шлом, цепляешься за что-то, чего там нет. Отпусти меня, Хлоя. Ради нас обоих.

Боль от осознания этого пронзила глубоко. Был ли он прав? Цеплялась ли она за что-то, чего больше не было, не в силах двигаться вперед?

– Это то, чего ты на самом деле хочешь? – спросила она тихим голосом.

Ричард отвернулся, и его ответ прозвучал холодным, негромким голосом, который только усилил ее сердечную боль: "Да".

В горле у нее образовался комок, и она с трудом сглотнула, когда, наконец, прошептала: "Хорошо".

Для Хлои эта жертва была болезненной. Она знала глубину своих чувств к нему, и даже несмотря на то, что он оттолкнул ее, она не могла просто выключить свою любовь, как выключатель. Она все еще заботилась о нем, и у нее осталось глубокое чувство потери, ощущение, что что-то прекрасное было непоправимо разбито.

Когда Хлоя быстро уходила, пытаясь сохранить самообладание, она сдерживала слезы, не желая, чтобы кто-нибудь видел ее уязвимость.

Тем временем Ричард отвернулся, опустив взгляд в землю, не желая смотреть, как Хлоя уходит. Он ощутил неожиданную боль глубоко в груди, незнакомое чувство вины за то, что причинил ей боль. Это напугало его, потому что это была эмоция, которую он долго пытался похоронить.

## 5.

Укрывшись одеялом, Хлоя лежала в темноте, ища убежища от всего мира. Она чувствовала себя эмоционально истощенной, в ее мыслях царил вихрь смятения и печали после встречи с Ричардом. Весомость его слов тяжелым грузом давили на ее сознание. Ей нужно было время, чтобы переварить все, что произошло между ними.

Лежа там, Хлоя пыталась поразмыслить о выборе, который они сделали. Она сомневалась, сможет ли она действительно отпустить его, как просил Ричард, или ее чувства к нему слишком глубоки. Ночь была окутана пеленой неопределенности, и она боролась со своими эмоциями, надеясь, что каким-то образом сможет обрести ясность в темноте.

Поздним утром, когда Хлоя все еще была погружена в свои мысли, на ее телефоне зазвенело уведомление. Ее глаза расширились, когда она прочитала сообщение – на ее счет было переведено пять тысяч долларов.

Тем временем на другом конце города Ричард устался на свой телефон, задаваясь вопросом, почему он импульсивно отправил деньги. Как будто какая-то часть его хотела что-то сделать для Хлои, даже если это не могло быть чем-то эмоциональным. Его действия были продиктованы желанием загладить свою вину, дать ей что-то осязаемое, когда он не мог

предложить то, в чем она действительно нуждалась.

Хлоя, однако, испытывала смесь принятия и отторжения. Она знала, что деньги не смогут заменить связь, к которой она стремилась с Ричардом. Преисполнившись решимости, она решила перевести деньги обратно. Бормоча себе под нос, она подтвердила свою позицию: "Мне не нужны твои деньги".

Денежный перевод и его быстрое возвращение тяжелым грузом легли на совесть Ричарда. Он не мог до конца понять, почему это так глубоко подействовало на него. Это была попытка, пусть и неуклюжая, выразить свою заботу о Хлое. Раздираемый противоречиями и беспокойством, он решил позвонить ей.

Хлоя сразу же сняла трубку: "Что ты делаешь?"

– Вот опять. Почему ты не можешь просто принять то, что тебе дают? – голос Ричарда был лишен эмоций.

– Спасибо за заботу, но мне не нужны твои деньги, – голос ее был твердым. – Так что нет необходимости откупаться от меня.

Никто не вешал трубку, и они оба оказались в ловушке напряженного молчания, и ни один из них не желал отступить. Этот странный жест, попытка использовать деньги, чтобы загладить свою вину, только еще глубже вбил клин между ними. По-своему упрямые, они пытались защитить друг друга, но, казалось, не могли найти золотую середину.

Его разочарование выплеснулось через телефон, когда он

простонал:

– Просто... хорошо, – в его голосе было осязаемое раздражение. Он сделал паузу, собираясь с мыслями и глубоко дыша, прежде чем продолжить: "Это просто нелепо. Для тебя это большая сумма. Для меня это ничего не значит."

Решительным тоном Хлоя ответила:

– Ты пытаешься загладить свою вину деньгами, но это так не работает. Если ты не хочешь меня видеть, хорошо. Я не могу заставить тебя. Но нет никакой необходимости платить мне, чтобы окупить это.

– Хлоя... ты невозможна, – вздохнул он. – Ладно, как скажешь

– Да, как скажешь, – ответила покорно Хлоя, в ее голосе слышались нотки обиды.

Звонок повис в тишине, ни один из них не хотел заканчивать его.

Посреди их затянувшегося молчания Ричард прорвался тихим, но решительным голосом.

– Я не заслуживаю твоей любви, Хлоя. Не нужно тратить ее на меня. Я пытаюсь помочь тебе понять это.

Хлоя почувствовала, как болезненно сжалось ее сердце.

– Я могу решать сама, – заявила она.

– Да... Я знаю, – в его словах чувствовалась тяжесть поражения.

После долгого молчания она сказала:

– Ты хочешь поговорить? По-нормальному, не так, как в

прошлый раз. Давай встретимся и закончим этот разговор, а потом мы сможем исчезнуть из жизни друг друга, если ты захочешь.

Ричард помолчал, обдумывая предложение.

– Хорошо, – ответил он. – Еще одна, последняя встреча. Чтобы положить конец этому... циклу, в котором мы оказались. Но помни, я не передумаю.

Повторение его слов ясно давало понять, что он пытался убедить самого себя.

– Ты дома? В котором?

– Ты знаешь, в каком именно., – вздохнул он. – В моем любимом.

Хлоя закрыла глаза, затем ответила: "Хорошо", – и завершила разговор. Ричард, оставшись один, глубоко вздохнул, размышляя о странной смеси эмоций, бурлящих внутри него.

## 6.

Хлоя стояла в дверях Ричарда, на ее плечах лежал груз последних нескольких недель. Она постучала, и дверь плавно отворилась, явив Ричарда с сигаретой в пальцах. Его дымный выдох повис в воздухе, когда он посмотрел на нее.

– Куришь в доме? – спросила Хлоя, приподняв бровь.

– Привычка, – ответил он, затягиваясь сигаретой, прежде

чем отойти в сторону, чтобы впустить Хлою.

Она вошла в темную комнату с завешенными окнами и уселась на диван, не сводя с него пристального взгляда.

– Как ты справляешься? Похороны уже состоялись? – спросила она.

Ричард продолжал курить, время от времени бросая взгляд в окно, прежде чем вернуться к лицу Хлои.

– Да, – ответил он, взвешивая слова. – Похороны были пять дней назад. Что касается меня... Я бы сказал, что делаю все, что в моих силах. Но мы здесь не за этим.

Соглашаясь, Хлоя кивнула и придвинулась ближе к Ричарду.

– Ты действительно ничего не чувствуешь ко мне? Совсем ничего?

Она решила сбросить защитные слои и противостоять затянувшейся неопределенности. Она слишком долго боролась со своими чувствами, и пришло время взглянуть правде в глаза, какой бы она ни была. Ричард, с другой стороны, не казался пораженным или дезориентированным ее внезапной откровенностью. Вместо этого он продолжал курить, делая размеренные затяжки, прежде чем испустить вздох, и все это время обдумывал вопрос Хлои.

Его ответ был честным, но в нем чувствовалась тяжесть:

– О, Хлоя... Честно? Я испытываю к тебе много чувств. Просто не тех, на которые ты надеешься. Смятение, гнев, страстное желание, интерес – все они борются внутри меня.



Ты всегда очаровывала меня, и это сводило меня с ума. Но помни, это конец игры.

Сердце Хлои упало от его слов. Это был не тот ответ, на который она надеялась.

Решительным шагом Хлоя приблизилась, сокращая расстояние между собой и Ричардом: "Тогда почему ты продолжаешь связываться со мной?"

– Связываться с тобой? – приподнял бровь Ричард.

– Звонишь мне, переводишь деньги. Если ты хочешь покончить со всем, тогда почему?

Выражение его лица дрогнуло, смесь неуверенности и замешательства заиграла на его чертах, когда он боролся со своим внутренним противостоянием.

– Потому что... – признался он. – Я ничего не могу с собой поделать. Даже когда я хочу оттолкнуть тебя, что-то притягивает меня обратно.

Дыхание Хлои перехватило. Она жаждала этого признания, правды о том, что он не мог разорвать их связь, что она нужна ему в его жизни. Ее пальцы слегка коснулись его руки, когда она мягко спросила:

– Тогда почему ты продолжаешь пытаться покончить с этим? Ты не привык бороться со своими желаниями. Что происходит?

Его глаза остановились на ее прикосновении, и он почувствовал, как его сердце забилось быстрее, глухо стуча в груди.

– Желания... – тихо сказал он. – Хлоя, они – мучительная симфония внутри меня. В один момент они подводят меня к обрыву, в следующий молят остановиться. Я... не привык к такому конфликту.

– Но ты справляешься. Хоть и не безупречно, но... – Ее пальцы нежно коснулись его щеки, жест, заставивший его крепко зажмуриться. Ему было трудно сдерживать бурлящие в нем эмоции.

– Ты даже не представляешь... – прошептал он, не открывая глаз. – Абсолютно. Я даже думать о тебе не могу без...

Он помолчал, подбирая слова. Хлоя мягко подтолкнула ее, спросив: "Без чего?"

Наконец он открыл глаза, обнажив уязвимость, которую так долго пытался скрыть. Голосом, в котором слышались нотки поражения, он признался:

– Без этой бури эмоций. Это все равно что танцевать на грани здравого смысла, постоянно балансируя... и тебе следует отступить, пока я окончательно не потерял контроль.

Ее пальцы нежно погладили его по щеке.

– Я не хочу отступить.

Ричард встретился с ней взглядом, их связь была такой же сильной, как и прежде.

– Ты играешь с огнем, Хлоя, – предупредил он. – И рано или поздно кто-нибудь обязательно обожжется.

– Я не возражаю... – прошептала она, в ее голосе прозвучали нотки вызова, признания того, что они оба идут по

опасной пропасти.

Ричард не смог скрыть своего удивления от ее слов, смеси восхищения и волнения.

– Ты ненормальная, Хлоя, ты знаешь это? Ты не должна хотеть, чтобы тебе причинили боль.

Взгляд Хлои не дрогнул.

– Я не хочу этого. Но я не возражаю, если это произойдет, – и наклонилась ближе.

Нежное прикосновение Хлои к его щеке вызвало дрожь по спине Ричарда, дрожь эмоций, которые он долго сдерживал. Ее пальцы прошлись по его коже, словно пытаясь успокоить бурлящее в нем волнение.

В этот напряженный момент сердце Ричарда билось как бешеный барабан, отражая смятение внутри него.

Голосом, полным беспокойства и очарования, он пробормотал:

– Ты мазохистка, Хлоя. Признай это. Ты жаждешь боли и страданий.

Пристальный взгляд Хлои оставался непоколебимым, с молчаливым вызовом, когда она посмотрела ему в глаза.

– Я жажду чего-то другого, – тихо сказала она. – Ты знаешь, о чем я.

Губы Ричарда сжались.

– Это плохая идея, – запротестовал он. – Я не чувствую того же. Тебе следует уйти.

Несмотря на его слова, его глаза выдавали правду, ибо в

них отражались желания, скрытые глубоко внутри него.

– Тогда почему ты не отходишь назад? – прошептала она.

Обдуманно, но неуверенным движением она сократила расстояние между ними, ее пальцы коснулись губ Ричарда. Его голос, пронизанный желанием и досадой, достиг ее ушей: "Черт".

Не в силах больше сдерживаться, он прижался губами к ее губам.

– Я не могу устоять перед тобой, Хлоя. Я не могу. Это сводит меня с ума.

Его губы впелись в ее, их пылкий поцелуй говорил о том, чего никогда не передать словами. Казалось, что мир исчез, оставив только их двоих в крепких, пламенных объятиях. Первоначальное сопротивление Ричарда рухнуло под тяжестью его эмоций, и он обнаружил, что не в состоянии сопротивляться магнетическому притяжению Хлои.

Интенсивность поцелуя передавала их желание, мучительную потребность в присутствии друг друга. Это было воссоединение душ, которые слишком долго были в разлуке, подтверждение того, что никакое расстояние не может по-настоящему разлучить их.

– Я тоже, – прошептала она.

Он взял ее лицо в ладони, нежно прижимая его к себе, когда он углубил поцелуй, еще больше запутывая их души. В этот момент слова были излишни, их связь была создана электризирующей искрой, которая никогда не угасала. С каж-

дой проходящей секундой они терялись в ощущении друг друга, вкуса, тепла, привычности, которые только углубляли их связь.

Их поцелуй говорил о любви, потере и неоспоримой силе, притягивающей их друг к другу. Это был момент, о котором они оба мечтали, свидетельство силы эмоций, которые не могли погасить ни время, ни расстояние.

– Я скучала по тебе, – Хлоя прошептала ему в губы, ее голос был полон тоски.

Застигнутый врасплох ее словами, Ричард резко прервал поцелуй, внезапно увеличив дистанцию между ними. Он отступил назад и в отчаянии вытер рот рукой.

– Ты снова обожжешься. Почему ты не понимаешь? – воскликнул он, и в его голосе слышались одновременно гнев и тревога.

Хлоя была сбита с толку резкой переменой в его поведении.

– Если ты так беспокоишься обо мне, то просто не обижай меня, – возразила она. – Неужели это так сложно?

– Да! – он повысил голос. – Это чертовски сложно! Это я и пытаюсь тебе сказать! Я не могу контролировать... ничего! Я понятия не имею, чего захочу через минуту! У меня в голове полный бардак.

– Ты не знаешь, чего захочешь, но ты можешь контролировать свои действия, – Хлоя покачала головой, ее тон был мягче, но непоколебим.

– Ты не понимаешь, да? – он издал тяжелый, обреченный вздох. Ты никогда не поймешь. Я... я пытаюсь защитить тебя.

Его забота и страх причинить ей боль глубоко тронули Хлою. Она начинала понимать, что за смятение царит в нем.

– Я не нуждаюсь в твоей защите.

Ричард закрыл глаза, на его лице появилось страдальческое выражение, когда он признался:

– Мне никогда не будет достаточно, Хлоя. Что ты почувствуешь, когда я снова захочу кого-то другого? Это уничтожит тебя.

Она прикусила губу.

– Может быть... но...

Его реакцией был нервный смешок, смесь недоверия и уязвимости.

– Что? Надеешься, что я никогда этого не сделаю? – спросил он.

– Я надеюсь, – ее голос дрогнул, и она поколебалась, прежде чем продолжить. – Но я бы предпочла провести с тобой хотя бы немного времени, даже если это мимолетно, чем вообще ничего.

Готовность терпеть боль, если она придет, до тех пор, пока это означало лелеять моменты, проведенные с Ричардом, была трогательным проявлением ее любви и преданности.

Он глубоко вздохнул, его пристальный взгляд остановился на Хлое.

– Ты такая романтичная, Хлоя, и это мило, но... – В его виде чувствовалась неохота, когда он заглянул ей в глаза. – Не говори, что я тебя не предупреждал.

Его попытка оградить ее от боли согрела ее сердце, даже если она осознавала предстоящие трудности. Она ответила нежной улыбкой и сократила расстояние между ними, чтобы запечатлеть нежный поцелуй на его губах.

Когда их губы встретились, комнату захлестнул вихрь эмоций. Хлоя чувствовала смесь тоски, нерешительности и страсти, которая разгоралась между ними. Первоначальное нежелание Ричарда переросло во взаимную капитуляцию перед влечением, которое они не могли отрицать.

Поцелуй стал глубже, и рука Хлои легла Ричарду на затылок, нежно притягивая его ближе. Его руки обвились вокруг нее, и на короткое мгновение их мир был поглощен силой их связи. Комната отошла на задний план, время остановилось, и они остались только вдвоем, наконец признав неоспоримое влечение, которое тлело под поверхностью.

Это был горько-сладкий момент, когда они осознавали все сложности и неуверенность, которые ждали их впереди, но сейчас они позволили себе раствориться в тепле и вкусе друг друга.

Улыбка Хлои, хоть и слабая, была наполнена пониманием. Она осознала конфликт, бушующий внутри Ричарда, и то, как он разрывался между своими желаниями и инстинктивным стремлением защитить ее.

– Ты на вкус как сигареты, – Хлоя прошептала ему в губы.

– А ты вкус как невинность, – в его хриплом голосе слышалась смесь тоски и веселья. – Интересный контраст, не правда ли?

Пока они продолжали целоваться, окружающий мир канул в лету, оставив после себя только эхо их общих желаний и контраст между их ароматами – острое напоминание о замысловатом танце света и тьмы, страсти и чистоты, который определял их отношения.

Ричард прижал Хлою к стене, она прикусила губу, стараясь не застонать, и положила голову Ричарду на плечо. Он поцеловал ее шею, нежно проводя губами по чувствительной коже:

– Не сдерживайся. Я хочу слышать тебя.

Хлоя ахнула, когда его вес опустился на нее, почувствовав тепло и тяжесть его тела. От его слов по ее телу пробежала дрожь, и она почувствовала, как ее тело начинает таять в его объятиях. Она судорожно вздохнула, ее ногти впились Ричарду в спину.

Ричард отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза, его собственные глаза горели желанием. Он провел большим пальцем по ее щеке, наслаждаясь мягкостью ее кожи.

– Ты такая красивая, – прошептал он, нежно целуя ее в губы. Его движения были медленными и уверенными. – Такая очаровательная.

Она откинула голову назад, тяжело дыша. Он притянул



ее ближе, их тела плотно прижались друг к другу. Его руки блуждали по ее изгибам, пока поцелуй углублялся. Он почувствовал, как ее сердце бешено заколотилось в груди, когда его рука опустилась ниже, ее дыхание стало более поверхностным. Когда он погладил ее талию, ее тело задрожало от его прикосновений. Он почувствовал трепет, когда она ответила на его касание, ее тело выгнулось навстречу его.

Она тихо застонала, запустив руку в волосы Ричарда. Он ухмыльнулся ей в шею:

– Черт возьми, Хлоя, – он тихо рассмеялся. – Ты такая невероятная, ты знаешь это?

– С чего вдруг ты это сказал? – она прикусила губу, пряча улыбку.

– Потому что это правда, – прошептал он. – Ты великолепна. И мне нравится, какая ты чувствительная.

Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя странно, – сказала она.

Ухмылка Ричарда стала шире, а в глазах заиграли веселые искорки.

– Я говорил тебе, что могу быть нежным, – сказал он низким и ласковым голосом. – Я не лгал, – добавил он, медленно ускоряясь.

Она ахнула, ее сердце бешено колотилось в груди, когда он продолжал двигаться внутри нее. В его глазах все еще мерцал озорной огонек, но она чувствовала исходящее от

него тепло. Она почувствовала, как ее тело задрожало, когда он продолжил, и волна удовольствия прокатилась по ней. Она чувствовала себя в полной безопасности в его объятиях, и ощущение тепла и удовольствия было ошеломляющим.

Ричард нежно поцеловал ее, и она ответила слабой улыбкой, прошептав:

– Ты сейчас такой... милый.

Его руки медленно двигались по телу Хлои, пока она задышалась от удовольствия. Он ухмыльнулся и пробормотал:

– Мне нравится заставлять тебя так стонать.

Хлоя откинула голову назад, крепко вцепившись в простыни.

Он прикоснулся губами к ее шее, и она издала низкий стон, ее тело задрожало от удовольствия.

– Не останавливайся, – прошептала она.

Он усмехнулся и продолжил целовать ее шею, его руки исследовали изгибы ее тела. Она вздохнула и закрыла глаза, наслаждаясь моментом.

Ричард улыбнулся, касаясь ее кожи, и увеличил скорость своих движений, вызвав у Хлои довольный вздох. Она прильнула к нему, ее руки сжали его плечи, когда она почувствовала, как внутри нее нарастает удовольствие. Собственное дыхание Ричарда становилось все более затрудненным по мере того, как он двигался быстрее, подталкивая ее все ближе и ближе к краю, пока ее крики удовольствия эхом не разнеслись по комнате.

– Ты... нечто, – сказала она, все еще пытаясь отдышаться, Ричард лежал рядом с ней.

– Сочту за комплимент, – сказал он, ухмыльнувшись, и наклонился, чтобы нежно поцеловать ее в плечо.

Хлоя лежала на боку, глядя на Ричарда с мягкой, ласковой улыбкой. В ее словах слышались нотки восхищения.

– Это он и есть, – прошептала она, обводя взглядом черты его лица. – Ты такой красивый, особенно когда ты... растрепанный, без идеальной прически и костюма.

Смех Ричарда был искренним, он провел рукой по влажным от пота волосам и тихо рассмеялся.

– Спасибо. Это самый честный комплимент, который я когда-либо получал, – признался он. В его ухмылке была смесь любопытства и нежности, когда он продолжил: "Ты просто очаровательна".

Хлоя слегка покраснела, и не смогла удержаться от смеха.

– Ты говоришь это уже третий раз, – игриво поддразнила она.

– Серьезно? Ну, – сказал он, пожимая плечами, – я полагаю, это потому, что это правда.

Смех Хлои был искренним и наполнил комнату теплом. Она удовлетворенно лежала на груди Ричарда, их вплетенные пальцы играли в успокаивающем ритме. Это было то счастье, к которому она стремилась, чувство завершенности, которого она не испытывала с тех пор, как они в последний

раз были вместе.

Ричард тоже присоединился к ее смеху, и нежная улыбка украсила его губы. Когда волосы Хлои упали ей на лицо, он нежно заправил их ей за ухо, в его глазах отражалась привязанность.

– Но... пойми, что теперь я не отпущу тебя, – серьезно сказал он. – Однажды я это сделал. Но вот мы здесь. Я не стану делать это дважды, дорогая.

Хлоя игриво хихикнула, ее пальцы выводили узоры на его груди.

– Ты такой собственник. Почему? Потому ты всегда получал то, чего хотел?

– Да, отчасти, – кивнул он. – Потому что я всегда получал то, чего хотел. И потому что ты того стоишь. – Его пальцы продолжили свое нежное путешествие по волосам Хлои.

Вопрос Хлои, произнесенный шепотом, повис в воздухе, как мысль, ожидающая своего изучения.

– Разве не забавно, как сильно мы зависим от некоторых людей? – размышляла она.

Улыбка Ричарда была нежной, когда он поцеловал волосы Хлои, в его голосе слышалась задумчивость.

– Хм, я бы не сказал, что мы зависим от них... возможно, нас просто тянет к ним. А ты как думаешь?

Она почувствовала собственничество в его поцелуе, и от этого у нее по спине пробежали мурашки. Хлоя на мгновение задумалась, ее пальцы бесцельно чертили узоры на его

груди.

– Ну, зависит от точки зрения. Они оказывают на нас влияние. Это ведь не независимость, не так ли?

Он пожал плечами, нежно коснувшись ее подбородка, когда поднял ее лицо, чтобы встретиться со своим взглядом.

– Не обязательно, солнце. У всех нас разные отношения с теми, к кому нас тянет. Некоторые могут влиять на нас больше, чем другие, но в конечном счете только нам решать, насколько сильно они могут воздействовать на нашу жизнь.

Хлоя лежала, прижавшись к Ричарду. Она слегка поежилась, ее голос был мягким, но серьезным.

– Не думаю. Я не выбирала быть настолько зависимой от твоего... от тебя. Все дело в эмоциях.

Ричард тихо засмеялся, его пальцы нежно плясали на ее спине.

– Эмоции могут быть довольно сильными, не так ли? Некоторые из них делают тебя слабым. Любовь, боль, отчаяние. Но некоторые делают тебя очень сильным. Желание, гнев, надежда.

Хлоя подняла голову, чтобы посмотреть Ричарду в глаза, заинтригованная его перспективой.

– Забавно, что ты думаешь, что любовь делает тебя слабым, но гнев делает тебя сильнее.

Пальцы Ричарда водили по ее спине успокаивающими движениями, пока он обдумывал ее слова.

– Это не забавно, Хлоя. Просто так оно и есть. Любовь

может сделать тебя уязвимым, открытым для боли и душевных терзаний. Но гнев? Он может побудить тебя делать то, чего ты в любом другом случае не стал бы делать. Это может быть щит или оружие.

Хлоя не собиралась отступать, в ее голосе слышалась страсть.

– Любовь может сделать тебя очень сильным. Ты можешь преодолеть то, о чем и подумать не мог, что когда-нибудь сможешь. Но гнев разрушителен.

– Возможно и то, и другое. Любовь и гнев – это две стороны одной медали. Они переплетены в нашем эмоциональном ландшафте. Одно не существует без другого.

Заинтригованная разговором, Хлоя подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Не согласна. Любовь может превратиться в ненависть, но гнев никогда не перерастет во что-то хорошее.

Улыбка Ричарда оставалась нежной.

– Ах, но может ли любовь действительно превратиться в ненависть? Или дело в том, что некоторые формы любви превращаются в гнев, когда на них не отвечают взаимностью или не встречают понимания? Что касается превращения гнева во что-то хорошее, возможно, это субъективно.

Хлоя пребывала в молчании, обдумывая весомость слов Ричарда. В его точки зрения были свои зерна истины, и она поймала себя на том, что признает это, встретившись с ним взглядом.

Его улыбка стала шире, и его пальцы нежно прошлись по щеке Хлои.

– Есть над чем подумать, верно? – заметил он, после чего тряхнул головой. – Я хочу покурить. Ты не возражаешь?

– Я не фанатка запаха дыма, но это твой дом, так что вперед, – слегка отодвинулась она. – Сигареты после секса – это святое.

Его ответом был тихий, ласковый смешок. Ричард наклонился, чтобы нежно поцеловать Хлою в лоб, прежде чем подняться.

– Хорошо. Я буду уважать твое личное пространство и выйду на балкон, – заверил он ее.

Теплая улыбка озарила лицо Хлои. Его внимание к этим мелким деталям были свидетельством его заботы о ней. Это заставляло ее чувствовать себя желанной и вызывало ощущение второго дыхания, нового начала их истории.

Когда он направился к балкону, Хлоя поняла, что путь, по которому они пошли вместе, был далеко не простым. Их отношения были гобеленом, сотканным из запутанных нитей любви, гнева и множества эмоций.

Хлоя взяла шелковистое кимоно, ткань которого была прохладной и роскошной на ощупь, и грациозно обернула его вокруг себя. С каждым шагом она чувствовала, как чувственный материал ласкает ее кожу, когда она отважилась выйти на балкон. Там она столкнулась взглядом с Ричардом, его полуобнаженная фигура в сочетании с сигаретой между

пальцами создавали образ утонченности и очарования. Хлоя не могла не оценить открывшийся вид, поскольку ее дыхание создавало мягкое облачко в холодном воздухе.

– Здесь довольно холодно, не так ли? – заметила она, нарушив молчание. Ее голос звучал мелодично на фоне городского гула.

Ее слова привлекли его внимание, и он ответил легкой ухмылкой, еще раз затянувшись сигаретой. Вокруг него клубился дым, придавая его присутствию почти таинственную ауру.

– Ну, – ответил он, – раньше ты, кажется, не возражала. Кроме того, здесь не так уж холодно. Просто ты привыкла к теплу.

Хлоя в ответ игриво пожала плечами.

– Извини, что взяла твою одежду.

Ухмылка Ричарда стала еще шире, и он еще раз затянулся сигаретой, прежде чем выпустить небольшое облачко дыма в прохладный ночной воздух. Его пристальный взгляд, все еще прикованный к Хлое, излучал оценивающую пристальность.

– На самом деле ты выглядишь довольно обольстительно, – заявил он, не стесняясь выразить свое восхищение.

Хлоя рассмеялась, ее рука застенчиво потянулась, чтобы взъерошить волосы.

– Что ж, приятно, что ты так думаешь. Я потная и растрепанная.



Ричард подошел на шаг ближе, и с тихим звоном положил сигарету в пепельницу, и его голос звучал тепло, когда он заговорил.

– Я тоже. И, честно говоря, мне нравится видеть тебя такой. Потной и растрепанной. Это отражает, насколько страстными мы были раньше.

Хлоя вдохнула свежий воздух, наслаждаясь ощущением того, что находится вдали от городской суеты.

– На самом деле, приятно находиться подальше от города, – заметила она, и в ее голосе послышались нотки удовлетворения.

Ричард, небрежно облокотившийся на перила балкона, наблюдал за ней с мягкой улыбкой.

– Всегда приятно время от времени отстраняться от всего этого. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

– Правда? – усмехнулась она, чувствуя себя польщенной. – Что ж, спасибо.

– Конечно. Мне нравится твоя компания.

Внезапно Хлоя задумчиво посмотрела на небольшой пролетающий лист и приподняла бровь.

– Один вопрос внезапно возник у меня в голове.

– Вперед. Задавай, – Ричард ухмыльнулся, скрестив руки на груди.

– Ты грешил? – Она посмотрела на него пронзительным взглядом.

Вопрос Хлои повис в воздухе, и на мгновение показалось, что Ричард погрузился в свои собственные мысли. Отдаленный гул и тихий шелест листьев на ветру были единственными звуками, сопровождавшими их беседу.

Пока он обдумывал ее вопрос, взгляд Ричарда был устремлен куда-то за пределы городских огней, возможно, в поисках более глубокого понимания внутри себя. Выражение его лица оставалось невозмутимым, тусклый свет с балкона отбрасывал тени на его лицо.

Наконец, с напускным безразличием, он ответил.

– Что ты определяешь как грех? Библейские грехи? Моральные? В любом случае, у меня и те, и другие. Наркотики, драки, ложь, взятки. Я не святой, и мы оба это знаем.

Его голос был спокойным, почти отстраненным, как будто он рассказывал о чем-то обыденном. Он не уклонялся от реальности своих действий и не пытался их оправдать. Вместо этого он признал свои прегрешения без тени жалости к себе.

Хлоя внимательно слушала, не сводя глаз с его лица. Она уважала его готовность противостоять темным аспектам своего нутра и ценила его неприкрашенную честность.

– Да, – кивнула она, – но что меня интересует, так это грешил ли ты в соответствии с твоим определением греха.

– Моим определением? – он посмотрел наверх, задумавшись. – Ну, я никогда не утверждал, что я хороший человек. Я совершал ошибки, совершал преступления. Поступки, о которых жалею. Но у меня нет конкретного списка вещей,

которые я считаю грехами.

– Значит, у тебя нет своего определения, – пробормотала Хлоя, устремив взгляд в небо.

– Жизнь слишком сложна для простых ярлыков, тебе не кажется? – он ответил. – Мои моральные ориентиры – не то, чем я горжусь. Они искорежены и извращены за годы жизни на грани. Но они мои, и они ведут меня через эту хаотичную жизнь.

Хлоя восхищалась его искренностью, ее мысли блуждали по сложностям его характера.

– Хм, – задумчиво произнесла она, – интересная точка зрения.

Затем она переключила свое внимание на усыпанный звездами балдахин над головой – полотно, ставшее свидетелем бесчисленных человеческих созерцаний. В ее вопросе чувствовалось благоговение: "Ты веришь во что-то большее, чем мы?"

– Ты имеешь в виду судьбу? – он издал тихий смешок. – Нет, не верю. Мои убеждения более прагматичны. Я верю в выживание, контроль и силу. Но разве не удивительно, что людям нужно во что-то верить? Будь то высшая сила или просто надежда.

– Даже если это что-то мистическое.

– Абсолютно, – продолжил он. – До тех пор, пока это дает им ощущение цели и утешения. А ты?

Она слегка покачала головой, выражение ее лица стало за-

думчивым.

– Я не верю. Мне не нравится концепция того, что меня судят по чьей-то парадигме, если это можно так назвать.

– Понимаю. Суждения могут быть довольно субъективными, и не у всех убеждения совпадают. Но интригует то, как некоторые люди находят утешение в вере, несмотря на ее потенциальные недостатки.

– Да... – выдохнула Хлоя, после чего на какое-то время замолчала. – Могу я спросить тебя кое о чем личном?

Ричард приподнял бровь, его губы изогнулись в слабой улыбке.

– О боже. Не нужно сообщать мне, что тебя что-то интересует, солнце. Спрашивай, – ответил он беззаботным тоном.

– Ты сказал мне, что люди использовали тебя ради денег, притворяясь, что любят тебя? – спросила она, осторожно подбирая слова.

– Мхм, – небрежно кивнул он.

– И это никогда не причиняло тебе боли? Я не знаю... это звучит... грустно? – спросила Хлоя с неподдельным любопытством.

Он пожал плечами, его поведение оставалось невозмутимым. Слова Ричарда были сдержанными и деловитыми, создавая атмосферу загадочности вокруг его прошлого и его способности ориентироваться в нем, не оставляя глубоких шрамов.

– Ну, я думаю, это зависит от того, что ты понимаешь под

болью. Если ты про эмоциональную боль, то нет, не особо. Так устроен мир.

– Ты когда-нибудь был влюблен? – спросила Хлоя.

– Что ты определяешь как любовь? – ответил он с лукавой усмешкой.

– Ну, в твоём понимании, – она пожала плечами, надеясь услышать его точку зрения.

Он на мгновение задумался, устремив взгляд вдаль.

– Я не знаю... Любовь – сложная штука, смесь эмоций, желаний и привязанности. Я был влюблен, поглощен желанием и даже одержим. Но настоящая любовь? Это сложный вопрос. Возможно. Но ничего хорошего из этого не вышло.

Хлоя поняла, что его эмоции оставались для него самого чем-то вроде загадки, если он не мог с уверенностью сказать, испытывал ли он любовь.

– О, – ответила она с оттенком сочувствия в голосе, – мне жаль это слышать.

– Это жизнь, Хлоя, – искренне рассмеялся он. – Любовь – это не сказка, которую изображает Голливуд. Иногда она красива, но чаще всего она приносит боль.

Его голос звучал так, словно он давно примирился с этой реальностью. Хлоя не могла не согласиться, признавая сложности любви, особенно когда она рассматривала их собственные отношения.

– Да, – тихо пробормотала она, – иногда и то, и другое.

– Действительно, – согласился он. – Будь осторожна с тем,

кому отдаешь свое сердце.

Она не смогла удержаться от горького смешка. Его совет звучал иронично, учитывая ту боль, которую он ей причинил. Раны от его прошлых поступков все еще гноились, как бы старательно она их ни скрывала.

Почувствовав напряжение, он сжал губы и указал на дверь.

– Может, зайдем внутрь, в тепло? – предложил он, тонко приглашая на данный момент оставить эту тему позади.

Когда они вернулись в комнату, Хлоя игриво запрыгнула на кровать, не сводя глаз с Ричарда.

Захваченный теплотой в ее взгляде и легкой, искренней улыбкой, он спросил:

– Что тебя так забавляет?

– Я не знаю, – просто ответила она. – Ты красивый, и я скучала по тебе.

– Ну, разве ты не лучик солнца? – он тихо засмеялся, присоединяясь к ней на кровати.

Она обняла его сзади, повернув его лицо к себе и скрепив их воссоединение поцелуем.

Она испытывала сильную тоску по нему после их воссоединения. Когда их поцелуй прервался, он слегка откинулся назад, с игривыми нотками в голосе заметив:

– Ого, сколько страсти ты скрываешь в своем маленьком сердце?

Она прикусила губу, скрывая свой восторг, и ответила с

озорным блеском в глазах:

– Узнаешь.

Ричард не смог удержаться от искреннего смеха над ее ответом. Ее пылкий дух и энтузиазм, несомненно, были неотразимы.

– С удовольствием. Но, кстати, ты не голодная? – спросил он.

Ее глаза заблестели от предвкушения, и она с готовностью кивнула.

– Да!

– Тогда пойдем.

## 7.

Хлоя наслаждалась каждым кусочком ягненка на своей тарелке. Нежное мясо практически таяло у нее во рту, и каждый ароматный кусочек, казалось, вновь уносил ее далеко за пределы физического пребывания в его столовой.

Ричард, сидевший напротив нее, медленно ел красную рыбу, смакуя каждый кусочек.

Ее мир, казалось, обретал свои краски, как будто кто-то взял ненасыщенный холст и начал рисовать его заново. Присутствие Ричарда, сама суть того, что он сидел напротив нее, были подобны оживляющему эликсиру. Это вдохнуло жизнь в то бледное существование, в котором она оказалась в ло-

вушке.

Всплеск эмоций и ощущений был поразительным, но бодрящим. Хлоя изо всех сил старалась выразить словами глубину своих чувств. Наконец, она нарушила молчание, в ее голосе слышались благоговейный трепет и удивление.

– Такое чувство, что я чувствую все сразу... если ты понимаешь, что я имею в виду?

– Волна эмоций может сделать тебя могущественным человеком, моя дорогая, – сказал он мягким, но глубоким голосом. – Но куда направить эту мощь, решать тебе. Независимо от того, станешь ли ты святым или варваром, твоя внутренняя сила сделает тебя великим. Однако, я боюсь, что выбор всегда будет не только за тобой.

– А ты кто? – поддразнила она. – Святой или варвар?

– Я произвожу на тебя впечатление святого? – Он присоединился к ее смеху. – Я далек от этого, солнце. И мы оба знаем ответ.

Смех Хлои наполнил элегантную столовую, создав краткий оазис радости посреди их беседы. Комната была украшена со вкусом подобранным декором и мягким рассеянным освещением.

Внезапно спокойный голос горничной Ричарда прорезал смех, как лезвие ножа: "Мистер Стерлинг."

Ричард, который был поглощен присутствием Хлои, медленно отвел от нее взгляд, неохотно отрываясь от их увлекательной беседы.



– Миссис Моника у ворот, хочет вас видеть, – продолжила горничная.

Выражение его лица мгновенно изменилось, и шок, отразившийся на его лице, был каким угодно, только не приятным. Внезапная перемена в его поведении озадачила Хлою, теперь ее глаза были устремлены на него в поисках ответов.

Он заколебался на мгновение, словно борясь с внутренним конфликтом. Затем, едва заметно покачав головой, он вновь обрел свойственную ему уверенность в себе.

– Открой ей, – приказал он горничной, скрывая беспокойство, которое на мгновение охватило его.

Когда горничная вышла, чтобы впустить неожиданного посетителя, взгляд Хлои был прикован к Ричарду, который поднялся со своего места.

– Кто это?

– Сейчас и познакомитесь, – натянуто улыбнулся Ричард.

Она с нетерпением наблюдала, как высокая, хорошо сложенная женщина уверенно вошла в комнату. Одежда ее была простой, но в ней чувствовались стиль и утонченность, а волосы пшеничного цвета красиво обрамляли ее лицо.

Глаза Хлои расширились от удивления, когда она увидела открывшееся перед ней зрелище. Однако, что по-настоящему поразило ее, так это сверхъестественное сходство между этой женщиной и ней самой. У них была одинаковая фигура, один и тот же завораживающий цвет глаз, и даже их прически и стили одежды казались странно похожими.

Когда грудь Хлои сдавила неприятная волна эмоций, она задалась вопросом, что значила для Ричарда эта неожиданная гостья и как она была связана с их сложным миром.

– Что-то случилось? – спросил Ричард, его тон был тщательно нейтральным.

– И я рада тебя видеть, – холодно ответила Моника. – Ее пристальный взгляд обратился к Хлое. – Кто это? – Она пренебрежительно кивнула в сторону Хлои. – Твоя новая пассия?

Ричард сделал глубокий вдох и попытался разрядить напряжение.

– Брось, Мони. Не будь такой грубой.

Хлоя не могла избавиться от чувства неловкости, наблюдая за динамикой отношений между ними. Высокомерие Моника ей не нравилось, и она поймала себя на том, что борется с неопределенностью. Игнорируя Моника, Хлоя обратила свое внимание на Ричарда и многозначительно спросила:

– А это, я так понимаю, твоя бывшая?

Мелодичный смех Моника наполнил комнату, когда она ответила.

– О, детка, это ты его будущая бывшая. А я его бывшая жена.

Раздражение Ричарда было очевидным, когда он закатил глаза, в то время как сердце Хлои упало, как тяжелый камень. Известие о прошлом браке Ричарда ошеломило ее. Он

никогда раньше не упоминал о том, что женат, и чувство секретности и неизвестности пронзило ее волной шока. Она задалась вопросом, что еще он может скрывать.

Химия, которую эта девушка разделяла с Ричардом, теперь приобрела другой оттенок. У них была глубокая история, общее прошлое, и Хлоя стояла со стороны, наблюдая за происходящим, не имея понятия о том, что произошло. Страх потерять связь, которую они только что восстановили, терзал ее. Она только что нашла его, и мысль о том, что может потерять, была невыносима.

Нарушив минутное молчание, Ричард небрежно спросил:

– Дейзи с тобой?

– В машине, – кивнула Моника.

Хлоя не успела задаться вопросом об очередном новом имени, когда Ричард со вздохом спросил:

– Зачем ты пришла?

Моника стрельнула глазами в его сторону.

– Я узнала, что твой отец умер. Решила поддержать тебя. –

Ричард ухмыльнулся: он открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но Моника перебила его. – У тебя есть яблочный сок? – небрежно спросила она и, не говоря ни слова, направилась к холодильнику.

Между ними существовала очевидная химия, которую Хлоя не могла игнорировать. Это заставило ее сердце учащенно забиться от ревности. Она чувствовала себя посторонней на этом воссоединении. Неожиданное появление

бывшей жены Ричарда и их фамильярность заставили ее бороться с эмоциями, которых она не ожидала.

В этот неловкий момент они оба наблюдали за уходом Моники.

Их общее молчание было нарушено появлением знакомого лица. Чарли вошел с теплой улыбкой на лице, протирая заспанные глаза.

– Привет, солнышко! – его веселое приветствие осветило комнату. – Я уж боялся, что мне придется связаться с тобой через Джонни.

Хлоя не смогла удержаться и ответила на его теплую улыбку, искренне радуясь видеть своего друга. Чарли, с его взъерошенным видом и полусонным состоянием, казался глотком свежего воздуха в этой напряженной атмосфере. Однако она знала, что заявление Чарли о том, что он боится потери контакта с ней, было всего лишь прикрытием. Его эпизодическое присутствие зеркалило ее отношения с Ричардом, исчезая, когда их общение ослабевало. Несмотря на ее смешанные чувства, вид старого друга был ей приятен.

– Но я знал, что вы помиритесь! – игриво продолжал Чарли. – Мои экстрасенс... – Он резко замолчал, заметив Монику, появившуюся из-за угла. Его глаза расширились, в них плясало озорство. – Моника? – Чарли потребовалось мгновение, чтобы оценить ситуацию, переводя взгляд с Моники на Ричарда и Хлою. – О, какая драма, – язвительно заметил он с полуулыбкой на лице.

Ричард не смог удержаться от тихого смешка, качая головой над выходками Чарли. Моника, с другой стороны, ответила неодобрительным тоном:

– О, ты все еще здесь? Все еще живешь за его счет?

– Моника, прекрати, – вмешался Ричард, закатив глаза.

– Как видишь, – ответил Чарли, сохранив свою насмешливую улыбку.

Хлоя чувствовала себя все более неуютно, как посторонняя в этой паутине общей истории. Чувство отчужденности пробудило в ней ревность, поскольку она знала, что эти трое связаны историей, в которой она не принимала участия. Зависть грызла ее, и она страстно желала быть частью той связи, которая существовала между этими троими.

Моника приподняла бровь, в ее голосе прозвучали нотки любопытства и обвинения

– И ты, Ричи, все еще таскаешь его с собой.

Ответ Ричарда был беспечным, он просто пожал плечами. Хлоя, которая молча наблюдала за происходящим, не могла не заметить, что Моника использовала имя "Ричи", которое, как она знала, Ричарду не нравилось. Тем не менее, он предпочел не отвечать на комментарий Моника.

– И где же свет моих очей? – влез Чарли.

Ответ Моника был резким, ее тон явно неодобрительным:

– Не называй ее так.

– Она в машине, – Ричард кивнул в сторону двери, и Чарли сразу вышел из комнаты.

Хлоя больше не могла выносить двусмысленности: "О ком вы?"

На лице Моники появилась довольная улыбка, она явно наслаждалась замешательством Хлои.

– О, он что, тебе не сказал?

Хлоя чувствовала себя совершенно потерянной в этом разговоре. Будто ее лишили какого-то тайного знания.

– Мони, успокойся, – раздраженно сказал Ричард. Затем он переключил свое внимание на Хлою, его голос приобрел непринужденный тон. – Да, у меня есть дочь. Затем он снова повернулся к Моники, его поведение сменилось возмущением. – Seriously, зачем ты пришла?

Сердце Хлои упало от этого откровения. Дочь? Ричард никогда не упоминал о том, что у него есть ребенок, и теперь он обсуждал это так же спокойно, как обсуждают погоду. Ощущение секретности и скрытых слоев в его жизни становилось все более тревожным. Она испытала острое чувство предательства.

Самодовольное поведение Моники не помогало. Ее очевидное удовольствие от замешательства Хлои подпитывало растущую боль в груди девушки. Она отчаянно хотела разобраться в ситуации и мотивах Ричарда хранить это в секрете.

Вопросы, на которые не было ответов, пронеслись у нее в голове. Сколько лет было дочери Ричарда? Почему он скрывал ее существование? Чего еще она не знала о его жизни? Это внезапное откровение выбило почву у нее из-под ног, и

она изо всех сил пыталась найти опору среди неопределенности и секретности, которые теперь окружали их отношения.

Улыбка Моники была пронизана чувством удовлетворения, когда она прислонилась к стене, не сводя взгляда с Ричарда.

– Как я уже говорила, Ричи, я пришла поддержать.

– Мне не нужна твоя поддержка, – сказал он, его поза оставалась напряженной.

Брови Моники сошлись в едва заметном проявлении нерозности, ее улыбка исчезла.

– Может быть, ты забыл, но он был ее дедушкой. И ты даже не соизволил позволить ей попрощаться с ним.

Ответ Ричарда был кратким, и его, казалось, ничуть не смутила подразумеваемая критика Моники. Его голос оставался холодным и отстраненным, как будто это был тривиальный вопрос.

– Она едва знала его. Я не думаю, что ей было бы невероятно приятно проводить время на похоронах, окруженной горем.

Когда Чарли вошел в комнату, он держал на руках маленькую девочку, которая выглядела как живое отражение Ричарда. Хлоя была очарована поразительным сходством между ними. У девочки, которой было около трех лет, были такие же пленительные темные глаза, волосы цвета воронова крыла и улыбка, способная растопить сердце любого,

как и у ее отца. Хлоя была поражена тем, какой красивой и невинной казалась эта маленькая девочка, миниатюрная версия загадочного Ричарда.

Глаза маленькой девочки заблестели от восторга, когда она закричала: "Папа!" Чарли осторожно опустил ее на пол, и с удивительным проворством она бросилась к Ричарду, ее маленькие ножки застучали по полу.

Ричард, бесстрастное выражение лица которого сменилось теплой улыбкой, умело подхватил ее на руки.

– Привет, моя сладкая, – Он запечатлел нежный поцелуй на ее мягком лбу, вызвав заразительное хихиканье и заставив глаза Дейзи сощуриться от восторга. – Ты так сильно выросла, – тихо восхитился Ричард, нежно взъерошивая пальцами ее волосы. – Я скучал по тебе.

Любопытство Хлои росло. У нее было так много вопросов. Почему Ричард никогда не упоминал о своей дочери? Какова была их история?

– Как насчет того, чтобы дать мне минутку поболтать с мамой, а потом я вернусь к тебе? – нежно чмокнул ее в нос Ричард. – Договорились?

Маленькая девочка в ответ очаровательно надула губки.

Не теряя ни секунды, Чарли приступил к действию, протянув руку, чтобы забрать Дейзи из рук Ричарда.

– Давай, зайка, пошли повеселимся, пока эти скучные взрослые разговаривают о своих скучных взрослых делах.

Дейзи залилась смехом, ее глаза озорно заблестели, когда



она радостно подхватила: "Лисенок!" Она игриво захлопала в ладоши и прижалась к Чарли.

Моника выразила свое неудовольствие неодобрительным цоканьем:

– Отпусти ее. Она не пойдет с тобой.

В этот момент игривая атмосфера, казалось, сменилась чем-то более напряженным. Стало очевидно, что подшучивание между Чарли и Моникой было не просто шуткой; под поверхностью кипела неподдельная неприязнь. Чарли бросил враждебный взгляд на Моника, его глаза встретились с ее.

– О, правда? – с сарказмом спросил он. Его пристальный взгляд по-прежнему был прикован к Монике, словно призывая ее продолжать.

Хлое было странно видеть его таким. Он постоянно представлял беззаботным, шутливым парнем, и видеть такую злобу в нем было пугающе. Она и представить не могла, на что он способен.

Когда напряжение нарастало, Ричард быстро вмешался, встав между ними, чтобы предотвратить дальнейшую конфронтацию.

– Иди, Чарли, – сказал он, в его голосе звучали властные нотки.

Хлоя наблюдала за словесным поединком, все еще чувствуя себя посторонней в этой запутанной семейной драме.

Слова Ричарда были произнесены бесстрастным тоном,

лишенным какой-либо искренней озабоченности сложившейся ситуацией.

– Может, будешь избегать ссор при ребенке? – Небрежным взмахом руки он укрепил свой авторитет. – У тебя нет права решать. Это мой дом, и Дейзи в том числе мой ребенок.

Реакция Моники была отмечена нервным хихиканьем, отражавшим ее беспокойство и дискомфорт, который она испытывала. – Твой ребенок? – с сарказмом сказала она. – Серьезно? В чем проявляется твое отцовство?

Ричарда, казалось, не смутил скептицизм Моники. Выражение его лица почти не изменилось, и он продолжал излучать спокойствие и некоторую отстраненность.

– Ты прекрасно знаешь, что, помимо обеспечения настоящего, я гарантирую, что у нее будет безопасное и успешное будущее.

– И ты доверяешь ее наркоману? – недовольно выпалила Моника. – Замечательно.

– Прекрати. – Терпение Ричарда было на исходе. – Я доверяю ему, как себе. Ты сводишь всю его личность к одному факту, хотя мы оба знаем, что причина не в том, что ты переживаешь из-за Чарли.

Раздражение Моники становилось все сильнее, и в ее словах слышалась нотка обиды:

– Прошло столько лет, а ты все еще прилип к нему, как пиявка. Зачем тебе тогда вообще нужны отношения? Семья?

Любовь?

Тон Ричарда стал нечитаемым, его эмоции скрылись за маской безразличия:

– Не твое дело. Ты пришла, чтобы закатить истерику

– Ей нужен отец! – она раздраженно вскинула руками, подчеркивая свою точку зрения.

Ричард, однако, оставался решительным, его позиция непоколебима:

– Мы уже обсуждали это.

– Я не... – запротестовала Моника.

– Может, отойдем? – оборвал ее Ричард.

Моника взглянула на Хлою, ее выражение лица на мгновение дрогнуло, а затем она плотно сжала губы. Без дальнейших слов она повернулась и вышла из комнаты, Ричард последовал за ней. Он бросил на Хлою непроницаемый взгляд, оставив ее в состоянии эмоционального смятения.

Хлоя осталась одна, ее мысли кружились вихрем. Жена. Ребенок. Это откровение ошеломило ее, Ричард никогда даже не намекал на эту часть своей жизни.

Движимая ненасытным любопытством, она не могла устоять перед желанием узнать больше, понять скрытые стороны жизни Ричарда. Ее ноги двигались почти сами по себе, когда она медленно приближалась к двери, за которой скрывался разговор, который ей не полагалось слышать.

Наклонившись поближе к двери, она напряглась, пытаясь уловить какие-нибудь обрывки разговора. Приглушен-

ные голоса Ричарда и Моники доносились сквозь барьер, их слова были дразняще близки, но удручающе неразборчивы. Хлоя чувствовала себя посторонней в своей собственной истории, изо всех сил пытаясь собрать воедино головоломку жизни Ричарда.

Смех Ричарда нарушил тишину, его тон был полон недоверия:

– На что ты надеялась? Что заставишь меня передумать?

– Я надеялась поговорить с тобой, – голос Моники звучал серьезно.

– О чем? – ответил Ричард с видом незаинтересованности, вероятно, закатив глаза.

– О Дейзи.

– О, правда? – В тоне Ричарда прозвучала насмешка. – И чего же ты хочешь? Чудесного воссоединения? – Он усмехнулся, на мгновение прервав разговор. Затем, после короткой паузы, его голос вернулся к своему обычному, отстраненному состоянию. – Я не люблю тебя, Моника.

Хлоя напрягалась, чтобы уловить каждое слово. Известие о существовании Моники и их ребенка вызвало в ней бурю чувств. Ее сердце бешено колотилось, когда она пыталась постичь сложную паутину отношений, разворачивающуюся за дверью. Ей не терпелось узнать больше об истории, которую он скрывал, и расшифровать связи между вовлеченными в это людьми.

Обида и гнев тоже начали закипать. Хлоя не могла не

почувствовать укол горечи из-за скрытности Ричарда. Сложившаяся ситуация оставила у нее чувство дезориентации и неуверенности в том, как действовать дальше.

Слова Ричарда, казалось, глубоко задели Монику. После паузы Моника, наконец, нарушила молчание, ее голос дрожал, когда она заявила:

– Я пришла ради Дейзи.

Однако Ричард ответил приглушенным, почти пренебрежительным смехом, его цинизм и скептицизм были осязательными.

– Мы оба знаем, что это не совсем так.

Молчание Моника в ответ на смех Ричарда продемонстрировало ее уязвимость и неспособность в полной мере выразить свои чувства в тот момент. В комнате повис груз их невысказанного прошлого.

– Мы заключили сделку, не так ли? – снова заговорил Ричард.

– Но ты должен появляться в ее жизни! – Моника повысила голос. – Хотя бы иногда! Она должна, по крайней мере, знать своего отца!

– И что это ей даст? – тон Ричарда оставался отстраненным и прагматичным. – Мое отсутствующее присутствие? Это только причинит ей еще большую боль.

Разговор в конечном счете закончился неловким молчанием.

– Это твое окончательное решение? – голос Моника дрог-

нул.

На мгновение воцарилась тишина, которую Моника нарушила тяжелым вздохом, звук ее обиды и печали заполнил пространство.

В конце концов, после очередного периода молчания, Ричард заговорил, и в его голосе прозвучала отрешенность.

– Похороны состоялись 5 дней назад.

– Замечательно, – ответ Моника был полон уязвленной горечи.

Слушая их разговор, Хлоя размышляла о сложности их отношений и о том, что Ричард чувствовал к Монике. Их история оставалась для нее загадкой. Голоса в соседней комнате становились тише, их слова становились неразборчивыми.

Шаги Хлои были неуверенными, когда она отошла от двери, ища утешения в тишине дома. Что Ричард чувствовал к Монике? Какая у них была общая история?

Ричард вошел в комнату с виноватой улыбкой, как будто намеревался обойти стороной только что разорвавшуюся бомбу. Его взгляд упал на тарелку Хлои, и он попытался разрядить растущее напряжение:

– Ты еще не закончила?

Хлоя, однако, была шокирована дерзостью его попытки сменить тему. Она уставилась на него со смесью недоверия и негодования, написанной на ее лице.

– Ты это серьезно? – возразила она, не веря, как ему удалось избежать присутствия слона в комнате

Ричард небрежно прислонился к стене, скрестив руки на груди, казалось бы, ничуть не обеспокоенный ее реакцией.

– Нет. Давай, начинай.

– Начинать? – Хлоя нервно усмехнулась от негодования. – Ты что, издеваешься? Почему ты мне ничего не сказал? – ее голос дрожал от волнения.

Ричард приподнял бровь, сохраняя самообладание перед лицом ее разочарования.

– Не вижу причин, – ответил он будничным тоном.

Это откровение было слишком тяжелым для Хлои, и она не могла удержаться, чтобы не высказать все, что думает.

– Ты женат! – слова сорвались с ее губ, неся в себе смесь удивления, предательства и боли.

Ричард небрежно пожал плечами, и его безразличие еще больше разожгло ее гнев.

– Был. Ну и что? Я все еще не вижу связи. Я не думаю, что мое прошлое имеет к тебе какое-либо отношение. – В комнате воцарилась тишина. – Как наличие ребенка влияет на наши с тобой отношения? – спросил Ричард, казавшийся непреклонным. Хлоя заколебалась, пытаясь подобрать нужные слова. Она не могла понять, почему он не понял ее точку зрения, и это только усиливало ее разочарование.

– Речь идет о доверии, – начала она, и в ее голосе слышалось раздражение.

Но Ричард оставался неудовлетворенным.

– Я доверяю тебе, – парировал он, – но я не собираюсь

выкладывать свою биографию только для того, чтобы доказать это.

Хлоя уставилась на Ричарда, чувствуя себя разочарованной и неуслышанной. Она пыталась объяснить, но, похоже, Ричард намеренно отмахивался от ее опасений.

– Дело не в том, чтобы что-то доказывать, – повторила она. – Речь о том, чтобы мы были открыты и честны друг с другом. Я поделилась с тобой своей жизнью; я хочу знать твою, самые важные моменты.

Однако Ричард не выказывал никаких признаков того, что собирается сдаваться.

– Хлоя, что в прошлом, то в прошлом. Что важно, так это настоящее. Давай просто наслаждаться им.

В комнате воцарилась неловкая тишина, напряжение между ними стало ощутимым. Они оказались в тупике, нерешенный вопрос бросал тень на их отношения.

Гнев Хлои невозможно было сдерживать.

– И что? Она теперь будет жить с нами?

– Со мной, – резко прервал он, но быстро продолжил. – Прости. Нет. Я просто имел в виду, что она мать моего ребенка, Хлоя. Я не могу оставить ее и Дейзи в отеле. Кроме того, они просто гостят. Это ненадолго.

– Ну, знаешь, у тебя и Чарли "гостит", – вбросила Хлоя.

– Может, не будешь распоряжаться моей собственностью? – защищаясь, сказал Ричард. Но так же быстро его горячность рассеялась, сменившись более понимающим пове-



дением. – Но я понимаю твои чувства. Поверь мне, она скоро уедет.

Когда замешательство Хлои смягчилось, она увидела искренность в глазах Ричарда. Она понимала, что эта ситуация далека от идеальной, и это было испытанием для прочности их отношений.

– Я понимаю, – сказала она, ее голос стал мягче, – но ты же понимаешь, почему все это ошеломляет меня, да? Это слишком внезапно для того, чтобы в это поверить.

– Я знаю, дорогая, – кивнул Ричард. – Это сложная ситуация, и я сделаю все возможное, чтобы все прошло как можно более гладко.

Он наклонился, чтобы нежно поцеловать ее, и она растаяла в его объятиях, на мгновение отбросив все заботы и сложности, которые их окружали.

## 8.

Чарли вошел в кабинет Ричарда с решительным видом. Ричард, притворившись что не заметил его, продолжил заниматься своими делами. Однако Чарли встал прямо перед лицом Ричарда, что делало невозможным его игнорирование.

– Позволь им остаться, – наконец произнес Чарли, его слова были полны искренности.

Ричард, на мгновение прервав свои занятия, тяжело

вздохнул.

– Нет, Чарли. Я знаю, что ты любишь Дейзи, но я не просто так купил им дом за городом, – в голосе Ричарда звучала окончательность.

– Как ты можешь так говорить? – Чарли покачал головой. – Дейзи же ангел.

Ричард нервно поправил волосы.

– Ты же знаешь. Я не люблю Монику. Я не люблю этого ребенка. Я готов дать ей все, что могу, дать ей будущее, но я не могу дать ей то, чего у меня нет.

– Я не понимаю, Рич. Я знаю, что Моника рассказала о беременности на позднем сроке, но это не меняет того факта, что Дейзи – часть тебя, – настаивал он.

– Я не верю в эту сентиментальность про "плоть и кровь", – буднично ответил Ричард. – Кроме того, так будет лучше для нее. Ты правда думаешь, что она не почувствует отсутствия интереса с моей стороны, когда подрастет? Это может быть более травмирующим, чем мое полное отсутствие.

Чарли, не в силах поддерживать зрительный контакт с Ричардом, отвел взгляд. Глубокий, печальный вздох сорвался с его губ, и тихим шепотом, почти про себя, он сказал:

– Почему дети должны расти без родителей...

В момент неловкой паузы Ричард, с оттенком вины на лице, признался:

– Ваши ситуации разные. Твой отец предал вас. Я же ни-

когда не собирался в принципе идти на такое. Это не побег от ответственности.

– Это ее отрицание, – возразил Чарли с горькой улыбкой.

– Не тебе меня осуждать, – защищался Ричард, отведя взгляд в сторону.

– Я не осуждаю, ты же знаешь, – спокойно пояснил Чарли. – Я просто не хочу, чтобы Дейзи чувствовала то же, что и я.

– Не почувствует, – настаивал Ричард. – Расти без отца и внезапно потерять его – разные вещи.

Чарли, расстроенный и глубоко задумавшийся, почесал в затылке. Тяжело вздохнув, он вышел из комнаты.

# ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

## 1.

Во время их совместного проживания дом казался разделенным полем битвы. Хлоя, Моника, Ричард, Чарли и Дейзи – все они занимали одно и то же пространство, но сосуществование было далеко от гармоничного.

Присутствие Моника в доме, пусть и в комнате для гостей, нависало над Хлоей как постоянная тень, напоминая о прошлой жизни Ричарда, которую он никогда с ней не делил. Хлоя часто ловила себя на том, что избегает любого контакта с ней.

Чарли, живая и временами неутомимая личность, стремился вовлечь Дейзи во все, что взбрело ему в голову. Хотя его намерения были благими, это часто приводило к жарким спорам с Моникой. У этих двоих была общая история, о которой Хлоя не подозревала, и их конфликты добавили дополнительный уровень сложности в и без того напряженную жизнь.

Тем временем Ричард с головой ушел в работу, казалось бы, отрешенный от царящего вокруг него раздора. Его сосредоточенность на своей профессиональной жизни оставляла

ему мало времени для проведения времени вместе с кем-либо из проживающих в его собственном доме.

По мере того как дни превращались в недели, Хлоя не могла избавиться от чувства неловкости, охватившего весь дом. Странная динамика, нерешенные проблемы и ее собственные вопросы без ответов оставляли ее в постоянном состоянии дискомфорта, она задавалась вопросом, когда и как может быть восстановлено равновесие.

Эмоции Хлои представляли собой смесь обиды, тоски и меланхолии, когда она пыталась разобраться в сложной ситуации. Присутствие ребенка, который был поразительно похож на Ричарда, служило постоянным напоминанием о его прошлом с Моникой. Конфликты Чарли и Моника только усиливали напряженность.

Несмотря на все это, Хлоя жаждала большего присутствия и внимания Ричарда, которого ей все больше не хватало. Она знала, что найти способ сбалансировать эту сложную динамику было необходимо для благополучия их отношений.

Хлоя достигла той точки, когда больше не могла подавлять свое беспокойство. С тяжелым сердцем и лихорадочно соображая, она решила поговорить с Ричардом по поводу вопроса, который беспокоил ее уже некоторое время. Ее голос слегка дрожал, когда она произносила слова, которые не давали ей покоя:

– Пожалуйста, будь честен со мной. Ты все еще что-то чувствуешь к Монике?

Когда Ричард встретился с ней взглядом, на его лице отразилась смесь удивления и неуверенности, как будто он не ожидал именно этого разговора.

Когда Ричард наконец заговорил, в его словах слышался оттенок раздражения, возможно, защитный механизм, сработавший из-за вопроса, на который он не хотел отвечать: “Нет”.

– Я просила тебя быть честным, – сказала Хлоя, но, наблюдая за выражением его лица, она не могла не задаться вопросом, были ли за его словами оговорки.

– И под честностью ты подразумеваешь утвердительный ответ? – он приподнял бровь. – Я не люблю ее, Хлоя. Я ничего к ней не чувствую.

В ответе Ричарда прозвучало недовольство, как будто он чувствовал себя несправедливо обвиненным. Тем не менее, вопрос Хлои выявил уязвимость, необходимость понять их связь на более глубоком уровне.

Она нахмурила лоб, пытаясь понять диссонанс между словами Ричарда и его действиями, загадку, который беспокоила ее.

– Почему ты кажешься таким отстраненным от нее? – спросила Хлоя с оттенком волнения в голосе. – Такое чувство, что ты держишься на расстоянии от Дейзи.

Ричард, выглядевший немного растерянным, нерешительно пожал плечами.

– Избегание не равнозначно любви, – сказал он, – часто

все с точностью наоборот. Что касается Дейзи, то я не избегаю ее намеренно. В последнее время у меня сложности на работе, и я не способен уделить ей того внимания и энергии, которых она заслуживает. К счастью, Чарли здесь, чтобы заполнить пробелы лучше, чем я.

Беспокойство Хлои по поводу отстраненного поведения Ричарда по отношению к Дейзи продолжало терзать ее. Это было тревожное чувство – наблюдать, как он отдаляется от собственной дочери. Она не могла отделаться от ощущения, что что-то не так, даже если Ричард настаивал, что это всего лишь побочный продукт его напряженного рабочего графика.

Хлоя с нетерпением ждала того дня, когда все вернется на круги своя, но глубоко внутри она знала, что эти недавние открытия навсегда изменили их жизни.

Однажды Моника остановила свой пронзительный взгляд на Хлое, изучая ее в течение длительного времени, заставляя ее чувствовать себя все более неуютно. Хлоя, не в силах больше выносить пристального взгляда, спросила: "Что?"

– Я просто пытаюсь понять, что он в тебе нашел, – прямолинейно сказала Моника. – Интересно, как долго продлится его любовь к тебе?

Хлоя почувствовала укол в словах Моника и инстинктивно заняла оборонительную позицию.

– А тебя, похоже, раздражает кто угодно в его жизни, кроме тебя самой.

– Ты имеешь в виду Чарли? – Моника усмехнулась, в ее тоне слышалось превосходство. – О, милая, он не нуждается в твоей защите. Он взрослый человек, и ты не знаешь нашу общую историю, которая побудила бы тебя защищать его с таким рвением.

Сомнения Моника в любви Ричарда к Хлое были всего лишь попыткой причинить ей боль. Хлоя была не из тех, кто легко отступает, и когда ее эмоции захлестнули, она начала: "Я не пытаюсь..."

Но Моника быстро перебила ее, ее голос сочился сарказмом.

– О, так вот в чем дело? Такая жертвенная, готовая помочь всем и вся. Ему это нравится.

– Да пошла ты, – выпалила Хлоя. – Ты ничего не знаешь обо мне и наших отношениях.

Моника, невозмутимая, сохраняла свою загадочную улыбку.

– Возможно, ты не захочешь этого слышать, но я знаю Ричарда.

Не в силах продолжать разговор в такой обстановке, Хлоя резко закрыла книгу и вышла из комнаты.

Встреча с Моникой оставила в ней чувство обиды, злости и растерянности. Она не могла понять, почему Моника, казалось, так настойчиво пыталась проникнуть к ней под кожу, ставя под сомнение ее отношения с Ричардом.

Войдя в их спальню, она закрыла за собой дверь и глубоко



вздохнула. Ей нужно было успокоиться и собраться с мыслями. Ее любовь к Ричарду была искренней, и она верила в их отношения, но моменты, подобные этому, заставляли ее сомневаться в том, сколько помех они смогут выдержать.

Сев на край кровати, Хлоя провела пальцами по волосам и тяжело вздохнула. Она знала, что должна найти способ поделиться своими чувствами с Ричардом и рассказать о проблемах, которые создавало для нее присутствие Моники. Она также нуждалась в заверениях Ричарда в силе их любви.

## 2.

Решение Хлои покинуть дом Ричарда на некоторое время далось нелегко, но она чувствовала потребность в некотором времени и пространстве, чтобы привести в порядок свои мысли и вновь обрести душевный покой. Она знала, что их отношения переживают сложную фазу из-за присутствия Моники и нерешенных проблем, связанных с прошлым Ричарда.

Перед отъездом Хлоя поговорила с Ричардом о своем решении. Он понимал, что ей это нужно, и заверил ее, что поддержит ее решение.

Когда Хлоя собирала свои вещи и готовилась к отъезду, она испытывала противоречивые чувства – облегчения, неуверенности и надежды на то, что некоторое время врозь

поможет им обоим по-новому взглянуть на свои отношения.

### 3.

В безмятежном саду Чарли и Дейзи увлеклись игрой, воздух наполнился радостным смехом. Чарли с искренней улыбкой бросил мяч Дейзи, которая умело поймала его. Ее глаза сияли от удовлетворения, и каждый обмен мячом был встречен торжествующими возгласами. Сердце Чарли теплело при виде радостного выражения лица Дейзи.

Неодобрительно взглянув на Чарли, Моника умело перехватила один из бросков. Он, явно не впечатленный, закатил глаза в ответ. Моника вздохнула, жестом подзывая Дейзи.

– Дейзи, солнышко, не могла бы ты сбегать в комнату и принести маме карандаши?

Дейзи, кипя от возбуждения, бросилась выполнять просьбу. Когда девочка убежала, Чарли скрестил руки на груди с выражением легкого раздражения.

– В чем твоя проблема, Моника?

Моника глубоко вздохнула, устремив строгий взгляд на Чарли.

– Моя проблема в том, что ты не держишь дистанцию с моей дочерью. Я не хочу, чтобы ты оказывал на нее свое влияние.

– Влияние? – переспросил Чарли, приняв невинный вид. –

Я просто играю с ней в безобидную игру.

– Мне все равно. Я была бы признательна, если бы ты держался подальше.

– Моника, ты же знаешь, Дейзи очаровашка, – Чарли сверкнул игривой улыбкой. – Не могу устоять перед ее обаянием.

– Очаровательность – противоположность тому, что есть у тебя, Чарли, – Моника ответила скептическим взглядом.

– Что тебя так раздражает, Мони? – язвительно спросил Чарли, сохраняя улыбку. – Все еще держишься за давнюю обиду? Или, возможно, борешься со старой детской ревностью? Хотя мои отношения с Ричи сильно отличаются от вашей с ним истории.

– Дело не в прошлом, – сурово продолжала Моника. – Речь идет о доверии. Ты, Чарли, не тот, кому я доверяю в отношении своего ребенка. Твое влияние – это не то, чего я хочу для Дейзи.

Игривая улыбка Чарли превратилась в издевательскую ухмылку. Он небрежно облокотился на садовый столик, скрестив руки на груди, и в его глазах сверкала смесь озорства и вызова.

– Мони, если ты планируешь нападать на меня, то не чувствуй себя слишком уютно у Ричарда. В конце концов, это и мой дом тоже.

Моника решительно расправила плечи.

– Это дом Ричарда, Чарли. Дейзи – его дочь.

– Хочешь проверить, на чью сторону встанет Ричи? – Чарли насмешливо приподнял бровь.

Его слова прорезали воздух, оставляя в нем неприятную правду.

– Ты наркоман, – заявила она, в ее тоне слышалось презрение.

– Ну, никто не идеален, верно? – Чарли слегка усмехнулся, его поведение казалось невозмутимым.

– У меня много проблем с тобой, но это главная, – ничуть не смутившись, продолжила Моника. Ее пристальный взгляд впился в Чарли, ожидая реакции.

– Твои попытки обмануть человека, знающего тебя, выглядят довольно жалко, – заметил он, сохраняя свою беспечную позу.

– Ладно, ты прав, – вздохнула она. – Главная причина в том, что ты просто меня бесишь.

– Да ну? – Дразнящая улыбка Чарли сохранялась.

Моника угрожающе сократила дистанцию между собой и Чарли.

– Раз тебе так нравится Дейзи, – прошипела она, – я позабочусь о том, чтобы у тебя не было шанса провести с ней время.

Первоначальная улыбка Чарли исчезла, сменившись выражением плотно сжатых губ.

– Ты такая сука, – резко пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Моника, по-видимому, удовлетворенная своей провокацией, торжествующе улыбнулась, наслаждаясь вызванным ею дискомфортом. Чарли, однако, восстановил самообладание и ответил натянутой улыбкой.

– Рановато ты открываешь шампанское, – заметил он.

Когда он повернулся, чтобы уйти, удовлетворение на лице Моника исчезло, сменившись оттенком неуверенности.

Моника смотрела, как Чарли уходит, со смесью раздражения и замешательства. Отдаляясь, Чарли оглянулся, на мгновение встретившись взглядом с Моникой. Невысказанный вызов повис между ними, невидимая нить, соединяющая их враждебность.

#### 4.

Менее чем через неделю после отъезда Хлои зазвонил ее телефон, и ее приветствовал знакомый теплый голос Ричарда.

– Привет, дорогая, как дела? – спросил он, и его тон прозвучал успокаивающей мелодией для ее ушей.

Хлоя не смогла удержаться от улыбки, одно его присутствие на другом конце провода наполняло ее чувством комфорта.

– Да, все хорошо, – ответила она.

Он тихо рассмеялся, в его голосе послышалась игривость.

– Ты еще не собираешься возвращаться? Я снял Монике и Дейзи отдельный дом.

Сердце Хлои подпрыгнуло в груди. Для нее? Как только она ушла, он прогнал всех прочь, просто чтобы вернуть ее. Она не могла в это поверить. Вихрь эмоций охватил ее, подобно волнам, разбивающимся о берег. Она испытывала смесь удивления, радости и глубокого чувства любви к Ричарду.

– Серьезно? – недоверчиво спросила она, желая убедиться, что это не сон.

В тот самый момент ей стало ясно, что ее чувства к нему превосходят все остальное в ее жизни. Она открыла для себя глубину своей любви к Ричарду, и это наполнило ее чувством целеустремленности и страстным желанием снова быть с ним.

Она на мгновение заколебалась, делая глубокий вдох, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце.

– Я вернусь, – ответила она с неподдельным волнением в голосе. – Я скучала по тебе.

Его ответ был наполнен теплотой и облегчением. "Я буду ждать."

## 5.

Возвращение Хлои в особняк Ричарда принесло чувство облегчения. Теплая улыбка Ричарда и его ласковые слова заставили ее почувствовать, что она там, где ей самое место. Однако, несмотря на счастье, подспудно ощущалось беспокойство.

Хлоя не могла отделаться от ощущения, что что-то не так, что-то скрывается в тени их отношений. Несмотря на любовь и теплоту между ними, облако неопределенности нависло над их будущим, оставляя Хлою с чувством тревоги, которое она не могла игнорировать.

Она отчаянно хотела ответить на накопившиеся вопросы и озабоченности, но не была уверена, как затронуть эту тему, не нарушив хрупкого равновесия, которого они достигли. Любовь между ними была неоспорима, но Хлоя не могла отделаться от ощущения, что они на цыпочках обходят более глубокие проблемы, с которыми необходимо разобраться.

Пока они лежали на мягкой, теплой кровати, голова Хлои была наполнена множеством мыслей и эмоций. Она покоилась на груди Ричарда, их пальцы переплелись.

Пока она была погружена в свои мысли, Ричард лениво играл с ее пальцами, не отрывая взгляда от своего телефона.

Свет от экрана освещал его лицо, отбрасывая слабые тени, которые подчеркивали легкую складку на лбу – признак его собственных размышлений.

Но Хлоя больше не могла позволять своим вопросам оставаться в тени. С легким колебанием она перевела взгляд на Ричарда.

– Ричард, – тихо произнесла она.

Он, наконец оторвавшийся от своего цифрового мира, издал вопросительное хмыканье. Его глаза на секунду встретились с глазами Хлои, любопытство задержалось на его лице, когда он снова опустил голову, бросая взгляд на что-то на экране. Хлоя продолжила, ее тон был пронизан искренностью:

– Как ты познакомился с Моникой?

Ричард, до этого поглощенный своим телефоном, внезапно полностью переключил свое внимание на нее. Он приподнялся в полусидячем положении, побудив Хлою поднять голову и встретиться с ним взглядом.

– К чему эти вопросы, милая?

Хлоя подавила свои эмоции, ее губы сжались в тонкую линию.

– Я просто хочу узнать больше о твоём прошлом, – сказала она, и в ее голосе зазвучали нотки уязвимости.

Но Ричард, пронизательный, как всегда, казалось, распознал скрытые чувства. Его ответ был взвешенным, его пристальный взгляд был прикован к Хлое.



– Твоя ревность неуместна. Моника всегда была в моей жизни, это как-то повлияло на нас? – спросил он.

Реакция Ричарда оказалась совсем не такой, как она ожидала. Его резкое упоминание о ревности поразило ее. Она не думала об этом в таких терминах, но, возможно, он был прав. Ее недавние вопросы о Монике действительно можно было расценить как проявление этого чувства, даже если она сознательно этого не признавала.

Хлоя покачала головой, ее волосы мягко упали ей на лицо, когда она ответила:

– Да, но тогда я не знала, что она была там.

Ричард тяжело вздохнул.

– Хлоя, моя дорогая, – начал он, его слова были нежными и искренними, – я хочу, чтобы ты знала, что между мной и Моникой ничего нет. Она – часть моего прошлого, а ты – мое настоящее.

Хлоя опустила взгляд, и ее пальцы прочертили узоры на его груди. Ричард говорил так, словно пересказывал обычный анекдот, его голос был лишен каких-либо эмоциональных вложений.

– Впервые мы встретились в университете, – все-таки начал он. – У нас с Чарли тогда были некоторые... проблемы с чувством меры. Моника из семьи среднего класса, но попала туда благодаря стипендии. Так мы и встретились.

Пока голос Ричарда лился, раскрывая историю, которую она так жаждала узнать, Хлоя внимательно слушала, прижав-

шись головой к его груди. Она заметила нотку безразличия в тоне Ричарда, когда он рассказывал об их знакомстве. Казалось, он пытался преуменьшить значение своего прошлого с Моникой, возможно, чтобы облегчить ее беспокойство.

– Тогда, – продолжил он, – она была якорем нормальности в моей жизни. Она знала, чего хочет, была умна и целеустремленна. И, конечно же, красива. Я познакомился с ней играючи, но сначала получал отказы. Позже она, наконец, сдалась. У нас был бурный роман, с кучей сумасшедших ночей и поступков. Увы, моя неспособность завязать с тем образом жизни, что мы вели с Чарли привела к печальным последствиям: Моника исключили из университета. К тому времени мои чувства уже ослабевали, я выросел. В результате мы расстались. Я узнал о Дейзи и пообещал обеспечить им жизнь и будущее. Что я делаю, – небрежно закончил он.

Хотя она ценила его честность, она не могла не задаться вопросом, было ли в этой истории что-то еще, скрытое под поверхностью. Тем не менее, на данный момент она решила оставить этот вопрос в покое и наслаждалась близостью, надеясь, что это проложит путь к более глубокому пониманию и доверию между ними.

Однако Хлоя не могла полностью избавиться от мук подозрений и неуверенности в себе. Она узнала об этой важной главе жизни Ричарда, о которой раньше подумать не могла, и это вызвало у нее противоречивые эмоции. Осознание того, что Моника была такой важной частью жизни Ричарда, даже

если это было в прошлом, заставляло Хлою чувствовать себя несколько завистливой. Она хотела быть единственной, кто по-настоящему значил для него, и мысль о том, что он все еще несет ответственность за свой прошлый выбор, щемила ее сердце.

– Но, как я уже сказал, – мягким тоном нарушил паузу Ричард, – прошлое осталось в прошлом.

Он наклонился, чтобы запечатлеть нежный поцелуй на макушке Хлои, отчего по ее спине пробежала восхитительная дрожь, а на губах появилась лучезарная улыбка.

– Я, кстати, решил твою проблему с учебой, – добавил Ричард.

– Ты что, дал взятку? – Хлоя подняла голову

– Разве это имеет значение? – Ричард тихо усмехнулся. – Проблема решена, вопрос с твоей посещаемостью устранен, а средства – это не главное.

Благодарность наполнила сердце Хлои. Она ценила его заботу и покровительство, то, как он всегда был рядом, чтобы оградить ее от жизненных невзгод, принося комфорт и уверенность в ее мир. Она знала, что их отношения не были лишены сложностей и вызовов, но то, как он заставлял ее проблемы казаться тривиальными, сомнения и неуверенность исчезали.

Она не смогла удержаться и наклонилась для нежного поцелуя, ее губы коснулись его груди. Его действия, будь то грандиозный жест или небольшое действие, всегда заставля-

ли ее чувствовать себя желанной и любимой. Хлоя чувствовала себя счастливой оттого, что Ричард был рядом с ней.

– И да, ты готова к сегодняшнему дню? – сказал он, казалось бы, без какого-либо контекста.

– К сегодняшнему дню?

– Сегодня вечером я отведу тебя в одно особенное место, моя дорогая, – с нежностью в голосе сказал он.

Ее глаза загорелись от возбуждения, когда она заерзала на кровати, теснее прижимаясь к нему в радостном предвкушении. В голове у нее роились вопросы, гадая, какой особый сюрприз приготовил для нее Ричард. Она посмотрела ему в глаза, пытаясь прочесть какие-нибудь подсказки, но он продолжал тепло и загадочно улыбаться.

\*\*\*

Пока золотистый вечерний свет лился в окна, Хлоя была поглощена работой над своими долгами, полная решимости добиться некоторого прогресса. Пыхтение Хлои над проектом было нарушено нежным прикосновением руки Ричарда, обхватившей ее сзади за плечи. Отвлечшись от своей сосредоточенности, она подняла глаза и увидела его с мягкой улыбкой на губах.

– Ну что, ты готова? – спросил он приглушенным тоном, в его глазах вспыхнула искра предвкушения.

Хлоя, на мгновение забыв о своих обязанностях, повернулась к нему лицом и прижалась теснее.

– К чему? – спросила она.

– Одевайся. Никакого дресс-кода. Выбери что-нибудь удобное, – прошептал он, и сердце Хлои наполнилось восхитительной смесью волнения и привязанности.

Когда Хлоя вышла из роскошного автомобиля, ее глаза расширились от открывшегося перед ней зрелища. Впереди простиралось обширное открытое пространство, и там, неподалеку, стоял частный самолет.

Хлоя повернулась к Ричарду, в ее голосе слышалась смесь шока и возбуждения.

– Что это? – спросила она, все еще пытаясь осмыслить открывшееся перед ней зрелище.

Ричард, улыбка на его лице излучала очарование общей тайны, подошел ближе и заговорил с нежностью, от которой у нее по спине побежали мурашки.

– Я хочу отвезти тебя во Францию. Два дня, только ты и я.

Сердце Хлои бешено заколотилось, в голове все смешалось от неверия. Франция? Частный самолет? Она привыкла к щедрым жестам Ричарда, но это был совершенно другой уровень расточительности. Осознание того, что он организовал такой романтический отдых, заставило ее почувствовать себя ошеломленной и невероятно любимой.

Когда Хлоя радостно прыгнула в объятия Ричарда, он легко подхватил ее на руки, их губы встретились в сладком поцелуе.

Плавным движением Ричард внес Хлою в роскошный са-

лон частного самолета, осторожно поставив ее на ноги в просторном салоне. Глаза Хлои мерцали от благоговения и удивления, когда она впитывала окружавшее ее великолепие. На нее нахлынуло осознание: весь этот самолет был только для них двоих.

Гладкий, сверкающий внешний вид самолета намекал на экстравагантность внутри. Внутри Хлою встретил мир комфорта и изысканности. Салон был украшен прекрасными кожаными сиденьями, их глубокие цвета излучали ощущение элегантности. Мягкое рассеянное освещение заливало пространство теплым, приветливым сиянием, создавая идеальное настроение для их путешествия.

Эмоции Хлои были смесью благодарности, радости и любви, когда она осознала, на что готов пойти Ричард, чтобы создать для них совместные воспоминания. Частный самолет символизировал не только их физическое путешествие, но и путешествие любви и единения.

Этрета был живописным прибрежным городом, известным своей захватывающей дух природной красотой. Когда Хлоя вышла из самолета, ее приветствовал вид зеленых холмов и безмятежных просторов Ла-Манша. Город был расположен между впечатляющими утесами и галечным пляжем, и пейзаж был поистине впечатляющим.

Справа от нее вздымались в небо знаменитые белые меловые скалы, их уникальные и замысловатые образования стояли как часовые на фоне бескрайнего моря. Лазурные воды

Ла-Манша блестели под ласковыми солнечными лучами, заливая окрестности сияющим блеском.

Хлоя была очарована абсолютной красотой этого места. Свежий морской бриз коснулся ее лица, принеся с собой запах соли и романтики.

Она не могла сдержать своих эмоций, и лучезарная улыбка озарила ее лицо. Ее глаза блестели от возбуждения, а сердце переполняла жгучая любовь к Ричарду. Это был момент, когда слова казались недостаточными, чтобы выразить глубину ее чувств, и поэтому она позволила своим искренним и неподдельным эмоциям говорить за нее. В этой живописной обстановке, рядом с Ричардом, Хлоя чувствовала себя самым счастливым человеком на свете, и ее радость была отражением красоты, которая ее окружала.

Вечер представлял собой изысканное сочетание простоты и насыщенности. Когда они вошли в маленький очаровательный ресторанчик, Хлое показалось, что она попала в другой мир. Обстановка была типично французской, с клетчатыми скатертями, мягким светом свечей и слабым гулом разговоров на заднем плане.

– Не знала, что ты знаешь французский, – с видом обожания взглянула на него Хлоя.

Ричард слабо улыбнулся и ответил, что ему в радость ее удивлять.

Они сидели у большого окна, выходящего на море. Вид был просто захватывающим. Солнце начинало клониться к

закату, заливая теплым золотистым сиянием пологие холмы и знаменитые скалы Этрета. Море блестело под солнечными лучами, его волны мягко разбивались о берег, создавая безмятежную мелодию, наполнявшую воздух.

Хлоя и Ричард потягивали французское вино, их беседа перемежалась смехом и общими историями. В меню был представлен огромный выбор традиционных французских блюд, от улиток до кока-колы в вине, и Хлоя не могла сдерживать улыбки, смакуя каждый кусочек.

Когда последние лучи солнца окрасили холмы и утесы в золотой час, близость Хлои и Ричарда росла, когда они вели содержательные беседы и обменивались нежными взглядами. Красота окрестностей, казалось, усиливала их любовь, превращая этот вечер в воспоминание, которым она будет дорожить вечно.

Когда солнце постепенно опустилось за горизонт, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона, Хлоя и Ричард направились к маленькой элегантной яхте, ожидавшей у пирса.

Рука Ричарда нежно поддерживала руку Хлои, их пальцы переплелись, когда они ступили на яхту. Деревянная палуба была прохладной под их ногами, а мягкий морской бриз взъерошил волосы Хлои.

Корабль поднял паруса и медленно заскользила прочь от берега. Городок представлял собой завораживающее зрелище. Его средневековое очарование подчеркивалось теплым золотистым светом уличных фонарей, которые, казалось,



танцевали в сумерках, создавая атмосферу, которая была поистине волшебной.

Море было спокойным, единственными звуками были мягкий плеск волн о корпус яхты и отдаленный смех и музыка из города.

Когда Хлоя откинулась назад, глядя в ночное небо, ее голова уютно устроилась на плече Ричарда, и ее охватило чувство безмятежности. Ночь была волшебной, звезды сверкали, как рассыпанные бриллианты, на бескрайнем полотне небес.

Присутствие Ричарда было успокаивающим якорем, и Хлоя дорожила каждым мгновением, которое они проводили вместе. Она почувствовала, как его волосы, мягкие и ласковые, слегка коснулись ее шеи, а теплый вечерний ветерок нежно поцеловал ее кожу.

Ночную тишину нарушил голос Ричарда.

– Хлоя, – пробормотал он, и нежность в его голосе окутала ее, как защитный кокон. – Я знаю, ты беспокоишься о Монике. Но, пожалуйста, поверь моим словам. – Он взглянул на нее. – Да, я был влюблен. Настолько, что мы поженились. Но... это было очень давно, – продолжил Ричард, и в его голосе зазвучали нотки ностальгии. – Я потерял интерес. Я больше ничего не чувствую. Сейчас все мое внимание сосредоточено на тебе.

Сердце Хлои переполнилось эмоциями, главной из которых было облегчение. Ночное небо, казалось, засияло ярче,

отражая сияние ее улыбки. Она теснее прижалась к Ричарду, лелея любовь, которая связала их в тихой красоте той ночи.

Посреди их тихого оазиса, Хлоя решила задать вопрос, о котором думала весь день. Подняв глаза к звездному небу, она повернулась к нему, ее голос был мягким и наполненным чувством тоски.

– О чем ты думаешь в последнее время? – спросила она. – Когда ты один, только ты и твои мысли.

Она надеялась получить романтический и личный ответ, заглянуть в самые сокровенные чувства Ричарда и, возможно, услышать, что он думает о ней. Ее сердце трепетало от предвкушения, ожидая его ответа.

Ричард смотрел в ночное небо, и в его глазах отражались мерцающие звезды.

– Ну, в последнее время я думал о том, сколько масок мы носим для других, – сказал он спокойным и задумчивым голосом. – И что, в итоге, никто не знает тебя настоящего.

В его словах был оттенок меланхолии, и она почувствовала глубину его мыслей, которую раньше до конца не осознавала.

– Это можно исправить честностью, – мягко вставила она, и в ее голосе звучали нотки оптимизма.

Кривая улыбка Ричарда говорила о более глубоком понимании сложности человеческой природы.

– Легче сказать, чем сделать, моя дорогая. Не каждый может смириться с правдой. Кроме того, может ли человек быть

по-настоящему честным? Полностью, абсолютно честным? Иногда мы не честны даже перед самими собой: предпочитаем говорить себе удобную ложь, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с тем, что мы сотворили, или с желаниями, которых мы жаждем, но которые пугают нас.

Пока слова Ричарда повисали в воздухе, Хлоя размышляла о тонком танце между правдой и самообманом, который формирует человеческий опыт.

Она наблюдала, как он принял более удобную позу, его взгляд был отстраненным, затерянным в бескрайности ночного неба.

– Знаешь, – продолжил он, – ты никак не сможешь полностью открыться кому-либо. Рассказать то, в чем не можешь признаться даже самой себе. Поэтому, как бы ты ни старалась, никто не узнает тебя настоящую. Твою внутреннюю борьбу, твои мысли и чувства. Вот почему мы живем в одиночестве и умираем в одиночестве.

В его словах, казалось, слышался оттенок тоски, и Хлоя почувствовала в нем противоречие – страх одиночества вплетен в понимание того, что это может быть истиной в последней инстанции.

Тихий вздох сорвался с ее губ, прежде чем она заговорила. – Ричард, – ее голос был задумчивым, – понять кого-то – это не значит раскрыть каждую мимолетную мысль. Все гораздо сложнее, чем грубая честность или бесстыдная ложь. Это сложная совокупность секретов, чувств и рассуждений.

Ричард, неподвижный, как ночь вокруг них, встретил ее взгляд с проблеском понимания.

– Верно, – признал он с нежной улыбкой. – Жизнь – это хрупкое равновесие между нефльтрованной правдой и продуманной сдержанностью. Все дело в том, чтобы найти баланс. Но как мы можем по-настоящему узнать кого-то, когда он, возможно, даже не понимает себя? Отрицая свои потребности и страхи, мы теряемся в том, что на самом деле происходит в нашем сознании, и позже нам трудно разобраться в первоначальных убеждениях и мыслях.

– Да, – тихо проговорила она, взгляд ее был отстраненным, а мысли медленно обретали форму, – когда человек не знает себя, это трагедия. Но, по крайней мере, он может выбрать быть открытыми и честными в отношении того, что они воспринимают как реальное.

Ричард на мгновение закрыл глаза, а затем снова открыл их.

– Это интересная перспектива. Открытость и честность в отношении нашего собственного восприятия реальности действительно важный шаг в развитии отношений. Но помни, что истинная трагедия заключается не в незнании самого себя, а в отрицании истины, когда она стоит прямо перед тобой.

– Страх, – она задумчиво кивнула, – часто именно страх сдерживает людей. Некоторые просто недостаточно сильны, чтобы победить его.

В улыбке Ричарда был намек на веселье.

– Страх действительно сильная эмоция. Но иногда это также признак слабости. Сильные люди – это те, кто может встретиться лицом к лицу со своими страхами и найти способ преодолеть их. Они не позволяют страху диктовать их действия или выбор.

Хлоя встретила с ним взглядом, переваривая его слова.

– То есть, ты хочешь сказать, что сильные люди никогда не лгут самим себе? – спросила она.

Он задумчиво покачал головой.

– Нет, я говорю совсем не об этом. Бывают моменты, когда ложь самому себе может служить формой самозащиты, способом оградить себя от встречи с болезненной правдой. Однако важно распознавать, когда эта ложь становится щитом для наших слабостей.

– Это не щит. Это всего лишь прикрытие.

Ричард махнул рукой.

– Прикрытие, щит – они служат разным целям, но часто приводят к одному и тому же результату: сокрытию правды. Задача заключается в том, чтобы найти баланс между самосохранением и самосознанием.

– Значит, у людей нет возможности полностью узнать друг друга? – спросила Хлоя, желая прояснить его точку зрения. – Даже если мы честны со своими чувствами и сомнениями?

Ричард кивнул.

– Мы никогда не сможем по-настоящему полностью по-

нять другого человека, поскольку наше уникальное восприятие и жизненный опыт формируют наше понимание. Это неотъемлемое ограничение человеческих связей.

– Каждый человек – продукт своего окружения, да? – прокомментировала Хлоя, на ее лице появилась понимающая ухмылка.

– Абсолютно. Наше окружение оказывает глубокое влияние на наши убеждения, ценности и поведение. Вот почему так важно оставаться открытым для понимания различных точек зрения, поскольку они могут быть противоположны нашей собственной, и в дальнейшем мы можем использовать парадигму другого человека, как его собственную слабость.

– Ты думаешь, главная причина в том, чтобы быть могущественнее? – вопросительно подняла бровь Хлоя. – Нет, Ричард. Она в том, чтобы установить связь. – Ее пристальный взгляд впился в его глаза. – Почему ты так отчаянно хочешь всегда быть сильным?

Лунный свет окутывал их мягким, неземным сиянием, придавая их беседе нежную, потустороннюю атмосферу.

Ричард встретился с ней взглядом, выражение его лица было задумчивым. В воздухе произошло едва уловимое изменение, как будто сама ночь затаила дыхание, ожидая его ответа.

– Я... не знаю. – Он тяжело вздохнул. – Я думаю, часть меня жаждет признания, и быть сильным – это способ дока-

зать свою ценность. – Он отвел взгляд. – И быть слабым... Это похоже на предательство по отношению к самому себе. И всему, чего я достиг.

Эмоциональный груз самоналоженных стандартов Ричарда пролез в душу Хлое.

– Вот чего я не понимаю. Почему ты так строг к себе? Ричард, момент уязвимости не делает тебя слабым. Он просто делает тебя человеком.

– Я знаю, но... Мой отец не нажил своего богатства, и я не сохранил его, проявляя слабость. Невозможно достичь чего-то великого, если ты позволяешь себе слабость.

Пристальный взгляд Хлои оставался твердым.

– Дело не только в успехе или деньгах. Ты можешь никогда не показывать слабость перед своими партнерами, но, в конце концов, ты же не робот. Ты все еще испытываешь эти эмоции, даже если отрицаешь это, и тебе не обязательно переживать их в одиночку.

Глаза Ричарда на мгновение расширились, затем сузились в раздумье.

– Партнеры... Ты имеешь в виду бизнес? – Он слегка ухмыльнулся. – Я всегда был хорош в поддержании отношений, соблюдении приличий. Что касается эмоций... Это нюансы, но я научился их контролировать.

Хлоя мягко покачала головой, ее голос был непоколебим в своей убежденности.

– Это не нюансы. Что такое наша жизнь без эмоций? Мы

живем ради них. Если нет эмоций, то все теряет свой смысл.

Ричард откинулся назад, на его лице отразилось глубокое раздумье над этой новой перспективой.

– Интересный момент, но он не меняет того факта, что они могут быть непредсказуемыми и разрушительными. Главное – это контроль, моя дорогая.

Хлоя прикусила губу, собираясь с духом.

– Я хочу сказать, что... ты всегда можешь открыться мне, если почувствуешь себя обремененным. Ты не одинок, ты знаешь?

Глаза Ричарда расширились, застигнутого врасплох ее искренним предложением:

– О, эм... Спасибо, Хлоя. Правда. Знаешь, может быть, вот почему... почему я думал о тебе в последнее время... – тихо признался он после паузы.

Хлоя наклонила голову, ее голос был мягким, но полным любопытства.

– О, правда? И каковы же твои мысли насчет меня?

Под бескрайним ночным небом, залитым мягким серебристым сиянием луны и бесчисленных звезд, любопытство Хлои разгоралось подобно легкому ветерку. В ее глазах, освещенных небесным зрелищем наверху, была тонкая смесь предвкушения и восхищения, когда они остановились на Ричарде.

– Они сложные. Ты... очаровательна. И твоя прямота освежает. Ты из тех, кто не стесняется в выражениях, и меня



это интригует. Но ты также заставляешь меня чувствовать себя странно.

Игривая ухмылка заиграла на губах Хлои.

– По-хорошему странно или по-плохому странно?

– И то, и другое, честно говоря, – уголки губ Ричарда приподнялись. – Я не могу точно определить, что это, но в тебе есть что-то особенное, что пробуждает во мне любопытно.

С легким озорством Хлоя наклонилась и быстро, нежно поцеловала его.

– Что ж, мне нравится заставлять тебя чувствовать это.

Он ответил на поцелуй.

– А мне нравится, как ты это говоришь. Это... опьяняет.

Но в то же время немного пугает.

Она нежно погладила его по щеке, ее глаза были полны понимания и заботы.

– О, Ричард. Ты самый сильный человек, которого я когда-либо встречала, и все же ты боишься стольких вещей. Большинство из которых – это... ты сам.

Но он резко оборвал ее, в его глазах появился намек на уязвимость.

– Давай сменим тему.

Хлоя чувствовала, что эта тема все еще была для него хрупкой, и он был не совсем готов раскрываться дальше.

– Хорошо, – сказала она, запечатлевая его губы в нежном поцелуе.

В безмолвных объятиях ночи Хлоя и Ричард продолжа-

ли мягко покачиваться на спокойных волнах. Мир вокруг них, казалось, исчез, когда они наслаждались успокаивающим ритмом воды под ними. Лунный свет отбрасывал серебристый отблеск на воду, создавая игру света и тени на их лицах. Далекий городской пейзаж рисовал завораживающую картину сверкающих огней, огненный маяк на горизонте, который добавлял очарования вечеру.

## 6.

В самом сердце маленькой кухни Джонни, где воздух был наполнен сладким ароматом готовящихся кексов, Чарли был погружен в свой телефон, его пальцы сосредоточенно тыкали по экрану. Теплое сияние духовки отбрасывало успокаивающий свет, создавая уютную атмосферу.

Заинтересовавшись увлеченностью Чарли, Джонни, снимая фартук, оглянулся и поинтересовался:

– Чем ты так занят?

– Провожу небольшое исследование, – ответил Чарли, все еще не отрываясь от экрана. – Как ты думаешь, трехлетний ребенок знаком с концепцией скрапбукинга?

Озадаченный Джонни отвернулся от духовки и посмотрел на Чарли, в его глазах отражалось замешательство.

– Скрапбукинг? Почему именно он?

Наконец, оторвав взгляд от телефона, Чарли усмехнулся.

– Ну, знаешь ли, всегда нужно быть готовым поразить ребенка чудесами мастерства в скрапбукинге. Никогда не знаешь, когда это может пригодиться.

У Джонни, однако, была иная точка зрения.

– Тебе не кажется абсурдным, что до сих пор никто не знал о том, что у Ричарда есть дочь? – спросил он, посмотрев на Чарли с неподдельным удивлением.

– Рич не святой, но это его история, и ему решать рассказывать ее или нет.

– Это серьезнее, чем какая-то старая история, вроде того, какие дурацкие наряды он носил в пятом классе, – заявил Джонни. – Это жена и ребенок!

Чарли не дал Джонни начать серьезный разговор, дав понять, что не хочет это обсуждать. Джонни, подавив свои мысли, ненадолго замолчал. В конце концов, он не смог удержаться от любопытства.

– Почему ты так о ней печешься? – спросил он, поджав губы.

– Дейзи просто милая, – отмахнулся Чарли.

– Ты хочешь ребенка? – продолжал настаивать Джонни.

Чарли покачал головой, отрицая любые подобные намерения. Последовало недолгое молчание, прежде чем он признался: "Я хочу как-то компенсировать отсутствие Ричи в ее жизни".

Джонни, переваривая это откровение, собирался ответить, когда Чарли перевел разговор в шутку.

– Ну, Дейзи нужны все положительные эмоции, которые она может получить, особенно учитывая, что ее матерью является Моника.

Джонни облокотился на кухонную стойку, не сводя взгляда с Чарли.

– Что у вас с Моникой? – спросил он.

Чарли вздохнул, в его глазах промелькнула ностальгия.

– Это долгая история, – ответил он, взглянув на Джонни. Тот выжидательно смотрел на Чарли, побуждая его продолжить. – Мы познакомились в университете. Ричи она понравилась, и, ну, он втянул ее в наш дикий, хаотичный мир, – объяснил Чарли, в его тоне слышалась смесь веселья и воспоминаний. – Наша университетская жизнь была, мягко говоря, интересной, – продолжил он с озорным блеском в глазах.

Чарли поднес руку ко рту и громко прошептал: "Наркотики", – с театральным оттенком, как будто кто-то мог подслушать их разговор.

– И вот, – вздохнул он, – однажды Ричи где-то пропал, и в итоге мы с Мони пошли куда-то вместе. Она немного перебрала, и в какой-то момент попросила у меня "чего-нибудь покрепче". – Выражение лица Чарли стало более задумчивым, когда он рассказывал о тех давних и туманных днях.

В комнате повисла пауза, пока Джонни не решил нарушить ее.

– Ты же отказал ей, да? – спросил он, беспокойство отра-

зилося на его лице. Чарли, поджав губы и опустив взгляд, не дал ответа. Джонни всплеснул руками. – Она же была пьяна, Чарли! В таком состоянии ты ничего не можешь ей давать.

– Быстро соображаешь, – на губах Чарли заиграла грустная улыбка.

В комнате воцарилась тяжелая тишина.

– Ну, ты тоже был не совсем трезв, – немного поразмыслив, тихо сказал Джонни.

Чарли усмехнулся.

– Теперь видишь? Ты защищаешь меня точно так же, как я защищаю Ричарда.

Джонни молчал, не отрывая взгляда от столешницы. Чарли вздохнул, вспоминая события того вечера.

– После этого ей стало плохо, она дрожала и кричала. В то время я был чертовски напуган и пьян. Первое, о чем я подумал, это отвезти ее в больницу, – признался Чарли, сделав паузу, чтобы уладить тяжесть воспоминаний. – Больница передала информацию ее родителям, и ее выгнали из университета. Ричи узнал слишком поздно, чтобы что-либо исправить.

Кухня, когда-то теплая и гостеприимная, теперь казалась наполненной отголосками беспокойной истории.

– Но она ведь жива! Это самое главное, – сочувственно произнес Джонни, глядя на Чарли и пытаясь найти луч надежды в мрачном прошлом.

Чарли, глаза которого затуманились воспоминаниями,

глубоко вздохнул.

– Если бы я просто сказал "нет" с самого начала, ничего бы этого не случилось, – признался он, и в его словах чувствовалось сожаление.

– Все совершают ошибки, – успокаивающим тоном сказал Джонни. – Ты не можешь винить себя вечно.

Чарли пренебрежительно махнул рукой, отказываясь избавиться от чувства вины, которое он сам на себя наложил.

– Я не могу простить себя, – признался он, а затем попытался разбавить настроение мрачной шуткой. – После этого Моника стала стервой. Вполне заслуженно, но она не может смириться с этим до сих пор. Ее бесит, что Ричи не отказался от меня после всей этой истории.

Чарли какое-то время смотрел на столешницу отстраненным взглядом, потом усмехнулся.

– После этого у нас началось что-то из серии “Как достать соседа”, – пошутил он с озорным блеском в глазах. – Постоянно подставляли друг друга, разыгрывали... В этом даже был какой-то извращенный дух... дружбы, что ли.

Подняв воображаемый тост, он продолжил с ухмылкой: "А потом, ура, Ричи обрек себя узами брака с этой прекрасной женщиной".

Он сделал вид, что драматично смахивает слезы.

– А потом они расстались, как персонажи плохой мыльной оперы.

В комнате повисла тишина. Джонни не мог четко сфор-

мировать своего мнения касательно этой неординарной ситуации. Нарушая молчание, Чарли вздохнул:

– Единственная проблема сейчас в том, что она не позволяет мне даже посидеть с Дейзи, – признался он с ноткой беспомощности в голосе.

– Может быть тебе стоит поговорить с ней? – наклонился Джонни. – Сейчас, после стольких лет.

– Спасибо, кэп.

– Я имею в виду искренний разговор, – настаивал Джонни. – Ты извинился?

Мимолетное выражение дискомфорта промелькнуло на лице Чарли.

– Да, я извинился.

– Ты не можешь продолжать винить себя вечно. Попроси прощения у Моники, чтобы ты мог простить себя.

Чарли нервно откинул волосы с лица, избегая зрительного контакта.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – уклонился он.

– Поговори с ней, – повторил Джонни, ничуть не смутившись. – Вы не можете вечно быть в состоянии вражды.

Чарли, казалось бы, погруженный в свои мысли, подпер подбородок кулаком, отводя взгляд от разговора.

Посреди тяжелого молчания Чарли осторожно нарушил его тихим, неуверенным вопросом: "Ты смог бы простить такое?"

– Да, – без колебаний ответил Джонни, встретившись с

ним взглядом. – Ты сделал это не со зла. Ты не злодей в этой истории.

Натянутая улыбка заиграла на губах Чарли, когда он устался в пустоту, обдумывая слова Джонни. Внезапно он переключил свое внимание на духовку и спросил: "Кексы готовы?"

Вопрос, намеренная смена темы, повис в воздухе, и Джонни на мгновение заколебался, но затем кивнул в знак согласия. Это было молчаливое соглашение на мгновение отвлечься от тяжести истории, позволив обыденному послужить передышкой от глубокого.

## 7.

Мягкие лучи солнечного света проникали сквозь кружевные занавески кафе, отбрасывая теплый отблеск на разномастную деревянную мебель. Воздух был пропитан успокаивающим ароматом свежесваренного кофе, создавая ощущение уединения от шумного города снаружи.

Пока Хлоя оживленно рассказывала об уязвимости Ричарда, которую она открыла, Джонни сжал губы, выдерживая повествование. Каждое произнесенное ею слово, казалось, вбивало клин между ними. Его раздражало, что его роль в ее жизни, казалось, зависела от присутствия или отсутствия Ричарда. Всякий раз, когда Ричард возвращался,



Джонни чувствовал себя второстепенным, низведенным до уровня простого доверенного лица в размышлениях Хлои о совершенстве Ричарда.

Когда она закончила, Джонни откинулся на спинку стула, и у него вырвался вздох.

– Ты знаешь, что я не в восторге от этого, – начал он, на лице отражалась усталость. – Я просто не понимаю, почему ты вернулась к нему после всего. Он предал тебя, разбил твое сердце. Это неуважительно по отношению к себе. Зачем проходить через это?

Хлоя, слегка закатив глаза, встретила взглядом с Джонни.

– Ты не понимаешь Ричарда так, как я, – возразила она. – Ему действительно жаль, он не хотел причинить мне боль. Поверь мне.

Джонни вздохнул и устало махнул рукой, казалось, он смирился с ситуацией, которая озадачивала и расстраивала его.

– Давай будем честны, – начал он. – На самом деле это не мое дело, но ты знаешь, что много значишь для меня. – Пока он говорил, в его взгляде была искренность. Хлоя, предвкушая разговор, почувствовала легкое напряжение. – В последнее время ты изменилась, и кажется, что я вкладываю в нашу дружбу гораздо больше, чем ты. Наше общение больше не приносит мне радости.

– Джонни... Я... – Хлоя неуверенно попыталась возра-

зитель.

Он поднял руку, останавливая попытку Хлои извиниться.

– Дело не в извинениях. Я просто говорю, как есть, – сказал он, на его лице была смесь принятия и волнения. – Я забочусь о тебе, но наша дружба становится односторонней, и возможно, нам обоим пора переосмыслить ситуацию.

Глаза Хлои искали на лице Джонни признаки смягчения, но она увидела только твердую решимость. Она прикусила губу, обдумывая его слова.

– Мне нужно время, – продолжил Джонни. – Возможно, нам обоим нужно. Наше взаимодействие становится токсичным по отношению ко мне. Это меня ранит, и я не хочу продолжать.

Между ними повисло тяжелое молчание, нарушаемое только отдаленными звуками города за окном и легкой музыкой, играющей в заведении.

Хлоя изо всех сил пыталась найти слова, чтобы преодолеть растущую пропасть.

– Я не хотела пренебрегать тобой или нашей дружбой, – сказала она дрожащим голосом. – Просто в последнее время все стало сложнее.

Джонни кивнул, выражение его лица смягчилось.

– Я понимаю. Но мы должны быть честны с собой. Наше общение не должно быть обузой ни для кого из нас. Возможно, этот разрыв – то, что нам обоим нужно.

Хлоя с трудом сглотнула, на ее лице отразилась смесь

противоречивых эмоций. Она хотела поспорить, убедить его остаться, но чувствовала тщетность этого. Тяжесть невысказанных слов повисла в воздухе,

Не найдя от нее ответа, он натянуто улыбнулся и кивнул на прощание. Когда он ушел, Хлоя так и осталась сидеть там, размышлял над тем, где она могла свернуть не туда, чтобы довести все до такого.

# ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

## 1.

Жизнь Хлои превратилась в яркий парад впечатлений, каждый день приносил что-то новое и захватывающее. Пустота, которая оставалась в ее сердце, теперь была заполнена радостями жизни на полную катушку.

Шумные вечеринки снова стали неотъемлемой частью ее жизни, воздух был наполнен музыкой, смехом и звоном бокалов. Изысканные вечера она проводила, наслаждаясь изысканной кухней в компании Ричарда, и с каждым общим ужином их связь становилась все крепче.

Уютные посиделки в постели были убежищем интимности. Это было место, где время, казалось, остановилось, когда они растворились друг в друге, а внешний мир перестал существовать.

Вечеринки у бассейна с бесконечно веселым Чарли добавляли восхитительный штрих, его заразительная энергия распространялась на всех окружающих. Хлоя познакомилась с невероятными людьми, у каждого из которых были свои уникальные истории и перспективы, обогатившие ее жизнь так, как она и представить себе не могла.

Ее дни действительно превратились в вечно искрящийся фейерверк, каждое мгновение было вспышкой красок на фоне ее существования. Жизнь вновь обрела свой блеск, и Хлоя жадно впитывала в себя каждый ее аспект. Эта глава была напоминанием о том, что даже перед лицом невзгод можно возродить радость, любовь и хорошо прожитую жизнь.

Обожание Ричарда было глубокой эмоцией, которая пронизывала каждую ее мысль и действие. Она смотрела на него с чувством благоговения, очарована его харизмой, умом и силой.

Его теплая улыбка, нежные жесты и непоколебимая поддержка растапливали ее сердце и заставляли почувствовать себя любимой. В его присутствии она находила утешение и защищенность, безопасный островок, где могла быть самой собой без осуждения.

Она была зачарована тем, как он смотрел на мир, его философией и размышлениями о жизни, превращая каждый разговор с ним в возможность учиться и расти.

Ее привязанность была движущей силой их возродившегося романа, неугасимым пламенем, которое продолжало освещать их дальнейший путь.

## 2.

В нежном утреннем свете пальцы Хлои игрались с его во-

лосами. Комната была залита солнечным теплом, и, лежа рядом с ним, она испытывала всепоглощающее чувство удовлетворения.

Комната казалась святилищем, местом, где время замедлилось, позволяя им наслаждаться присутствием друг друга. Кончики пальцев Хлои нежно исследовали изгибы и контуры груди Ричарда, каждое прикосновение было молчаливым признанием в ее любви. Ритмичный подъем и опадание его дыхания под ее прикосновениями добавляли умиротворяющей безмятежности моменту.

Глаза Ричарда были закрыты, его пальцы лениво перебирали ее волосы, словно смакуя каждую прядь. Хлоя обнаружила, что совершенно благоговеет перед ним, и каждый аспект его существа, казалось, был источником восхищения.

Его присутствие, то, как он дышал, запах его кожи, мысли, занимавшие его разум, мягкая интонация его голоса – каждая деталь усиливала ее ненасытное желание к нему. Мир за пределами их комнаты исчез, и все, что имело значение, – это эта интимная связь, союз двух душ, переплетенных в любви.

Для Хлои не существовало такого понятия, как "достаточно", когда дело касалось Ричарда. Чем больше она узнавала его, тем больше жаждала его присутствия, его прикосновений, его привязанности.

Спокойствие этого момента нарушалось только их тихой, беседой.

– Хлоя, – пробормотал он, в его голосе слышались мягкие нотки задумчивости. – Иногда я хочу, чтобы я сам себя не знал. Но я чертовски хорошо знаю себя.

Хлоя не смогла удержаться от вопросительного возгласа в ответ. Она слегка пошевелилась, поворачивая голову к нему лицом. Его пальцы, сильные и в то же время нежные, коснулись ее щеки.

– Помнишь тот разговор на яхте? – он продолжил, – “истинная трагедия заключается не в незнании самого себя, а в отрицании истины, когда она стоит прямо перед тобой”. – Он протянул руку, чтобы деликатно заправить выбившуюся прядь волос ей за ухо. Он продолжил, и в его голосе слышались нотки смирения. – Но для некоторых блаженное неведение лучше.

Пристальный взгляд Ричарда оставался прикованным к ней, его глаза изучали ее лицо в поисках понимания. Было ясно, что он с чем-то борется, и, казалось, он раскрывался так, как это с ним редко случалось.

Хлоя обдумывала его слова, нахмутив брови, пытаясь уловить скрытый за ними смысл.

– Я не понимаю.

Горько-сладкая улыбка заиграла на губах Ричарда, когда он посмотрел ей в глаза, в его голосе слышалась смесь меланхолии и отстраненности.

– Я закончу один, Хлоя. Я знаю это, – сказал он, и в его словах чувствовалась печаль, которую он не мог полностью

скрыть.

Первым побуждением Хлои было опровергнуть его мысли о том, что он, возможно, все еще боится быть покинутым. Ей было больно думать о том, что он несет такое бремя. Ее сердце жаждало успокоить его, заставить поверить, что она будет рядом, несмотря ни на что. Однако она понимала всю деликатность ситуации.

– Почему ты так думаешь? – осторожно спросила она.

Он вздохнул.

– Потому что я слишком хорошо знаю себя, солнышко.

Хлоя прикусила губу, ее голос был тихим, но полным убежденности.

– Я всегда буду с тобой, – искренне прошептала она.

Грустная улыбка тронула губы Ричарда.

– Ты очаровательна.

Они погрузились в задумчивое молчание. Он по-прежнему был погружен в свои мысли, в то время как Хлоя, несмотря на тяжесть разговора, предпочла молчание риску сказать что-то, что могло бы выбить его из колеи.

### 3.

Моника, уютно устроившаяся в плюшевых объятиях своего дивана, поглощенная перипетиями сюжета сериала, была прервана неожиданным стуком в дверь. С некоторой неохотой



той она поднялась со своего места, неспешной походкой направилась к двери и посмотрела в глазок. Какая бы безмятежность ни украшала ее лицо несколько мгновений назад, она исчезла, сменившись выражением удивления, а затем неудовольствия.

Мягкий, почти дразнящий голос с другой стороны прошептал: "Тук-тук".

Внезапно Моника распахнула дверь, на ее лице отразилось явная неприязнь, когда она столкнулась с Чарли. Воздух между ними потрескивал от напряжения, и выражение лица Моника красноречиво говорило о ее раздражении из-за непрошеного вторжения.

Чарли тихо присвистнул, на его губах заиграла лукавая усмешка.

– Рич купил тебе хорошую квартиру, м? Светлую, уютную. Ты, должно быть, живешь мечтой, – заметил он.

Моника была не из тех, кто пропускает подобные комментарии мимо ушей.

– Это все из-за тебя, – огрызнулась в ответ она.

В ответ Чарли театрально поклонился, его тон сочился игривым высокомерием.

– Не за что, – съязвил он, казалось бы, не обращая внимания на реплику Моника. Когда она в раздражении двинулась закрывать дверь, Чарли протянул руку, препятствуя ей. – Прости, прости, – заявил он, и в его голосе появились более серьезные нотки. – Я пришел поговорить.

– Поговорить? – недоверчиво усмехнулась Моника. – Серьезно? Какое ты вообще право имеешь даже приближаться к моему дому?

Однако она осторожно приоткрыла дверь, ее взгляд был вызывающим, когда она посмотрела на Чарли.

– Мы не враги, Мони, – тихо произнес он чувствуя себя уютно и несколько незащищенно.

Ее бровь скептически изогнулась, когда она возразила: "Я не могу вспомнить человека, который разрушил бы мою жизнь больше, чем ты".

Чарли тяжело вздохнул и встретился с ней взглядом.

– Мне действительно не нравится наша затянувшаяся холодная вражда, – признал он.

После минутного размышления Моника внимательно оглядела его с ног до головы, изучая его поведение. Потом отступила назад, молча давая ему возможность пройти.

Глаза Чарли блуждали по квартире, отмечая детали. Моника грациозно опустилась на диван, в то время как Чарли колебался, решив остаться на ногах.

– Послушай, – начал он, – в конце концов, мы были друзьями.

– Да, пока ты все не испортил, – пренебрежительно усмехнулась она.

Тяжелый вздох вырвался у Чарли, когда он посмотрел на нее.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что я никогда не хотел этого

и никогда не желал тебе зла.

Моника недоверчиво приподняла бровь, все еще оставаясь настороже. Тем не менее, в выражении лица Чарли была искренность, которая тронула ее, пусть и на мгновение. В воздухе в комнате повисло хрупкое напряжение, неуверенность в том, к чему может привести этот неожиданный разговор.

Чарли продолжил после короткой паузы, взвешивая слова.

– Я не знаю, почему ты считаешь меня каким-то злым гением. Но правда в том, что я вовсе не злой, и далеко не гений. – Он вздохнул, размышляя о прошлом. – Тот инцидент... Я поступил как идиот, согласившись дать тебе наркотики. Но это было не по злomu умыслу, это была просто глупость. – Повисла короткая пауза. – Тогда я думал, что могу употребить что угодно в любом количестве без каких-либо последствий, – признался он. – Я не заботился о себе, и, ошибочно, проецировал это заблуждение на всех. Включая тебя.

Взгляд Чарли был полон сожаления и самосознания, он надеялся, что его слова смогут проложить путь к пониманию или, по крайней мере, к какой-то форме примирения.

– Мне очень жаль, – произнес он с грустью в голосе. – Я бы хотел все исправить, но я понимаю, что это невозможно. И мне ужасно жаль. – Он продолжал, в его глазах была неприкрытая честность. – Я никогда не думал о том, чтобы разру-

шить твою жизнь, и тем более не пытался сделать. Я вел себя оборонительно, дразнил и постоянно отталкивал тебя намеренно, потому что не мог признать свою вину.

Атмосфера была пропитана раскаянием, и голос Чарли понизился почти до шепота.

– Я никогда не хотел быть разрушителем. Но, похоже, это все, чем я когда-либо был.

Молчание Моники говорило громче слов, она осмысляла внезапное признание Чарли. И когда она, наконец, встала, комната, казалось, сдвинулась в ответ. Тихо она произнесла слова, в которых были и боль ее прошлого, и сила ее стойкости.

– Ты не разрушал мою жизнь. То, что случилось, оставило шрам, но вся эта ситуация не определила мое существование, и, тем более, не перечеркнула мое будущее, – сказала она.

Чарли, на лице которого отразилась смесь раскаяния и благодарности, покачал головой, словно пытаясь развеять навязчивые отголоски своих действий. Моника подошла к нему. Неожиданный прилив сочувствия к Чарли удивил даже ее саму.

– Мы были детьми, – прошептала она. – Ты виноват, но это не делает тебя монстром.

Ее рука слегка коснулась его предплечья. Чарли, явно тронутый неожиданным состраданием Моники, продолжал смотреть вниз. Она произнесла слова, которых он, возмож-

но, не ожидал:

– Я прощаю тебя.

Достаточно близко, чтобы увидеть усталость, отразившуюся на его лице, она встретилась с ним взглядом, ища человечность за ошибками.

– Ты не разрушитель, – сказала она. – Единственное, что ты упорно разрушаешь, – это свою собственную жизнь.

Нервное хихиканье Чарли, с оттенком почти истерики, нарушило неловкую тишину. Внезапно он отпрянул, увеличивая дистанцию между собой и Моникой, как будто невидимая сила оттолкнула его.

– Знаешь, Мони, это как... это как жить на краю обрыва – пробормотал Чарли, его слова были слабой попыткой выразить ту хрупкость, которую он чувствовал.

– Ричард уже давно говорил, что тебе нужна помощь, – тихо сказала Моника, с видом озабоченности.

Чарли, все еще нервничающий, отрицал необходимость внешней помощи, утверждая, что Ричард уже делает все, что в его силах. Тем не менее, в тот момент фасад рухнул, и Чарли стал меньше похож на провокатора и больше на раненую душу.

– Ты не можешь продолжать отталкивать людей. Тебе нужна помощь, – настаивала Моника, в ее словах звучала смесь заботы и раздражения.

– Рич старается, ясно? – Чарли помотал головой. – Он старается. Проблема во мне.

И все же в тот момент он казался уязвимым, раненым ребенком. Подойдя ближе, Моника выразила беспокойство:

– Ричард использует логику как оружие убеждения. Но ты к ней глух. Тебе нужно сочувствие. Особенно от самого себя.

Молча уставившись в пол, Чарли переваривал слова Моника.

– Ричард заплатит любую сумму, чтобы ты почувствовал себя лучше. Разве ты этого не понимаешь?

Все еще глядя в землю, Чарли ответил: "Я понимаю".

#### 4.

Дни продолжали разворачиваться, как страницы любимого романа, и Хлоя стала главной героиней истории, о которой она всегда мечтала. Она шла по жизни с чувством удовлетворенности и самореализации, которых никогда раньше не испытывала. Казалось, счастье стало ее постоянным спутником, заключая ее в теплые объятия и направляя каждый ее шаг.

Мир вокруг нее, казалось, приобретал новые оттенки цвета, и даже самые простые моменты были наполнены глубокой красотой. Каждый восход солнца был обещанием, а каждый закат – напоминанием о радости, которую она обрела. Хлоя дорожила каждым днем, смакуя мелкие детали и дорожа мимолетными моментами. Она нашла свое место в этой

жизни, и именно рядом с Ричардом ее сердце наконец нашло свой дом.

Жизнь Хлои превратилась в затянувшийся сон, к которому она всегда стремилась, и у нее не было никакого желания пробуждаться от этого сна. Счастье было не просто мимолетным гостем; оно поселилось в ее сердце, и она приняла его с распростертыми объятиями.

Однажды она застала нервный срыв Ричарда со стороны. Ее сердце упало. Это было все равно что стать свидетелем превращения мужчины, которого она любила, в кого-то, кого она едва узнавала. Эмоциональная буря, охватившая его, превратила его из теплого и любящего человека в кого-то холодного, жестокого и бесчувственного. Он набрасывался на других, поражая их в самые слабые места и причиняя боль.

Тем не менее, она также знала, что эта темнота Ричарду не нравилась. Это была буря эмоций, которую он не всегда мог контролировать. Как только волна этого срыва схлынула, он часто испытывал сожаление и угрызения совести за свои поступки. Словно он вел битву внутри себя, и иногда он проигрывал.

Сердце Хлои болело за него, и она страстно желала помочь ему найти выход из этой тьмы. Она знала, что это будет нелегко, но была полна решимости быть рядом с ним и поддерживать его.

День за днем приносил ей только положительные эмоции, она чувствовала себя лучше, чем когда-либо. Однако со вре-

менем она начала замечать едва заметные перемены в поведении Ричарда. Это не было связано с чем-то конкретным, но все внутри у нее сжималось, когда она чувствовала растущую холодность.

Дни Хлои были поглощены постоянной, гложущей неопределенностью. Ей страстно хотелось соединиться с ним, понять, что происходит, но его стены, казалось, становились все толще. Она задавали вопросом, были ли ее наблюдения просто результатом ее чрезмерных размышлений или в их отношениях действительно произошел сдвиг.

Каждый раз, когда она пыталась затронуть эту тему, перед ней вставала стена сопротивления. Нежелание Ричарда обсуждать этот вопрос только усиливало ее беспокойство. Отчуждение между ними росло, и каждый немой вопрос усугублял раскол.

Хлоя чувствовала себя детективом, ищущим улики в каждом слове и действии Ричарда. Но ее эмоциональная работа сыщика оказалась бесплодной.

Ее жизнь, когда-то наполненная счастьем и радостью, теперь была омрачена подкрадывающимся чувством тревоги. Хлоя тосковала по теплу и близости, которые они когда-то разделяли, но с каждым днем это, казалось, ускользало все дальше, оставляя ее с чувством изоляции и эмоционального потрясения.

Дистанция между Хлоей и Ричардом продолжала расти. Моменты, которые когда-то были наполнены романтикой



и близостью, стали редкостью, оставив Хлою в состоянии неуверенности и одиночества.

Казалось, Ричард ускользал, как физически, так и эмоционально, все чаще и чаще пропадая в холодном ночном городе. Они с Чарли все реже приглашали ее присоединиться к ним, как будто ее исключали из мира, частью которого она когда-то чувствовала себя.

Его растущее отсутствие заставляло Хлою чувствовать себя брошенной на произвол судьбы. Она пыталась связаться с ним, справиться о его самочувствии или возродить то тепло, которое когда-то окутывало их, но ее попытки были встречены расплывчатыми ответами и оправданиями. Чем больше она искала связи, тем больше чувствовала себя оттолкнутой.

Хлоя боролась с вихрем эмоций – замешательством, грустью и растущим чувством одиночества. Она спрашивала себя, не сделала ли она что-то не так или ей почудилась перемена в Ричарде.

Сомнения и неуверенность продолжали разъедать Хлою. Постоянный анализ каждого слова, жеста и взгляда подводил ее к краю пропасти. Она не могла отделаться от ощущения, что что-то не так, но изо всех сил пыталась точно определить, что именно. Ее мир рушился, и она разрывалась между стремлением к ясности и страхом перед тем, что эта ясность может раскрыть.

Она жаждала найти в нем ту теплоту и искренность, которые когда-то знала, но теперь все казалось сплошным туманом.

ном противоречий.

Мольба Хлои раскрыла всю глубину ее тоски. Слова "Я скучаю по тебе" несли в себе всю тяжесть ее эмоций, и она надеялась на столь же искренний ответ от Ричарда.

Но ответ, который она получила, разрушил эти надежды. Холодная улыбка Ричарда и то, как он отмахнулся от ее боли, вызвали мурашки у нее по спине. Казалось, он соорудил фасад, за которым можно было спрятаться, щит, который держал ее на расстоянии. Слова: "Не говори глупостей, солнышко. Я всегда здесь", – должны были успокоить ее, но возымели обратный эффект. Они казались пустыми, как эхо прошлого.

Когда он поцеловал ее, она не могла не задаться вопросом, было ли это просто жестом, лишенным страсти и связи, которые они когда-то разделяли, или в нем правда таилась теплота. Не придавала ли она этому слишком большого значения? Или Ричард действительно менялся? Неопределенность была постоянной мукой, грызущей ее изнутри, и она жаждала ясности.

Признание Хлои в любви было встречено таким откликом, что у нее защемило сердце. Когда Ричард просто назвал ее очаровательной, не ответив на те три слова, которые она жаждала услышать, внутри нее словно разверзлась пустота.

Ее разум внезапно затопил непрекращающийся поток "что, если". Что, если он больше не любил ее? Что, если их отношения разваливались? Что, если она сказала слишком

много и слишком рано? Что, если он встретил кого-то другого? Эти вопросы кружились в ней бесконечной каруселью сомнений, не давая ей обрести покой и утешение даже во сне.

Ее некогда спокойный мир был потрясен, и основы ее отношений казались неопределенными. Отсутствие взаимности с его стороны создало пустоту, которая перекликалась с ее глубочайшими страхами. Хлоя боролась со страхом потерять любовь, которой она так дорожила.

– Ричард, – начала она, ее голос, с оттенком обиды, дрожал, когда она искала ответы, – что происходит? – наконец собралась с духом она.

Ричард, откинувшийся в кресле, сохранял видимость безразличия, но в его глазах читалось легкое раздражение. Он выгнул бровь в ответ на пытливые расспросы Хлои, как бы подзадоривая ее продолжать.

– В смысле?

Она настаивала, ее голос был ровным, но в нем чувствовалась тяжесть ее эмоций.

– Ты стал отстраненным, – заявила она, с трудом выговаривая слова.

Прежде чем она смогла продолжить, Ричард резко оборвал ее.

– О, старая песня, – усмехнулся он, словно отмахиваясь от ее замечаний.

Полная решимости докопаться до сути дела, Хлоя двину-

лась вперед, не желая, чтобы ее заставляли замолчать.

– Нет, это правда! – настаивала она решительным голосом. – Что случилось?

И затем она отважилась на более неопределенную территорию, ее голос был пронизан трепетом: "... это из-за Моники?"

Реакция Ричарда была мгновенной, и он огрызнулся, защищаясь, явно раздраженный:

– Боже мой, причем здесь Моника? Не все в этой жизни вращается вокруг Моники.

Последовавшая за этим тишина тяжело повисла в комнате. Хлоя внимательно наблюдала за лицом Ричарда.

Ричард потер переносицу.

– Хлоя, – начал он, – я правда не хочу грубить, но ты утомляешь меня своей заикленностью на Моники. Ты видишь то, чего нет, подгоняя свои мысли под извращенную и необоснованную версию. Это не имеет к ней никакого отношения.

– Тогда почему?! – закричала Хлоя, ее отчаяние достигло своего пика.

Ричард, по-видимому, измученный хождением взад-вперед, глубоко вздохнул.

– Хлоя, чего ты хочешь от меня? – произнес Ричард усталым тоном.

– Внимания! – искренне воскликнула она. – Я хочу наших разговоров, твоих прикосновений, теплых слов, особенных

вечеров! Я хочу тебя!

Ричард сжал губы.

– Обаяние застилает тебе глаза ровно до определенного момента. Под всем этим фасадом я все тот же человек, независимо от того, что говорил и делал для тебя.

Хлоя непонимающе моргнула.

– Что ты имеешь в виду?

– В ту ночь, когда я разбил тебе сердце... – с ледяным безразличием в голосе сказал он.

От одного упоминания о той роковой ночи в воздухе повеяло холодом, добавляя соли на открытую рану. Хлоя встретила его слова беззащитным взглядом, ее глаза искали любой намек на эмоции за его стоическим фасадом.

– Ты знаешь, почему я это сделал? – спросил он, тон был полностью лишен эмоций.

– Ты боялся остаться один, – произнесла Хлоя уязвленным шепотом.

Ричард, однако, отрицательно покачал головой.

– Я солгал, – признался он, и в его признании не было ни капли раскаяния. – Я был готов сказать что угодно, лишь бы вернуть тебя. Я сделал это, потому что мог.

Осознание обрушилось на Хлою подобно лавине, масштаб его признания ошеломил ее. Но среди бури эмоций она нашла неожиданное утешение в его словах. Он солгал, но это была ложь, сотканная из потребности в ее присутствии, признание в том, что он не вынесет потери ее.

– Все в порядке, – ответила она с неподдельным состраданием в голосе. – Сейчас я здесь, с тобой.

В ее словах были теплота и прощение, оливковая ветвь, протянутая в надежде на исцеление и движение вперед.

– Хлоя, – произнес он, а затем последовали опустошающие слова. – Ты мне не нужна.

Она пошатнулась, как будто земля ушла у нее из-под ног. Хлоя пристально посмотрела ему в глаза, ища хоть какой-нибудь признак того, что он не имел в виду то, что только что сказал. Но его взгляд оставался непреклонным, а голос был холодным и непоколебимым, как лед.

Этого не могло быть; он не мог этого говорить. Ее разум лихорадочно пытался осознать реальность происходящего. Он снова отталкивал ее, и она не могла понять почему. Паника захлестнула ее, когда она инстинктивно покачала головой, отчаянно пытаясь отвергнуть болезненную реальность.

– У тебя просто очередной нервный срыв, – сказала Хлоя, пытаясь рационализировать его слова, найти смысл в непонятном. Она искала хоть какую-то причину жестокости, о которой только что услышала. Но взгляд Ричарда оставался неумолимым.

– Я тебе очень благодарен, – продолжил он, его слова были лишены эмоций. – За то, что ты была со мной в трудное для меня время. Но мне просто нужна была жилетка, чтобы поплакаться. Мне жаль. Я правда благодарен тебе. Но мне это больше не нужно.

Его голос был окончательным, заявление, от которого ее мир разлетелся вдребезги.

Слезы навернулись на глаза Хлои.

– Ричард, пожалуйста... – произнесла она дрожащим голосом.

Но мольба осталась невысказанной, поскольку ее горло сжалось, не в силах закончить предложение. В этот момент она почувствовала, как пустота его слов пронзила ее сердце, оставив глубокое чувство покинутости.

Когда тяжесть безжалостных слов Ричарда обрушилась на нее, мир Хлои, некогда яркий и разноцветный, рассыпался на тысячу осколков. Боль, пронзившая ее, была невыносимой, и она чувствовала, как саму ее душу вырывают из ее существа.

Сосущая пустота грызла ее желудок, бездна отчаяния, которую, казалось, невозможно заполнить. Боль была такой острой, такой всепоглощающей, что у нее перехватило дыхание. "Этого не может быть", – повторяла она, как будто настойчивое отрицание могло сделать это неправдой.

Она отдала этим отношениям все, что у нее было, любя его с такой силой, о которой никогда не думала, что это возможно. Она подвергала сомнению каждое мгновение, каждое воспоминание и каждую эмоцию, которыми делилась с Ричардом. Как он мог не чувствовать глубину ее любви, жертвы, на которые она пошла, то, как она ставила его счастье превыше всего остального?

Хлоя позволила ему стать ее миром, занять самые сокровенные уголки ее сердца. Мысль о том, что она никогда не увидит его, никогда не испытает тех блаженных мгновений, которые они разделили, казалась невыносимой.

Голос Хлои надломился, как будто на нем лежала тяжесть ее рушащегося мира. Она не могла понять, как оказалась в этот момент, почему все распалось у нее на глазах.

– Объясни мне, почему?! – взмолилась она, и слезы потекли по ее лицу.

– Здесь нет никаких "почему", – заявил он с окончательностью, голос его был угрожающе спокойным. – Это просто данность. Я не могу дать тебе то, чего ты жаждешь.

Крик боли Хлои разнесся по комнате, грубый крик отчаяния, который, казалось, подчеркивал каждый вопрос, мучивший ее.

– Почему все изменилось!?

– Чувства угасли, – как ни в чем не бывало заявил Ричард, и эти слова кинжалом вонзились в ее и без того израненное сердце.

Внутри Хлои бушевали опустошение, печаль и ярость, эмоциональный вихрь, который угрожал поглотить ее.

– Как ты можешь?! После всего, что у нас было?

Но Ричард оставался равнодушным, его взгляд не дрогнул, когда он нанес последний удар.

– Я ничего не обещал.

Его слова, такие отстраненные, эхом отдавались в ее го-



лове. Как он мог сказать подобное? Разве они не построили совместную жизнь, не поделились своими мечтами и не вплели свои сердца друг в друга?

Сама суть существования Хлои была утрачена. Она жаждала ответов, объяснений причин, но все, что она получала, было безразличие. Как он мог так резко измениться? Как они спустились с головокружительных высот любви в эту пропасть?

Хлоя, с опухшими от слез глазами, продолжала свою отчаянную борьбу за спасение того, что разваливалось прямо у нее на глазах.

– Ты не должен бояться своих собственных эмоций, – попыталась достучаться до него она, ее голос дрожал. – Да, они могут пугать, но ты можешь чувствовать... всё то, что ты можешь посчитать за слабость. Но это не так.

Она говорила, вкладывая в слова всю душу.

В ответ реакция Ричарда была далека от той, на которую она надеялась. Он закатил глаза с видом раздражения и презрения.

– Перестань пытаться препарировать меня, считая, что ты понимаешь хоть что-то.

Его слова оставили у нее затаенное чувство беспомощности и разочарования. Она отчаянно хотела сблизиться с ним, но чувствовала, что ее отталкивают все дальше, и эмоциональная пропасть между ними становилась все глубже.

Она чувствовала себя так, словно сама ее душа была опу-

стошена, оставив ее в оцепенелом состоянии. Даже слезы покинули ее, не желая литься из глаз, оставляя глубокую пустоту.

В этом сюрреалистическом онемении она двигалась механически, словно тело было пустым сосудом, ноги несли ее прочь, и она не осознавала реальности. Все вокруг казалось ей странно нереальным, и она изо всех сил пыталась соединиться с собой или со своим телом, как будто была простой марионеткой, управляемой невидимыми силами.

Будущее казалось непроницаемой пустотой. Она не могла справиться с мыслями, не могла понять, как продолжать жить. Словно ее оставили одну в темном, зловещем лесу, и она не знала, куда повернуть и хватит ли у нее вообще воли двигаться вперед. Ее мир изменился по щелчку пальца, оставив ее изолированной в этом темном лесу, тоскующей по тому, кто провел бы ее через неопределенность. Она задалась вопросом, стоит ли жить без любви и дружбы, которые когда-то определяли ее мир.

# ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

## 1.

Джонни от души рассмеялся, услышав шутку Чарли во время их видеозвонка. На заднем плане была видна комната Джонни, заваленная книгами и бумагами, отражающая хаос студенческой жизни.

– Твоя моральная поддержка, возможно, единственное, что помогло мне доделать этот чертов реферат, – сказал Джонни с игривой усмешкой.

– Что ж, у тебя здесь лучшая команда поддержки. Мы позаботимся о том, чтобы любые твои академические успехи были приписаны нам.

– Ну, такими темпами мне понадобится нечто большее, чем моральная поддержка. Возможно, чудо, – с улыбкой продолжил Джонни.

– Меня называли по-разному, но чудотворцем? Это что-то новенькое. Добавлю это в свое резюме.

– Если ты чудесным образом сможешь закончить недельное недоделанное эссе за меня, я буду бесконечно благодарен. Возможно даже назову своего первенца в твою честь.

– Чарли-младший? – притворно ахнул Чарли. – Для меня

это честь. Тогда давай нацелимся на эссе, достойное Пулитцеровской премии.

Выражение лица Джонни резко изменилось, беззаботная улыбка исчезла с его лица. Чарли, почувствовав перемену, спросил: "Что случилось?"

– Хлоя звонит, – ответил Джонни с нечитаемым выражением лица.

Между ними воцарилось задумчивое молчание, пока Чарли не прервал его.

– Ответишь? – осторожно спросил он.

Джонни, прикусив губу, признался: "Я не понимаю, что происходит."

Он колебался короткое мгновение, затем принял решение.

– Подожди немного, – сказал он Чарли и щелчком ответил на звонок Хлои.

В трубке послышался приглушенный голос Хлои.

– Как дела? – тихо спросила она.

Выражение лица Джонни изменилось, отразив озабоченность, и он наклонился ближе к экрану, как будто близость могла преодолеть цифровой разрыв между ними.

– Что случилось с Ричардом? – спросил он.

– Он бросил меня, – всхлипнула Хлоя.

Между ними повисло тяжелое молчание. Джонни, борясь со своими собственными эмоциями, наконец заговорил.

– Мне жаль. – Он поколебался, затем продолжил. – Я хо-

чу помочь тебе, но я не могу продолжать втягиваться в эти эмоциональные качели. Я скучаю по нашей дружбе, а не по подстраховке.

В словах был оттенок обиды и тоски. Последствия их общения давили на него, оставляя затяжное чувство дискомфорта, от которого он не мог избавиться.

Голос Хлои, с оттенком отчаяния, умолял Джонни по телефону.

– Но ты единственный, кто действительно понимает меня. Ты мне нужен.

Взгляд Джонни слегка посуровел, на его лице отразился внутренний конфликт.

– Я был рядом с тобой бесчисленное количество раз, но каждый раз это причиняет боль. Тебя никогда не было рядом.

Хлоя не нашлась, что ответить и молчание повисло на линии.

Когда Джонни повесил трубку, Чарли спросил: "Все в порядке?" Джонни глубоко вздохнул, разрываясь между страданием к Хлое и необходимостью защитить свое собственное эмоциональное состояние.

Чарли, представляя, через что проходит Джонни, предложил свою поддержку.

– Я понимаю. Это тяжело. Но иногда нужно ставить себя на первое место, – сказал он, взглянув на Джонни и ободряюще кивнув.

Пока продолжался видеозвонок, Джонни находил утешение в непринужденном поведении Чарли. Они возобновили легкое настроение, уводя разговор в сторону от только что прошедшей эмоциональной бури.

## 2.

Дни шли за днями, и Хлоя обнаружила, что попала в ловушку безжалостного круговорота отчаяния. Тьма, окутавшая ее, не проявляла никаких признаков ослабления, и она по-прежнему пребывала в тисках безжалостной депрессии. Жизнь превратилась в безразличное размытое пятно, существование на автопилоте, лишённое смысла.

Мир вращался вокруг нее, но Хлоя чувствовала себя отстраненной, как будто наблюдала за своей собственной жизнью со стороны. Она тосковала по теплу его присутствия, звуку его голоса и нежности его прикосновений.

Ее мир сузился до размеров ее навязчивой идеи, неустанной фиксации на каждом воспоминании и следе Ричарда. Она рылась в своих мыслях в поисках фрагментов их совместного времяпрепровождения, прокручивая в голове моменты, которые ускользали, как вода сквозь пальцы.

Поиски Хлои в Интернете были неустанными, она просматривала новостные статьи, посты в социальных сетях и любое упоминание его имени. Как будто она надеялась найти

какую-то зацепку или след его присутствия в цифровом мире, какое-то доказательство того, что он все еще где-то там.

Идея воссоединения с Ричардом была ее спасательным кругом, проблеском света в бесконечной тьме. Это была нить, за которую она держалась, хотя казалось, что она становится все более хрупкой.

Она была пленницей своей собственной заикленности, неспособной видеть будущее за пределами миража их воссоединения.

Хлоя цеплялась за веру в то, что то, что было у них с Ричардом, не могло быть притворством или ложью. Его нежные слова, теплота в его взгляде и моменты, которые они разделяли вместе, запечатлелись в ее памяти как неоспоримое доказательство его истинных чувств.

Глубоко внутри нее все еще горела связь с ним, и именно это пламя подпитывало ее решимость. Она понимала, что отступление Ричарда было бегством от переполняющих его эмоций, которых он боялся. Он убегал от собственной уязвимости, защищаясь от тех самых чувств, которые когда-то так глубоко связывали их.

Хлоя была непреклонна в своем стремлении помочь ему принять эти эмоции и признать, что он заслуживает любви так же сильно, как и все остальные. Она знала, что преодолеть его барьеры будет непросто, но ее любовь к нему была непоколебимой, и она была готова стоять рядом с ним,

сколько бы времени это ни заняло

С каждым днем она была полна решимости продемонстрировать своими действиями, что ему не обязательно все время быть сильным, что это нормально – быть человеком.

### 3.

Под унылым лондонским небом элегантный черный автомобиль заскользил по просторам величественного территории вокруг особняка Ричарда. Холодный ветер, безразличный к слабым попыткам полуденного солнца согреть землю, пронизывал воздух, оставляя ледяные укусы на всем, к чему прикасался. Когда машина остановилась, Генри, водитель, быстро подошел, чтобы открыть дверь для Чарли. Однако, прежде чем Генри успел протянуть руку, Чарли вышел сам, его дыхание образовывало туманные облачка в холодном лондонском воздухе.

– Спасибо, Генри, – оживленно сказал Чарли, явно пребывавший в хорошем настроении.

Генри почтительным кивком выразил радость по поводу того, что Чарли чувствует себя лучше. Ветер шелестел по элегантному фасаду, и Чарли, поправив воротник пальто, целеустремленно зашагал ко входу в особняк.

Великолепие особняка резко контрастировало со слякотной, неприветливой атмосферой. Вход манил, обещая убе-



жище от внешнего холода.

Чарли подошел к парадному входу, занеся руку, чтобы постучать, но прежде чем его костяшки коснулись двери, она распахнулась. Ричард стоял там, широкая, искренняя улыбка украшала его черты. Не колеблясь, Ричард дружески хлопнул Чарли по плечу, но Чарли, в спонтанном порыве теплоты, превратил это в объятие.

– Добро пожаловать назад, – поприветствовал Ричард. Чарли выглядел удивительно отдохнувшим, тени прошлых трудностей сменились вновь обретенной жизненной силой. Ричард провел его внутрь, их окутало тепло особняка.

– Я купил тебе шарик, – объявил он.

Взгляд Чарли упал на подарок.

– Здесь написано "Это мальчик!" – заметил он.

– Я не смог найти ни одного, на котором было бы написано "счастливого возвращения из реабилитационного центра" – усмехнулся в ответ Ричард.

Чарли искренне рассмеялся, слегка пихнув его в плечо.

– Я искренне рад, что тебе лучше, – тепло сказал Ричард.

– Спасибо, что оплатил... все это, – сказал Чарли.

Ричард пренебрежительно отмахнулся от благодарности.

– Я пытался отправить тебя туда в течение многих лет, – заметил он. – Что изменилось?

Чарли, пожав плечами, в которых чувствовалась вновь обретенная легкость, мягко улыбнулся и ответил: "Думаю, я стал готов".

Ободряющее похлопывание Ричарда по плечу означало понимание и поддержку.

– Как насчет того, чтобы посмотреть твой любимый фильм с твоей любимой едой? Все совершенно случайно оказалось в моем доме.

Это предложение было встречено благодарным смехом Чарли, что подготовило почву для вечера товарищества, совместных удовольствий и тепла их прочной дружбы.

#### 4.

Решимость Хлои оставалась непоколебимой, когда она продолжала свои поиски Ричарда.

Ее учеба была принесена в жертву на алтарь ее непоколебимой преданности, но Хлоя была готова смириться с последствиями. Она не могла позволить себе забыть, двигаться дальше, не тогда, когда ее сердце все еще билось от любви, которую она питала к Ричарду. Каждый день она возвращалась на выставки, ища это знакомое лицо, цепляясь за надежду, что их пути снова пересекутся, и их любовь снова выйдет на свет.

Выставочные залы стали ее убежищем, где она горячо верила, что их пути пересекутся. С каждым визитом к ее предвкушению примешивалась легкая тревога, однако Хлоя упорствовала, отказываясь поддаваться растущему разоча-

рованию, и ее глаза скользили по лицам каждого высоко-го темноволосого мужчины, сердце подпрыгивало от одной только возможности увидеть его еще раз.

Несмотря на свою целеустремленность и непоколебимую решимость, Хлоя постоянно сталкивалась с разочарованиями в своих поисках. Неудача за неудачей брали свое, и она поняла, что пришло время разыграть свой главный козырь.

Однажды вечером, с тяжелым от тоски сердцем, Хлоя направилась в то место, которое, скорее всего, принесло бы желаемые результаты. Она знала, что это рискованный шаг, но это был шаг, который она должна была сделать. Когда она приблизилась к дорогому сердцу Ричарда озеру, знакомое предвкушение и тревога наполнили ее.

Вокруг было тихо и безмятежно, тишину нарушал только нежный шелест листьев и отдаленный шум городской жизни. Хлоя собралась с духом, надеясь, что на этот раз все будет по-другому, что судьба наконец-то будет на ее стороне.

Но дни превращались в недели, а от Ричарда по-прежнему не было никаких вестей. Озеро, где, как она верила, будет ключ к их воссоединению, оставалось тихим и пустым. Неподвижность воды, казалось, отражала ее внутреннее смятение.

Решимость Хлои начала колебаться по мере того, как в нее закрадывались сомнения. Неужели она переоценила значение этого места?

Перед лицом этого продолжающегося молчания и разоча-

рования Хлое пришлось столкнуться с возможностью того, что она, возможно, никогда больше не увидит Ричарда.

## 5.

Когда Чарли распахнул дверь, Джонни бросился, заключив Чарли в крепкие объятия.

– Наконец-то ты вернулся! – Джонни воскликнул с неподдельной радостью.

Чарли, довольно смеясь, ответил на объятие и тепло пригласил Джонни войти.

Он заметил перемену в виде Чарли.

– Ты выглядишь очень свежо, – заметил он с усмешкой.

– Чувствую себя так же, – ответил не менее довольный Чарли.

– Испек тебе те кексы, которые ты так любишь, – поделился Джонни с озорным огоньком в глазах.

Глаза Чарли засверкали от восторга, и он радостно потер руки.

– Ты лучший, – заявил он.

Удобно устроившись, Чарли наслаждался вкуснейшими кексами.

– Я не знаю, кому ты продал свою душу, но сделка определенно была честной, – заметил он между укусами, и на его губах играла искренняя улыбка.

Джонни, разделяя смех, перевел разговор на отъезд Чарли.

– Как все прошло?

Чарли, ненадолго погрузившийся в раздумья, в конце концов нарушил молчание решительным заявлением:

– Нахер моего отца, – заявил он, и в его голосе зазвучала вновь обретенная решимость. – Он не может разрушить мою жизнь, и я ему не позволю, – заявил он. – И... я понял, что способность прощать себя – это не эгоизм, а мудрость.

Джонни кивнул, довольный тем, что Чарли сбросил груз вины, который слишком долго тяготил его. В тот момент, когда они были вместе, казалось, что началась глава искупления.

– Seriously, я понял, что наркомания – это не спасение, не способ убежать от проблем, – размышлял Чарли. – Но это и не наказание. Это просто болезнь. И она не определяет личность. Как и любая болезнь, она излечима.

Улыбка Джонни выражала неподдельную радость от новой перспективы Чарли. В тот момент, среди безмятежности кухни, это напоминало победу над тенью прошлого.

Под общий смех Чарли засмеялся, сказав, что там была всякая забавная хрень, вроде арт-терапии. Они делали горшки.

– Я уверен, ты там всех порвал, – пошутил Джонни.

Чарли скромно признал, что это правда, но потом сменил тему разговора.

– Знаешь, я понял, что мне нравится развлекать людей, – заявил Чарли. – Поэтому, я решил открыть свое агентство по организации праздников, – добавил он с искренней улыбкой.

Джонни, поначалу удивленный, тепло откликнулся.

– Отличная идея! Я рад, что ты нашел то, что тебе нравится.

В комнате воцарилось спокойствие, озаренное довольной улыбкой Чарли, символом его вновь обретенного чувства цели.

Чарли поделился мудростью, его слова были наполнены серьезностью саморефлексии.

– Я понял, что дело не только в признании ошибок, которые мы совершаем, но и в том, чтобы простить себя за них.

– Но также нужно прощать других? – предположил Джонни, наклонившись ближе.

Между ними повисла задумчивая пауза, прежде чем Чарли задумчиво кивнул.

– Нужно уметь отпускать. – На мгновение воцарилось молчание. Затем, нарушив торжественность момента, он заявил: "Так что нахер моего отца", – и они оба разразились смехом, находя утешение в общем понимании и свободе.

На лице Чарли появилось спокойное выражение, и он посмотрел на Джонни.

– Спасибо за все, – сказал он мягким тоном. – Без тебя я бы этого не сделал.

Лицо Джонни вспыхнуло смесью смущения и удивления,

он не ожидал такого признания. Он пробормотал, что это все дело рук Чарли. Нежная улыбка Чарли сохранялась, когда он покачал головой.

– Нет, Джонни, ты появился именно тогда, когда я больше всего в этом нуждался. Прямо-таки судьба.

Джонни, застенчиво улыбаясь, пожал плечами.

## 6.

Отчаяние привело ее к его порогу, и глухое эхо его голоса звучало в ее голове. Она не могла понять, как мужчина, который когда-то приветствовал ее с распростертыми объятиями, теперь отгораживается от нее.

– Ричард, пожалуйста, – умоляла она со слезами, грозившими пролиться, ее голос дрожал.

– Зачем ты приходишь ко мне домой? Ты бредишь, – в голосе Ричарда звучало неподдельное удивление, как будто она была незваным гостем. Но она знала, что это не было галлюцинацией. Ее любовь к нему была болезненно реальной.

– Почему ты не можешь впустить меня в свою жизнь?! – она умоляла, ее голос был полон разочарования и боли от отказа. Но телефонную трубку домофона уже повесили, оставив ее стоять в одиночестве за закрытыми воротами, и ее сердце щемило от чувства покинутости и беспомощности.

Дом, который когда-то был убежищем любви и тепла, теперь казался неприступной крепостью, охраняемой высоки-

ми стенами и запертыми воротами. Она не могла понять, как все дошло до такого состояния.

Хлоя оглядела окрестности, которые стали ей такими родными. Яркие воспоминания об их совместном пребывании в этом месте преследовали ее: смех, совместные трапезы и ночи, когда она чувствовала, что ничто не может встать между ними. Теперь все это было отдаленным эхом.

Солнце начало опускаться по небу, отбрасывая длинные тени, которые, казалось, имитировали растущее расстояние между ней и Ричардом. Она подумала обо всех словах, которые приготовила сказать, об объяснениях и признаниях, которые хотела сделать. Она верила, что любовь может победить все, что их связь была слишком крепкой, чтобы ее разорвать. Но реальность была совершенно иной.

## 7.

Чарли взглянул на свой телефон, заваленный сообщениями от Хлои, в то время как Ричард, пребывая в состоянии расслабления, погрузился в книгу.

– Рич, тебе не кажется, что это уже слишком? – спросил Чарли.

– Вот поэтому я и заблокировал ее номер, – усмехнулся Ричард.

– Это уже жутко, – сказал Чарли, находя ситуацию все бо-



лее тревожной.

– И что ты предлагаешь? – спросил Ричард, пожав плечами. – Позвонить в полицию?

– Ну, во-первых, возможно, тебе и стоит, – ответил Чарли. – Во-вторых, я же тебя предупреждал.

Отвергнув предложение, Ричард беспечно отмахнулся от него, казалось бы, не обеспокоенный сложившейся ситуацией. Он откинулся на спинку дивана, погруженный в книгу, которую держал в одной руке, казалось бы, безразличный к волнению своего друга. Чарли потянулся и накрыл книгу Ричарда ладонью, лишая его возможности продолжать читать.

– Она обожает меня, бла-бла-бла, – передразнил Чарли, вторя пренебрежительному отношению Ричарда. – Твое любимое обожание превратилось в какую-то нездоровую одержимость.

Ричард, сохраняя свое непринужденное поведение, небрежно отмахнулся, заявив: “Не велика разница”.

Чарли решил применить более прямой подход. Резким движением он выхватил книгу из рук Ричарда. Неожиданный поступок вызвал возмущенное восклицание, нарушившее спокойную атмосферу, царившую в комнате.

– Говорил же тебе, что она ведет себя странно, – наклонился Чарли. – Не надо было еще сильнее раскачивать ее на этих эмоциональных качелях.

Ричард бросил на него недовольный взгляд и вздохнул.

– Чего ты хочешь от меня? Признать, что ты был прав?

– Нет, я... Ну, это тоже, – помолчав, ответил Чарли. – Но я просто говорю, что ты сам довел дело до этого.

– Я понимаю, но ничего не поделаешь, – пожал плечами Ричард.

– Поговори с ней по-нормальному, – настаивал Чарли.

Ричард, на лице которого отразился намек на раздражение, коротко ответил:

– Я все предельно ясно объяснил, но у нее, очевидно, проблемы с принятием неприятной правды. Она справится.

Когда Чарли возвращал Ричарду книгу, в комнате повисла напряженная атмосфера. Чарли глубоко вздохнул и сказал: "Я надеюсь на это".

## 8.

Но она не собиралась так просто сдаваться. Хлоя снова стояла у ворот, ее отчаяние переполняло, пока она раз за разом пыталась достучаться до Ричарда. Она не могла понять, почему все вокруг нее, казалось, думали, что она должна просто взять и уйти. Связь, которую она разделяла с Ричардом, казалась слишком сильной, слишком значимой, чтобы просто так расстаться.

Она нажала кнопку внутренней связи, и в динамике затрещал голос Чарли.

– Хлоя, что ты здесь делаешь? Это жутко, – прозвучал голос Чарли, пронизанный беспокойством.

– Чарли, пожалуйста, дай мне шанс поговорить с ним, – Хлоя звучала напряженно.

Но реакция Чарли была далека от того, чего она ожидала. Его голос звучал озадаченно, отстраненно, как будто он не понимал глубины ее чувств.

– Хлоя, оставь его. Что я должен сделать, чтобы ты поняла? Перестань приходить к нему домой.

Отчаяние и решимость Хлои столкнулись в ней. Ей нужно было донести свои эмоции до Ричарда, заставить его понять глубину ее чувств. Ее голос дрожал от нетерпения, когда она умоляла:

– Позволь мне поговорить с ним, Чарли! Если он согласится поговорить со мной, я смогу все объяснить. Он поймет.

Но ответ Чарли был окончательным и непреклонным:

– Ты меня не слушаешь.

Он повесил трубку, не предложив никакого утешения или заверения. Разочарование и гнев Хлои вскипели, когда она изо всех сил ударила ногой по воротам. Ее крик "Чарли, ублюдок!" эхом разнесся в тишине, но ответа с той стороны больше не последовало. Ворота оставались плотно закрытыми.

Она не собиралась отступить, сколько бы ворот, стен или неодобрительных голосов ни стояло у нее на пути. Ричард стоил того, чтобы за него бороться, каким бы трудным ни

был предстоящий путь.

## 9.

Попытки Хлои связаться с Ричардом были похожи на тяжелую битву. Каждый пропущенный звонок, каждое неотвеченное сообщение – все это усиливало ощущение, что мир сговорился против их воссоединения. Ревность и злоба, казалось, просачивались из каждого угла, пытаясь разрушить счастье, которое они когда-то разделяли.

С каждым днем тяжесть ее усилий давила на нее, но она не могла заставить себя капитулировать. Любовь была мощным мотиватором, и Хлоя была готова бороться вопреки всему, против всего мира, чтобы возродить то, что у них когда-то было.

Решение Хлои связаться с Джонни было продиктовано отчаянием, необходимостью изучить любой возможный способ воссоединения с Ричардом. Она набрала его номер, на сердце у нее было тяжело одновременно от надежды и чувства вины.

– Привет, – когда Джонни ответил, в его голосе не было обычного энтузиазма, отражая эмоциональную дистанцию, которая выросла между ними.

– Привет, Джонни, как дела? – ее голос был непринужденным, она попыталась сократить разрыв.

Но ответ Джонни был пронизан сарказмом, раскрывающим его сдерживаемое разочарование.

– Как дела? Мы уже это обсуждали. С чего вдруг интересуешься?

Тяжесть вины навалилась на Хлою. Она была настолько поглощена своей заикленностью на Ричарде, что непреднамеренно пренебрегла своей дружбой с Джонни.

– Мне жаль, – призналась Хлоя, в ее голосе слышались нотки раскаяния. – Правда. Просто Ричард и я... все так сложно.

Она отчаянно надеялась, что Джонни поймет, через какое потрясение она проходит.

Джонни издал усталый смешок, но отстраненность в его тоне была безошибочной. Хлоя ненадолго заколебалась, понимая, что Джонни имеет полное право чувствовать себя обиженным.

– Ага, я в курсе, – сказал Джонни, в его голосе не было теплоты, но чувствовалось явное негодование. – Просто скажи мне, чего ты хочешь.

Хлоя колебалась, чувствуя тяжесть своей просьбы, но это казалось ее единственной надеждой.

– Пожалуйста, поговори с Чарли, – взмолилась она. – Попроси его убедить Ричарда встретиться со мной. Всего одна встреча. Это все, о чем я прошу.

Беспокойство Джонни за нее было заметно по его тону.

– Хлоя, ты одержима им. Это ненормально.

Хлоя знала, что достигла критического момента в своем стремлении к счастью, но слова Джонни послужили суровым напоминанием о том, как ее увлечение Ричардом изолировало ее от тех, кто заботился о ней.

– Я не одержима. Это просто... сложно.

Она надеялась передать, что ее эмоции были искренними, а не просто навязчивой идеей.

Джонни устало вздохнул.

– Отпусти его, – посоветовал он.

– Ты просто не понимаешь, – ответила Хлоя, защищаясь.

Раздражение закипало в ее груди, подпитываемое ощущением, что никто, казалось, не понимал глубины ее эмоций. – Ты можешь просто помочь мне? Пожалуйста?

Наступила тяжелая пауза, и в этот момент Хлоя почувствовала, что забота Джонни о ней не исчезла полностью. В конце концов, он вздохнул, уступая ее просьбе.

– Я поговорю с Чарли.

С этими словами он повесил трубку.

Хлоя почувствовала проблеск надежды. Готовность Джонни помочь была маленькой победой, но это могло стать первым шагом к восстановлению разрушенного моста между ней и Ричардом.

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Сердце Хлои подпрыгнуло от радости, когда она получила сообщение от Джонни, в котором просто говорилось: "Готово". Словно ей бросили спасательный круг в разгар отчаяния.

Слезы облегчения навернулись у нее на глаза, и она не смогла удержаться от улыбки. Будто в ее легкие попал кислород после того, как она так долго задерживала дыхание. Она была полна решимости все исправить, возродить то, что у них когда-то было.

Мысль о том, что Ричард вернется в ее жизнь, поделится с ней своими чувствами, прижмет ее к себе и поцелует в макушку, наполнила ее сердце теплом, которого ей так не хватало.

Хлоя снова оказалась у знакомых ворот дома Ричарда, и на этот раз ворота были широко распахнуты, словно приглашая ее в его мир. Ее сердце бешено колотилось от волнения и предвкушения, когда она переступила порог. Это был момент, о котором она мечтала, – вернуться в его дом, место, где их связывали бесчисленные воспоминания.

Ее дрожащая рука потянулась, собираясь постучать в дверь, но прежде чем она успела это сделать, дверь распахнулась, явив мужчине, которого она так жаждала увидеть.

Вот он, Ричард, такой же очаровательный, как всегда. Его

стройная фигура, идеально уложенные волосы и такая простая белая футболка. И его глубокие, завораживающие глаза были прикованы к ней, глаза, в которых она теряла себя бесчисленное количество раз.

Каждая частичка ее души жаждала броситься в его объятия, прижать его к себе и никогда не отпускать, но она сопротивлялась этому порыву. Это был решающий момент, шанс преодолеть пропасть, которая так долго разделяла их, и она не могла рисковать.

Вместо приветствия, Ричард встретил ее фразой: "Хлоя, это наш последний разговор".

В его заявлении чувствовалась окончательность, но в глубине души она знала его достаточно хорошо, чтобы почувствовать, что он может передумать, услышав ее ответ. Поэтому, тихо кивнув, она согласилась с ним.

В своей типичной галантной манере он пригласил ее на кухню, место, где они провели бесчисленное количество мгновений раньше. С отработанной грацией он налил два бокала вина, но Хлоя даже не прикоснулась к своему, оставив его нетронутым на столе между ними.

– Ричард, тебе не нужно прятаться от меня, – начала она, и в ее голосе звучала нежная мольба. – Я вижу настоящего тебя, того, кто боится своих собственных эмоций. Ты можешь быть уязвимым со мной, и я буду на твоей стороне, несмотря ни на что. Я принимаю тебя, со всеми твоими недостатками.

Взгляд Ричарда был холоден, выражение его лица уста-



лым.

– Ты живешь в мире фантазий, Хлоя, – ответил он, и его слова были подобны осколкам льда. – Мне не нужно твое принятие, и я не люблю тебя.

Сердце Хлои упало от его слов, но ее вера в его любовь осталась непоколебимой. Она потянулась, чтобы коснуться его руки, ее прикосновение было мягким и успокаивающим.

– Ты говоришь так сейчас, но в глубине души ты что-то чувствуешь ко мне. Любовь не так легко погасить.

Ричард убрал руку от ее прикосновения, его взгляд по-прежнему был отстраненным.

– Ты наивна, – категорично заявил он. – Ты не можешь спасти меня или изменить, Хлоя. Я тот, кто я есть.

Глаза Хлои заблестели от навернувшихся слез, но она не позволила им пролиться. Она знала, что битва еще не окончена, и, несмотря на его холодные слова, ее убежденность в том, что он все еще любит ее, оставалась непоколебимой.

– Я не откажусь от нас, Ричард, – прошептала она, – Ты просто убегаешь от самого себя. Тебе не обязательно отталкивать меня. Я понимаю, через что ты проходишь, даже если ты этого не понимаешь.

Но терпение Ричарда было на исходе.

– Хлоя, просто оставь меня в покое, – рявкнул он. – Я не хочу видеть тебя в своей жизни.

Хлоя не была готова отступить, в ее глазах горела решимость.

– Ты ошибаешься, Ричард. Ты отрицаешь свои чувства. Ты любишь меня, даже если не можешь признаться в этом самому себе.

Это стало последней каплей для Ричарда. Он больше не мог сдерживать свое отвращение.

– Ты сводишь меня с ума! – он повысил голос. – Ты приходишь ко мне домой, звонишь моим друзьям. Весь смысл того, что я делал, был в том, чтобы ты не могла со мной связаться!

Глаза Хлои блестели от слез, на лице застыла маска обиды.

– Мне пришлось испробовать все способы, чтобы достучаться до тебя, – сказала она дрожащим голосом. – Я просто хочу, чтобы ты признал свои чувства, посмотрел правде в глаза.

Но холодность Ричарда оставалась непоколебимой.

– Мне не нужна твоя версия правды, – резко возразил он. – И мне не нужна ты.

Хлоя пыталась прорваться к Ричарду, но ее усилия, казалось, только подпитывали его агрессию.

– Ричард, пожалуйста, просто выслушай меня, – взмолилась она с отчаянием в голосе.

Но его терпение было на исходе, и его ответ был резким.

– Ты душишь меня, Хлоя. Твоя навязчивость, твое постоянное преследование – это невыносимо.

Хлоя почувствовала укол предательства. Она цеплялась за надежду, что Ричард все еще испытывает к ней чувства,

но теперь он отталкивал ее все дальше.

– Ты хочешь сказать, что все, что у нас было, ничего не значило? – сказала она, ее голос повысился от гнева.

Выражение лица Ричарда оставалось холодным, голос непреклонным.

– Я никогда ничего тебе не обещал. Ты живешь в заблуждении, гоняясь за иллюзией будущего, которого не существует.

Разочарование Хлои переросло в неприкрытый гнев. Ее глаза наполнились слезами, и она закричала:

– Тогда зачем все это было? Все эмоции, любовь, время, которое мы провели вместе? Ты не можешь просто так все это перечеркнуть.

– Могу и перечеркну. Такова реальность, Хлоя. Мне не нужно твое присутствие в моей жизни. Так что просто держись подальше.

Это был жестокий отказ, который разорвал сердце Хлои. Ее эмоции достигли точки кипения. Она больше не могла сдерживать свой гнев и боль.

– Ты лжец! – закричала она, и слезы потекли по ее лицу. – Лицемер! Урод, который разрушил мою жизнь и мою веру в любовь!

Ричард стоял молча, впитывая поток обвинений. Его безразличие только разожгло огонь ярости Хлои. Она не могла понять, как он мог быть таким отстраненным перед лицом ее боли. В порыве разочарования она толкнула его к стене,

ее голос дрожал, когда она продолжила свою тираду.

– Почему ты не можешь просто поговорить со мной, объяснить что-нибудь? Расскажи мне, что произошло между нами! Ты многим мне обязан, Ричард.

Но даже тогда Ричард оставался пассивным, отказываясь вступать в бой. Ей казалось, что она борется с непреодолимой стеной, и это разрывало ее на части.

В этот момент Хлоя почувствовала, что ее мир рушится. Она отдала все, обнажила свою душу, но безразличие Ричарда оставило в ней чувство опустошенности и поражения.

Хлоя больше не могла выносить молчания. Она закричала, в словах слышался поток разочарования и отчаяния.

– Скажи что-нибудь, Ричард! – Ее голос приобрел почти истерические нотки. – Ты не можешь просто стоять там и игнорировать меня вот так!

Но он стоял там, почти позабавленный ее эмоциональным всплеском. Его глаза были холодны, поза расслаблена, и это еще больше разжигало ее гнев. Она чувствовала, что ее все дальше и дальше загоняют в угол отчаяния.

– Ты бессердечный! – Лицо Хлои покраснелось, по щекам ручьем текли слезы. – Ты разорвал мое сердце в клочья, и в тебе нет ни капли раскаяния!

Ричард наконец заговорил, но это было холодное и насмешливое замечание:

– Хлоя, если ты продолжишь так кричать, то сорвешь себе горло.

Это была вершина его безразличия. Вся любовь, которую она испытывала к нему, казалось, превратилась во всепоглощающую ненависть. Она ненавидела его за то, что он разрушил ее, за то, что был так безразличен к ее боли. В этот момент она презирала его больше, чем когда-либо считала возможным.

Гнев Хлои полностью поглотил ее. Она больше не могла выносить холодного, бесчувственного выражения лица Ричарда. В своей ярости она почувствовала непреодолимое желание стереть это безразличие и заставить его почувствовать хотя бы малую толику той боли, которую испытывала она.

Она дрожащими руками схватила нож со столешницы. Она не собиралась причинять ему физический вред, но надеялась, что вид лезвия шокирует его и он поймет глубину ее отчаяния.

Ее лицо исказилось от ярости. Сверкающая сталь отражала холодный искусственный свет кухни, но ее глаза горели сильным, пламенным чувством.

– Ты думаешь, это игра? – крикнула она, размахивая ножом, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Ричард немедленно вытянул руки перед собой в умиротворяющем жесте.

– Хлоя, успокойся. Ты не мыслишь здраво.

Но она была вне себя, глуха к каким-либо голосам рассудка и рассудительности. Она закричала ему в ответ, ее голос

граничил с истерикой.

– Теперь ты готов слушать, да? Теперь я завладела твоим вниманием? Ты не можешь просто разбить мое сердце и ожидать, что я уйду тихо!

Он уставился на нее со смесью страха и шока.

– Ты больна, Хлоя. Положи нож на место.

Ее ярость все еще была сильна. Она достигла критической точки и хотела, чтобы он почувствовал, через какие муки она проходит, ее сердце бешено колотилось в груди, когда она наблюдала за Ричардом с расстояния в несколько футов, ее глаза горели ревностью и одержимостью.

Нож зловеще поблескивал в тусклом свете, отражая темноту, которая окутала ее.

– Ричард, – прошептала она, ее голос дрожал от смеси страха и гнева, – ты разрушил мою душу. Моя любовь к тебе разрушила мою душу.

– Хлоя, ты не мыслишь критически, – попытался он урезонить ее, в его голосе слышался страх. – Это не любовь.

Но Хлоя, погруженная в свою навязчивую идею, не слышала его слов. Нож казался тяжелым в ее руке – символ решительного выбора, который она могла сделать в пользу своих всепоглощающих эмоций.

Ее глаза были прикованы к Ричарду, ее возлюбленному, ее навязчивой идее и буре ревности, которая угрожала поглотить их обоих.

Голос Хлои, дрожащий от отчаяния, наполнил воздух.

– Ричард, ты довел меня до этого! Посмотри, во что ты меня превратил!

В отчаянии она бросилась на него, с ее губ сорвался крик муки. Она едва успела добежать до него, когда сильная рука Ричарда сжала ее запястье.

Она брыкалась и извивалась, пытаясь вырваться из его хватки. В разгар борьбы ее нога зацепилась за предмет мебели, и с ее губ сорвался болезненный вздох.

В конце концов она вырвалась из его хватки, тяжело дыша и дрожа. Ее ярость не утихла, она только усилилась.

В отчаянии, она накинулась на него еще раз, и Ричард увидел странный блеск в ее глазах, наполненных смесью гнева, печали и охватившего ее безумия. Он бросился вперед, чтобы обезоружить ее.

Когда он сделал выпад, она с чудовищной силой полоснула ножом, и острая, обжигающая боль пронзила Ричарда, и он отшатнулся, схватившись за горло.

Хлюп, ослепленная гневом и отчаянием, в ужасе наблюдала, как из его горла хлынула кровь.

Задышавшись, она увидела, что произошло. Ее дрожащая рука все еще сжимала нож, теперь испачканный последствиями ее действий. Это зрелище было следствием тьмы, которая овладела ею, ревности и одержимости, которые довели ее до такого состояния.

Когда Ричард отшатнулся назад, его руки взметнулись к горлу, пытаясь остановить поток темно-бордовой крови,

хлынувшей сквозь его дрожащие пальцы. Несмотря на его отчаянные попытки надавить, кровь не прекращала литься.

Он начал кашлять, и каждый спазм выбрасывал в воздух новые алые брызги. Ноги у него подкосились, и он упал на колени. На его некогда безупречно белой футболке начали расплываться темно-бордовые пятна. Кровь пропитала его волосы, прилипла к обсидиановым прядям, окрашивая их в зловещий оттенок.

Хлоя, парализованная открывшейся перед ней ужасной сценой, с трудом могла осознать глубину трагедии, которую она только что разыграла. Ее дрожащие руки прикрыли рот, когда ужас ситуации нахлынул на нее. Она не хотела верить, что могла быть причиной такого кошмарного исхода. Ревность и одержимость, которые поглотили ее, переросли в нечто гораздо более зловещее, и улики были разбрызганы красным по всей комнате.

Хлое показалось, что время остановилось. Клинок, которым она орудовала, теперь лежал отброшенный на пол, как неодушевленный соучастник этой ужасной сцены. Ее разум метался от шока, замешательства и чувства вины. Ее любовь к Ричарду подвела ее к краю пропасти, и она выпустила на волю кошмар, из которого не было возврата.

Комната была пропитана тяжелым запахом железа и страха. Узор на стенах, который когда-то был красивым, теперь казался гротескным.

Слезы навернулись на глаза Хлои, когда она наблюдала,



как жизнь Ричарда угасает, а ее мир рушится из-за ее действий. Она не знала, как спасти его. Она даже не знала, сможет ли это сделать. Посреди собственного отчаяния она была парализована леденящим душу осознанием того, что безвозвратно изменила ход их трагической истории любви.

Зрение Хлои затуманилось, а руки задрожали от отчаяния. Она вцепилась Ричарду в горло, ее пальцы пропитались эссенцией его жизни. Кровь сочилась между кончиками ее пальцев, и он мучительно хрипел, борясь за каждый вдох.

Она прижала его голову к своей груди, нежно покачивая, как будто хотела унять боль, стереть ужасы, которые произошли за считанные мгновения.

Слезы текли по ее лицу, горячие и неумолимые. Ее крики превратились в мантру, отчаянное заклинание, призванное вернуть его с края пропасти.

– Ричард! Ричард, пожалуйста, не оставляй меня! – Она выкрикивала его имя снова и снова, как будто одной лишь силой воли могла вернуть его душу в мир живых.

Но чем больше она умоляла, тем больше видела, как жизненная сила вытекает из его некогда пронзительного взгляда. Его глаза, когда-то живые и глубокие, теперь были пустыми и застывшими.

Собственная жизнь Хлои, казалось, висела на волоске, неразрывно связанная с мужчиной, которого она любила, который теперь лежал перед ней таким хрупким и неподвижным. Она отказывалась смириться с неизбежным, желая,

чтобы ее любовь была сильнее самой смерти.

Когда она баюкала безжизненное тело Ричарда, на нее навалилась тяжесть невыносимой реальности. Она оглядела комнату, словно ища убежища в ее привычности, но ничего не нашла. Тикающие часы на стене насмеялись над ней своим неумолимым продвижением вперед, резко контрастируя с парализующей тишиной комнаты.

Истерические рыдания сотрясали ее тело, эхом отдаваясь в безмолвной комнате. Горе и сожаление разрывали ее сердце, разбивая его на непоправимые осколки. Она чувствовала себя изолированной, одинокой в этом кошмарном существовании, созданном ею самой. Никто не мог постичь масштабов ее мучений, и никто никогда не поймет глубины ее отчаяния.

Пока она сидела там, устремив взгляд в пустоту внутри себя, в ее голове один за другим стали всплывать глубокие вопросы. Какова была природа любви, которая могла превратиться в такую сильную ненависть, в такие ужасающие поступки? Способны ли люди разобраться в лабиринте своих собственных эмоций, или им суждено оставаться запутанными в своей собственной сложности?

В жуткой тишине этой комнаты Хлоя столкнулась с неоспоримым парадоксом человеческого существования. Любовь, самая прекрасная и ужасающая из эмоций, была одновременно ключом к просветлению и предвестником разрушения. Именно в сопоставлении этих крайностей она

оказалась запутанной, неспособной избежать противоречий своего собственного сердца.

Это было место расплаты, где она столкнулась с бездной внутри себя, где Хлоя вела безмолвный диалог с прошлым, настоящим и вечно ускользающим будущим. Ее существование оставалось подвешенным в напряжении между любовью и тьмой, в вечной борьбе за постижение парадокса, который определил ее жизнь, ее любовь и ее трагедию.

# ЭПИЛОГ

Невероятно яркое солнце бросало ироничный отблеск на столь мрачный день. Несмотря на первоначальные потрясения, вызванные смертью Ричарда Стерлинга, город с беззаботным видом вернулся к своей обычной жизни. Новости, когда-то наполненные подробностями его кончины, постепенно растворились в фоновом шуме повседневной жизни. Мир двигался дальше, безразличный к некогда шокирующим переменам. Когда-то бурные разговоры об этом стали просто шепотом на ветру.

Словно начались заключительные титры фильма, и зал начал расходиться. Город, некогда оживленная симфония движения и шума, теперь казался нарисованным. Здания стояли высокие и безжизненные, отбрасывая длинные тени, которые, казалось, простирались за пределы их обычных пропорций.

Трава под ногами людей была неестественно зеленой, будто слишком яркой, чтобы быть настоящей. Листья, подхваченные легким ветерком, казалось, парили с потусторонней грацией. Небо над головой, когда—то знакомое голубое, теперь приобрело интенсивность, граничащую с сюрреалистической — его цвет усилился, словно отражая обостренные эмоции, которые недавно охватили город.

Люди двигались по этому изменившемуся ландшафту, как

актеры на сцене, выполняя свои повседневные обязанности с механической точностью. Это был город, подвешенный между двумя мирами – тем, который существовал до шокирующей смерти Ричарда Стерлинга, и тем, который продолжался после.

Они втроем вышли из офиса нотариуса, как будто ничего не изменилось. Тем не менее, для Чарли, Джонни и Моники этот столь обыденный мир изменился навсегда.

Джонни успокаивающе положил руку на плечо Чарли, чьи шаги были тяжелыми от осознания изменившейся реальности.

Поначалу боль была острой и всеобъемлющей, но со временем Чарли нашел утешение в компании Джонни и, на его собственное удивление, Моники. Их общей шок стал связующим звеном, которое помогло облегчить боль. Джонни, оказывая непоколебимую поддержку, был опорой для Чарли в самые трудные моменты. Моника, понимая глубину потери, предлагала собственный способ утешения, готовая помочь.

Дейзи стала источником передышки для Чарли. Встречи с ней действовали как целебный бальзам. Перед лицом внезапной темноты эти лучи света стали необходимыми на пути Чарли к исцелению, напоминая о том, что в жизни, даже после потери, есть моменты тепла.

Новость обрушилась на Джонни подобно внезапному шторму, и его охватил шок. Он и представить себе не мог,

что Хлоя способна на такой поступок. Его грызло чувство вины за то, что он втянул Чарли в эту историю, хотя Чарли и яростно отрицал его влияние.

В разгар собственной внутренней борьбы Джонни знал, что должен быть рядом с Чарли. Пока Чарли переживал потерю Ричарда, человека, которого он считал членом семьи, Джонни отодвинул в сторону собственное смятение, чтобы предложить столь нужную ему поддержку. Груз ответственности навалился на Джонни, напомнив ему, что даже в состоянии шока он должен быть человеком, на которого Чарли мог бы опереться.

Моника восприняла новость со смесью скорби и смирения. Потеря Ричарда глубоко ранила ее, потому что, несмотря на сложности их отношений, нить любви все еще сохранялась. Тем не менее, драма, связанная с его уходом, не мирная смерть во сне, а трагическое убийство, казалась почти подходящим завершением его яркой и бурной жизни.

Несмотря на боль от его потери, Моника нашла своеобразное утешение в присутствии Чарли. Искренность его любви к Дейзи нашла отклик в Монике, он стал фигурой, похожей на дядю, которого у Дейзи никогда не было.

Троица вышла на оживленную лондонскую улицу, прохладный ветер коснулся их лиц. Нога в ногу они прогуливались по тротуару, впитывая пульс города. Нарушив молчание, Моника сверкнула улыбкой.

– Ричард, должно быть, сошел с ума, позволив Чарли за-

брать свою машину.

Чарли усмехнулся, защищая свою репутацию.

– Знаешь, мне всегда нравилась эта машина.

– Ни к чему завидовать, – поддразнил Джонни. – У тебя 50% недвижимости и его акций.

Моника рассмеялась, в ее глазах появился озорной огонек.

– Ну, я мать его ребенка. Чарли же просто... Чарли. Тем не менее, он получил почти столько же, сколько и я.

Воздух наполнился смехом – краткая передышка от тяжести недавнего погружения в воспоминания о болезненных событиях.

Моника, нарушив затишье в разговоре, сказала:

– Вы же видели эти новости? Телефон Хлои – практически алтарь Ричи. Фотографии, история поиска – все о нем.

– Она совершенно не в себе, – прокомментировал Чарли, тяжело вздохнув.

– Я никогда не задумывался над ее изменениями, – сказал Джонни, нахмурив брови. – Прическа, общий стиль. Но потом я увидел тебя, Моника. Она будто старалась полностью тебя скопировать.

– У нее что-то серьезно не в порядке с головой, раз она так зациклилась на Ричи, – поморщилась Моника. Помолчав, она решила тихо задать деликатный вопрос:

– Ты собираешься навещать ее в тюрьме?

Чарли и Джонни обменялись мимолетным взглядом, но

Чарли быстро отвел глаза, не желая навязывать свои чувства. Джонни вздохнул, качая головой.

– Ей, очевидно, нужна помощь, но я не могу представить себя, навещающего убийцу.

Чарли пробормотал, что все в порядке, но Джонни настаивал:

– Дело не в том, чтобы не обидеть тебя. Мне правда нечего ей сказать.

В эти недели Чарли и Джонни находили утешение в обществе друг друга. Их дружба, укрепленная общим опытом и взаимной поддержкой, превратилась в уютное убежище.

В разгар их прогулки по залитому солнцем Лондону Моника, в глазах которой отражалась смесь печали и признательности, отметила:

– У Ричи, несомненно, были недостатки. Куча. Но у него были и хорошие стороны. Очень хорошие.

Чарли кивнул.

– Да, он был тем еще придурком, но он был моим придурком.

– Две беспокойные души столкнулись в смертельном урагане, – добавил Джонни.

– Посмотрите на Джонни, он превращается в поэта, – поддразнил Чарли, на его лице отразилась улыбка.

Их смех резонировал, создавая короткую передышку от тяжести задевших их всех событий. Троица продолжила свое путешествие по залитым солнцем улицам Лондона, разбира-



ясь в сложностях их общей истории.